

Ю. И. Тубольцев

РАЗМЫШЛЕНИЕ О ЧЕЛОВЕКЕ И ЛЮДЯХ

ББК 60.5

Т 81

Ю. И. Тубольцев

Т 81 РАЗМЫШЛЕНИЕ О ЧЕЛОВЕКЕ И ЛЮДЯХ.

– М.: Полиграф сервис, 2005. – 232 с.

ISBN

Давно признан факт приспособления животных к изменяющимся условиям окружающей среды. Однако явление адаптации по сути игнорируется в отношении человека. Между тем эволюция рода людского основывалась не только на биологических, но и на социальных факторах, потому что средою обитания людей наряду с исходной природой является общество. Следовательно, человек должен адаптироваться к изменению этой социальной среды.

Однако если с трансформацией общества меняются и люди, то возникает вопрос: «Кто есть человек? Что в нем незыблемо и вечно, а что изменчиво, подвластно социальной адаптации?» Рассмотрение этих проблем дает представление о границах социальной адаптации, выявляет, в каких условиях и пределах она благотворна для человека, в каких вредоносна, а когда – гибельна.

ISBN 5-86388-116-1

© Ю. И. Тубольцев, 2005 г.

1. Почему человеку не удается познать самого себя?

*«Когда же человек преодолевает
межчеловеческое пространство?»*

Е. Лец

«Человек – наивысшее чудо», – сказал Софокл.

«Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей», – вывел знаменитый поэт.

«Человек человеку – волк», – гласит известное правило.

«Величайшее богатство для человека – другой человек», – торжественно, словно религиозная заповедь, звучит еще одно изречение.

Человек создал кандалы, дыбу, водородную бомбу и рекламу. Его же творения: язык, разум, совесть, наука и искусство. Своим хищным аппетитом он нанес непоправимый ущерб природе. Человек испортил среду своего собственного обитания, но он же создал культуру – рукотворный мир в мире.

Так кто же есть человек? Заслуживает он почтения или презрения? Что означает встреча людей друг с другом: грызню хищников или «роскошь человеческого общения»? Что влечет человека вперед и почему порою он пятится назад? Атомная бомба создавалась для того, чтобы завоевать весь мир, или за тем, чтобы не допустить его уничтожения? Почему отдельный человек может размышлять и планировать свою деятельность, а человечество в целом слепо подчиняется стихии неведомых ему сил и в определенные периоды подобно снежной лавине обру-

шивается с достигнутых вершин вниз, гибнут целые цивилизации? Почему человек изучил животных, познал причины их того или иного анатомического склада и мотивы поведения, но очень мало знает о себе и всякий раз, когда встает вопрос о нем самом, опускает руки и кивает на бога? Причем, принципиально отказываясь от самопознания, от изучения человека как личности, люди в то же время с риторическим надрывом вопрошают себя о смысле жизни, о своем предназначении.

«Познай самого себя», – призывала надпись на храме Аполлона в Дельфах. Было это почти две с половиной тысячи лет назад. Однако лозунг остался только лозунгом, человеку не дали возможности, а точнее, права познать себя. В давние времена античной Греции людям вместо знания предлагали услышать нечто о себе от впавшей в экстаз под действием наркотических паров, источаемых расщелиной в скале у храма, жрицы. Одурманенная ядовитыми испарениями пифия изрекала хаотический набор словес, отражавший сумбур в ее голове, а потом матерый старец тасовал ее слова, сообразуясь с ситуацией и личностью заказчика оракула. Так удовлетворялись запросы эллинов относительно поисков истины о самих себе. Была, правда, еще зловредная категория любителей мудрости – философов, однако с ними управлялись, бросая их в тюрьму, как Дионисий – Платона, или, повелевая испытать настой цикуты, как афиняне – Сократу.

Последующие века лишь усугубили ситуацию. На заре цивилизации человек с оптимизмом взирал в небеса, тянулся к знаниям и жаждал восхода светила, которое, озарив мир, очертило бы контуры истины. Но взойшло солнце и испепеляющим зноем умертвило стремление к знанию.

«Человека создал бог! Большого вам знать не положено», – было сказано людям в средние века, сменившие любознательную античность. Увы, беспощадная ирония по адресу бога! Жестокая напраслина на почтенного патриарха небес! Конечно, «пути Господни неисповедимы», но все же одно утверждение в отношении бога мы должны сделать: он не может быть неразумнее нас. Бессмысленно создавать бесчисленное множество конкретных видов живых существ, кропотливо устанавливая триллионы триллионов взаимосвязей между ними. Мудрый творец создаст семена и законы их роста. А семена человечества были брошены в земную почву тогда, когда появились первые бактерии. Поэтому, не вступая в конфликт с богом (здоровье у меня не очень, и ссориться с хозяином перекрестка заоблачных дорог «Ад» и

«Рай» мне, признаюсь, не хочется), ничуть не входя в противоречие со светлой биоэнергией, аккумулируемой из небес высокими куполами, будем в дальнейшем исходить из наших скромных, земных законов эволюции. Этот подход избавит Небеса также от груза наших человеческих грехов, которые мы норовим взвалить на бога, объявив его всемогущим нашим создателем. И впрямь, если бог всемогущ, он сразу создал бы совершенных людей, зачем бы ему вносить в человечество изъян, а затем лицемерно испытывать их соблазном и грозить адом?

Эволюция все-таки пришла в умы на смену средневековым догмам, но, потерзавшись в казематах официального знания, уступила внешней силе и удовольствовалась миром растений и животных, старательно избегая затрагивать суть человека. Есть в стране человеческого знания особые вершины, покрытые туманом, мраком тайны. Например, происхождение капитала, происхождение сознания, суть человека, условие счастья, законы справедливости. Высоки эти горы, да только почему-то люди не хотят их видеть, а увидевшего отравляют клеветой. Прямо, как у Платона, создавшего символический образ мировосприятия человечества.

Люди, по Платону, с рождения находятся в пещере с оковами на ногах и шее. Они неподвижно сидят лицом к стене, а жизнь проходит у них за спиной. В тусклом свете факелов люди видят тени на стене от движущихся предметов и слышат сопровождающие их движение звуки. Этот хаос теней и звуков создает их представление о мире. Если же один из них освободится из плена, выберется из пещеры и увидит мир таким, каков он есть, а затем спустится к собратьям, томящимся в пожизненном заключении, и станет вразумлять их, его поднимут на смех. «О нем стали бы говорить, — пишет Платон, — что из своего восхождения он вернулся с испорченным зрением, а значит, не стоит даже и пытаться идти ввысь. А кто принялся бы освобождать узников, чтобы повести их ввысь, того разве они не убили бы, попадись он им в руки?»

Взамен знаний людям предлагают легенды, сказания, иногда романтические и красивые, иногда наоборот. А каковы последствия такой подмены?

Представьте, что Вам предложат двадцать теорий расчета траекторий и условий полета на Марс и скажут, будто все они есть мнения, имеющие право на жизнь, из которых каждый волен выбрать любую по собственному вкусу. Увы, такая «свобода выбора» приводит к тому, что, как минимум, двенадцать космических экспе-

диций закончатся трагедией. Успеха достигнет лишь тот, кто следует истине, а не те, кто «свободен» от нее.

Однако, когда речь заходит о расчете орбиты человеческой цивилизации, нам вместо науки преподносят пестрый букет «оригинальных мнений», «нетрадиционных взглядов», «нетривиальных решений» и «свежих идей». Словно бы люди не являются частью природы и на них не действуют законы мироздания. Например, говорят: помаячило над тобою космическое зарево, посыпало твою голову пылью «пассионарности», и ты, что бы ни делал, чего бы ни хотел, кем бы ни был, с неизбежностью превратишься в крутого завоевателя, которому любые безобразия сойдут с рук, чьи преступления будут воспеты в стихах благодарными жертвами. Просыпались крупинки мимо, не украсили твои кудри волшебной перхотью «пассионарности», не взыщи, тщетны все твои усилия, быть тебе рабом! Мораль: заруби старуху, как Раскольников; войны – закон мироздания; господа и рабы назначены небесами! «Да будут вечно безответны мной усмирненные рабы!» – как сказал поэт от имени главного героя нашего времени.

Давно замечено, что цивилизации в своем существовании проходят цикл, подобно живому существу: наивное детство, оптимистичная юность, могучая зрелость, богатая дряхлость в разврате и излишествах, смерть, чаще насильственная – от удара новой, восходящей цивилизации. Однако эти общественные образования подчинены не биологическим, а социальным законам, и их гибель вовсе не предопределена природой. Социальные законы действуют через людей, и, казалось бы, им следует задуматься о том, как избежать смертоносного падения, выявить раковую опухоль деградации и предпринять лечение. Но нет, вместо этого предлагается закрыть глаза на проблему, дабы не видеть очевидного. «Вы, – говорят в глаза человечеству, – регулярно ошибаетесь во времени». И с этими словами «сжимают» историю в несколько раз. В результате, вместо циклов, состоящих из взлетов и падений цивилизаций, получается восходящая кривая от эпохи дикости к нынешней «Америке».

Это можно представить графически (рисунок 1.1). Из кривых, показывающих «жизнь и смерть» трех цивилизаций, для модификации берутся только участки, дополняющие друг друга в плане «роста».

Рисунок 1.1

«Взгляните на график, люди. Не существует никаких проблем! Все прекрасно! Рукоплещите вырождению культуры, наркотикам, торговле детьми «на органы» и женщинами – для органов, ковровым бомбежкам «плохих», «террористических» стран, постоянно растущей мощи военно-промышленного комплекса «миротворцев», неустанно кующего грядущее счастье народов! Шагайте, люди, вверх под карнизы небоскребов и ни в коем случае не смотрите под ноги, туда, где разверзлась пропасть глобальной катастрофы, и главное, голосуйте, голосуйте! Голосуйте, как велит политическая реклама хозяев этого лучшего из миров!» – вот что говорит эта замечательная «теория».

Такой вот парадокс венчает мировоззрение нашего времени! Скрупулезно изучая остальную природу, человечество напряжением всех сил морочит само себя относительно собственной природы. Почему? Откуда берутся «теории», словно специально призванные запустить цивилизацию под откос магистрального пути эволюции?

Познание открывает дорогу действию. Изучив свой организм, человек научился его лечить, ну, почти научился, определив свою сущность, он сможет вступить на путь ее реализации, узнав секрет счастья, он сумеет быть счастливым. Теория сопровождается практикой. Изучив себя, общество сможет управлять своей жизнью и постарается избежать трагического завершения нынешнего цикла.

А для этого оно предпримет попытку остановить деструктивные процессы и стимулировать созидание. Однако любые процессы в обществе реализуются через людей. Значит, выпрямляя смертоносную петлю в траектории цивилизации, придется затронуть интересы соответствующих групп людей. А вот им-то этого и не хочется! Если в обществе начнут превалировать другие процессы, то и преуспевать в нем будут иные группы людей.

Желая, во что бы то ни стало, продлить существование сложившегося порядка, болезнетворные клетки общественного организма отравляют сознание цивилизации ядом фальшивых «мнений» и «теорий», дабы человечество, упаси бог, не включило защитные реакции против болезни. Производится это отравление мировоззрения общества путем направленной селекции, когда все крупницы истины топятя в информационном болоте, а на поверхность выводится только то, что способно повредить самопознанию людей.

Истину нельзя опровергнуть, поэтому ее пытаются оклеветать, если такое не получается, то клеветают на автора, вешают ярлыки, а когда не помогает и это средство, тогда в один ряд с истинной теорией ставят десяток фальшивок, чтобы растворить знание во лжи. Вот такая своеобразная демократия, уравнивающая в правах правду и ложь!

Ученый обязан импровизировать. В поисках тропы истинного знания приходится подчас блуждать в непроходимой чаще неизвестного. На новом пути ошибки неизбежны. Отдельный ученый имеет право на ошибку, а ученый мир в целом – нет. Чтобы стать наукой, то есть интеллектуальным аппаратом общества, гипотеза должна пройти всестороннюю проверку и, лишь преодолев тернии квалифицированной критики, она может превратиться в теорию. Но сейчас все деяния оценивают не люди, а деньги, и именно такая селекция превращает ложную гипотезу в реакционную теорию. Кому-то очень выгоден хаос в умах, ибо непроходимые дебри невежества есть торная дорога к рабству.

Другая причина, вносящая искажения в представления о человеке, состоит в том, что людям свойственно судить о человеческой природе вообще лишь на основании ее конкретных проявлений своего времени. «Судить людей надо или по абсолютным нравственным нормам, или по нормам времени, в которое они живут. Но не по нормам времени, когда мы живем», – сказал Е.М. Богат. Если применить эту формулу, например, к одному из самых известных сейчас персонажей истории Гаю Цезарю, то получим следующее. По нормам своего века, он – человек без чести и принципов, государственный преступник, ухивившийся от ответственности благодаря взяткам, а когда это стало невозможным, пошедший войною на свой народ. По абсолютным нормам, это – авантюрист,

который захватывал города и нападал на соседние народы ради наживы, предавал друзей, и, в конце концов, весь средиземноморский мир утопил в крови. Он — могильщик Римской республики, вместе со свободой римлян похоронивший их великий дух и характер. Однако его эгоистический авантюризм являлся продуктом и выражением объективного кризиса республики, все его дурные качества были затребованы временем. Подобно волку в природе, он стал «санитаром истории». Все свои таланты он направил во вред лучшим людям и в ущерб республике, чем ускорил ее гибель и сделал ее драматичной и кровавой, но республика погибла бы и без него, и неизвестно, была бы в этом случае ее агония легче или еще страшнее. А вот по нормам нынешней западной цивилизации, существующей за счет колонизации всего остального мира, достигавшейся вначале военными, а затем политико-экономическими методами, Цезарь — идеальный герой, поскольку личная корысть для него выше законов, любви и жизни миллионов людей, и, самое главное, потому, что он достиг успеха. Даже то, что этот старик принудил к сожителству юную Клеопатру, воспользовавшись ее безвыходным положением, вызывает у наших современников восторг. Вот только любопытно было бы узнать, хотел бы кто-нибудь, из поющих ему дифирамбы, лично иметь дело с таким героем, который, находясь в положении вашего друга, у вас за спиною обшаривает достопримечательности вашей жены и ищет покупателя, чтобы выгодно продать вашу голову?

А вот Помпей или Сципион Старший, по мнению сегодняшних историков, не являются великими личностями, потому что, располагая возможностью сделаться единоличными властителями, они отказались от трона, предпочтя остаться великими людьми в глазах своих соотечественников, тем самым проигнорировав святые идеалы насилия и крови Теодора Моммзена и ему подобных. На Помпея нынешняя цивилизация так разгневана, что его, человека, выигравшего бесчисленное количество военных кампаний, вообще объявляет бездарностью. Невдомек «победителям» Хиросимы и Ирака, что Помпей, будучи гражданином РЕСПУБЛИКИ, видел в соотечественниках людей, а не средство для достижения корыстных целей, и потому он стремился выиграть гражданскую войну без крови, без сражений, только за счет стратегии, в чем весьма преуспел; лишь выдающийся полководческий талант Цезаря позволил тому уйти из западни под Диррахием.

Впрочем, тем же правилом нужно пользоваться и в отношении историков. Чуть ли не патологическое преклонение Моммзена перед всевозможными авантюристами-завоевателями объясняется, помимо общей установки его цивилизации на агрессию, еще и бедственным положением Германии того времени, когда казалось, что кризис, вы-

званный раздробленностью страны, может быть преодолен лишь выходом на политическую сцену сверхсильной личности. Вот Теодор Моммзен и пытался высмотреть в истории прообраз фюрера для Германии. Мазохистское вожделение к попирающему сапогу «сверхчеловека» в тот период столь сильно овладело обществом, что через несколько десятилетий этот идеал материализовался в своем абсолютном качестве и явился на свет в виде тьмы фашизма.

Точно так же, чтобы понять, например, имморализм греческих киников, нужно учесть, что они жили в эпоху кризиса республик-полисов. Их неприятие морали вообще объясняется отторжением частной морали своего века, когда прежние нравственные нормы перестали соответствовать изменившимся политико-экономическим условиям и сделались средством идеологического одурачивания масс лицемерными властителями.

Сверхжесткая структура «идеального государства» Платона, предусматривающая строгое разделение социальных ролей и подавление всего индивидуального ради торжества общего, подобно тому, как у рабочих пчел подавляется способность к воспроизводству в интересах всей семьи и порядка в улье, может быть понята опять-таки, исходя из знания обстоятельств жизни самого Платона. Когда Платона упрекали, что он не занимается политической жизнью Афин, он отвечал, что «афинская демократия безнадежно больна». В поисках выхода из политико-идеологического кризиса своей эпохи Платон объехал все Средиземноморье, изучил все политические структуры, пытался воспитать царей, за что едва не поплатился жизнью. И лишь после такой «научно-экспериментальной базы» он уверился во мнении об изначальной ничтожности большинства людей, их неспособности к осмыслению своих общих интересов и, следовательно, неспособности к разумному сосуществованию. Тогда-то он и предложил структуру государства, основанную на пожизненной жесткой специализации не только деятельности, но и всей жизни индивидов по типу функционирования муравейника. Создавая модель государства вообще, Платон ориентировался исключительно на своих современников, социально развращенных переходным периодом истории. А вот позднее другой грек, Полибий, попав пленником в Рим, сделался страстным апологетом Римской республики, узрев в ней реальное воплощение идеала, превосходящего любые теории. В Риме того времени власть представляла все слои и категории граждан, за исключением рабов, конечно же. Инициатива лидеров выражалась в магистратурах, интересы аристократии соблюдал сенат, а народную волю отстаивали трибуны и воплощали народные собрания. Власть, основанная на балансе всех

политических сил государства, была очень действенной благодаря реальному функционированию обратной связи, обеспечиваемой активностью всего полноправного населения. Осуществлялся принцип, сформулированный К. Марксом, о том, что государство нуждается в воспитании со стороны народа. Позднее, когда государственные интересы стали отчуждаться от основной массы населения, его политическая инициатива упала, что и привело государственную систему к деградации.

Побывав в римском сенате, послы эпирского царя Пирра заявили, что Курия предстала им величественным собранием царей или богов. А несколько столетий спустя император Тиберий, выходя с заседаний сената, цедил сквозь зубы: «О люди, созданные для рабства!»

И при этом разнообразии и даже противоположности мнений каждый был по-своему прав. Но если мы станем пользоваться соображениями людей былых эпох без учета этого самого «по-своему», то окажемся в высшей степени не правы.

Если оценки историков столь подвержены влиянию сиюминутных, преходящих взглядов и идей, то что говорить о мнениях простых людей? Многие считают, что человек вообще – это их сосед, забивший своим хламом мусоропровод, или подруга, вероломно отбившая парня, или – сослуживец, укравший вашу идею, или – поп-звезда, никогда не умевшая петь, но прославившаяся половыми извращениями, либо какая-то другая знаменитость, про которую можно сказать: «Нуль без папочки». Никто не отрицает, что животные, адаптируясь к изменяющимся условиям, меняются сами, но относительно людей этот вывод почему-то игнорируется. И обывательская среда, выросшая как плесень на обветшалом фасаде упадочного общества, то и дело норовит списать собственное убожество на якобы неизменно-порочную природу человека.

Вопрос учета мировоззрения лица, оценивающего те или иные события, аналогичен проблеме выбора системы координат в физике или математике. Чтобы должным образом изучить какой-либо природный процесс, необходимо найти оптимальную для данной задачи систему координат. Становление человечества тоже является природным процессом, и его изучение надлежит проводить с поправкой на относительность существующих систем координат, то есть с учетом конкретных исторических условий проявления тех или иных человеческих свойств.

2. Исторический подход к определению сути человека

«Мудрее всего – время, ибо оно раскрывает все»

Фалес Милетский

В данной работе автор, ввиду своего отчужденного состояния избавленный корысти, свободный, как космическая пыль, попробует вместе с Вами, любознательный читатель, порассуждать о человеке просто и естественно, от души.

Сейчас принято с высоты телеэкрана, с трибуны и печатных страниц бросать вниз любому человеку «ты». Такова примета времени. Помните, в фильме: «Чего ты все выкаешь-то?». «Извините, дурное воспитание». А меня уж не переделать. Я обращаюсь по старинке на «Вы». Да и нельзя в моем случае по-другому: Я ведь охарактеризовал своего читателя как любознательного, а отнюдь не как любопытного, что уже само по себе означает отклонение от тенденций современности.

Итак, приступим. В качестве отправной точки примем предположение, что из двадцати теорий к истине будет ближе та, которая проще. Для оправдания сошлемся на давность этого утверждения. «Речь истины проста», – говорил Платон.

В наших рассуждениях будем руководствоваться принципом саморазвития материи. Этот принцип означает, что функционирование любой системы следует объяснять, исходя из ее собственных ресурсов и внутренних причин, и лишь тогда, когда

исчерпаны познавательные возможности внутренних связей, надлежит переходить к рассмотрению более высокого или глубокого уровня организации материи. Саморазвитие происходит путем восхождения от простого к сложному, следовательно, новый уровень организации возникает лишь тогда, когда использованы возможности предыдущего. Так что, привлеченная к рассмотрению простота имеет кое-какие законные права на звание критерия истины.

Например, недавно будто бы была открыта волновая функция генов. Наличие этой функции означает, что наследственная информация передается не только биологическим путем, но и посредством электромагнитного излучения соответствующего спектра. Естественно, такое открытие позволяет существенно продвинуть наши знания в области наследственности. Однако электромагнитный способ передачи родовой информации не отменяет биологического, а лишь дополняет его. Точно так же итоги «взвешивания души» во время смерти человека не отрицают электрохимические процессы в мозге, формирующие мысль и чувства. Поэтому следование принципу восхождения от простого к сложному, от одного уровня иерархии к другому позволяет избежать принципиальных ошибок и осуществить преемственность знаний.

Пестрый калейдоскоп человеческих качеств означает, что человек содержит в себе широкий спектр способностей, таит в глубине своей взрывную смесь достоинств и пороков. В различных условиях жизни проявляются его противоположные свойства, на солнце душа сверкает алмазными гранями, а в ненастье мерцает в отсветах молний слизистым узором ядовитой змеи, лучезарная улыбка внезапно превращается в кровожадный оскал.

Следовательно, чтобы разобраться в человеке, необходимо рассмотреть его в совокупности связей со своею средой обитания, определить условия, выявляющие в нем лучшие, либо худшие свойства, и оценить его возможности по регуляции этих условий.

Однако, чтобы быть последовательным, надлежит изучать человека с колыбели. Известно, что младенец усваивает гигантский объем информации, который является основой его мировосприятия на всю последующую жизнь. Феномен родины (малой родины), любовь к родным местам, родной природе заключается в том, что интенсивное накопление человеком информации происходит на фоне пейзажей той местности, где он проводит первые годы. Этот пейзаж становится как бы полотном его памяти, на котором воспроизводится рисунок мира, он запечатлевается во всех ассоциативных цепочках и

срастается с базовым ядром мироощущения и мировосприятия, каковые складываются в тот период.

Именно для того человек и рождается с мозгом, способным к дальнейшему росту, чтобы оперативно дополнить биологический набор инстинктов благоприобретенным багажом. И этим же объясняется необычайно долгий для природы период детства.

Чтобы оценить конкретного человека, надо рассмотреть его жизнь с первых лет существования, изучить ландшафт, являвшийся фоном его сознания и памяти, поведение и нрав родителей, пробудившие в нем основы морали, первых друзей и врагов, вызвавших у него начальные эмоции самопознания и самоутверждения, проследить далее весь путь его самореализации. То есть надо рассмотреть человека во взаимосвязи с природой и людьми, так как среда его обитания – общество. Аналогично надлежит подойти и к исследованию свойств человека. Необходимо проанализировать его изначальные взаимоотношения с матерью природой, проследить процессы, приведшие к выделению людей из животного мира, и выявить, в чем суть становления человека. То есть следует в первую очередь рассмотреть вопрос происхождения людей.

Поскольку общественные образования, в которых происходило формирование человека, в свою очередь претерпевали изменения в течение циклов их существования, то изучение человеческой природы необходимо проводить в единстве с историей соответствующих социумов. То есть следует рассматривать индивида в совокупности его связей с обществом на протяжении всей жизни, а общественные связи определять в соответствии с исторической стадией социума.

3. Эволюция человека путем естественного коллективного отбора. Формирование языков, морали, сознания

«Обезьяна сошла с ума и стала человеком»

В. И. Иванов

Основополагающий закон, определивший эволюцию форм жизни, как известно, звучит так: «Совершеннее тот организм, который рассеивает (перерабатывает) большее количество энергии единицей своей массы». Прогресс достигается двумя путями: совершенствованием конструкции организма в сторону ее облегчения и интенсификацией процесса переработки энергии за счет усложнения уровня организации.

Этот критерий, между прочим, безжалостно рассеивает романтический туман тайны относительно исчезновения динозавров. Гигантские размеры этих симпатичных существ позволили им эффективно сберегать тепло, но маленький мозг не давал возможности совершенствоваться, они могли существовать только в условиях стабильности окружающей среды. Иное дело – насекомые. Узкая специализация, когда одна простейшая форма на первой стадии жизни лишь поглощает пищу, наращивая биомассу, а вторая, абсолютно новая форма, созданная из легчайших и прочных, так сказать, авиационных материалов природы, занята только любовью и имеет возможность за счет полета покрывать большие пространства в поисках счастья, принесла насекомым заслуженный, но не очень приятный для нас успех. Прогресс этого гениального изобретения природы можно проследить даже в тече-

ние нескольких десятков лет. Достаточно обратить внимание на то, как успешно эти создания, которые летают, будучи рожденными ползать, завоевывают наши поля и сады.

Что в сравнении с ними человек, неуклюжий на своих двух ногах, бескрылый, с длительным периодом беременности и взросления, да еще и с сигаретой во рту? Однако на поприще рассеивания энергии он превзошел всех. Он успешно уничтожает не только то, что дает нам солнечный свет, трансформированный в земных биоформах, но и то, что было создано содружеством Солнца и Земли за миллионы лет! Он выворачивает Землю наизнанку и поглощает ее недра!

Значит, по критериям биоэнергетики человек – венец природы? Нет. Не человек является победителем в эволюционной гонке, а человечество. Не случайно в конце предыдущей главы был поставлен вопрос о происхождении людей. Общество является вершиной эволюции, а не человек сам по себе, именно во взаимодействии друг с другом люди добились успеха и именно взаимодействие сделало их людьми. Субъект эволюции – общество, а человек – только орган в этом гигантском организме.

Формой развития живой материи является эволюция. Движущей силой выступает естественный отбор, реализующийся через преодоление противоречий, своего рода разности потенциалов, между субъектом эволюции и остальной природой – средой его обитания.

В животном мире наблюдается отбор трех видов:

- индивидуальный: выживают и оставляют потомство наиболее приспособленные особи какого-либо биологического вида;

- стадный: особи одного вида преодолевают агрессивное воздействие среды за счет количества при минимальной внутренней организации. Залог успеха здесь в том, чтобы затесаться в массу себе подобных, быть как все, не высовываться, но уметь вовремя оказаться у кормушки и на самке;

- групповой: адаптация осуществляется в направлении совершенствования группового поведения на основе разделения функций и строгой иерархии. Навыки группового поведения постепенно переходят в генофонд вида и в дальнейшем проявляются в форме инстинктов.

Эмбрион человека в своем росте повторяет эволюцию всего животного мира. На определенной стадии у него даже есть жабры. Тем не менее, в биологическом плане человек не столь уж замечательное явление. Правда, у него большой в относительном измерении мозг, лицо вместо звериной морды и свободные руки. Однако в одиночку, как особь, он не выживет. Да и его только что перечисленные особенности ориентированы на взаимодействие с другими людьми.

Итак, человек совершил качественный скачок в эволюции живой природы благодаря тому, что его биологическая первооснова поднялась на новую ступень адаптации, которую можно назвать коллективным отбором.

Те стада человекообразных существ (гоминид), которые оказались под особенно жестким давлением окружающей среды, например, в связи с переселением в земли с более суровым климатом, вынуждены были искать новые источники пищи, учиться запасать ее впрок, позднее — выращивать, защищать себя от непогоды сооружением жилищ и с помощью одежды. Новый образ жизни требовал хотя бы частичной оседлости, а это приводило к необходимости защищать свою территорию и нарождающуюся собственность от агрессивных стад себе подобных.

Для того чтобы решить эти задачи, объединения гоминид должны были резко увеличить свой групповой, суммарный потенциал. Каким образом они могли этого добиться? Пралюди не имели возможности увеличить свою физическую силу, быстроту бега, остроту зубов, не было среди них и Калашникова, чтобы изобрести автомат. Тут, казалось бы, самое время прибегнуть к спасительной идее о божьем промысле, о космической энергии, о манне небесной, дожде пассионарности. Действительно, что может быть проще? Окропили стан первобытного племени невидимые капельки космической росы, и счастливое племя, избранное богами на великую роль, круша все на свете, вдруг превращается в государство, а сами гоминиды обрастают извилинами разума, получают дар речи и божественный светоч нравственности, с тех пор неустанно сосущий их где-то под ложечкой сладким томлением. На соседей небеса не помочились, и те засохли на обочине прогресса. Можно еще предположить, будто в критический момент человек отведал мяса, и его мозг, обогатившись белками, вырос, как тесто на дрожжах. Эта гипотеза не столь романтична, как та, что о нимбе пассионарности, но тоже избавляет от обязанности разбираться в существе дела. Только вот зачем мозгу расти, если у него нет новых функций? Впрочем, вопрос не в этом. Положенный нами в основу рассуждений принцип о саморазвитии материи не позволяет нам прибегнуть к помощи высших сил, пока не будут исчерпаны естественные возможности в объяснении явления, предоставляемые нашей земной природой. Поэтому оставим богу богово, а сами вернемся к своему, человеческому.

Потенциал групп первобытных людей мог вырасти только благодаря совершенствованию и большему разнообразию группового поведения, выработке новых стратегий совместных действий. А этого можно было достичь за счет интенсивного наращивания связей

внутри сообщества. Охота на крупных животных, земледелие, защита своих, то есть племенных интересов от посягательств конкурирующих групп требовали сложных форм взаимодействия, что могло обеспечиваться только при взаимопонимании и слаженном поведении всех членов коллектива. Слаженность подразумевает единство целей, точнее, подчинение частных интересов общим. При относительно равном уровне материального развития первобытных сообществ, успех обеспечивался именно более высокой степенью организации совместных действий, которая определялась способностью сообщества консолидировать и направлять силы всех своих членов на решение общей задачи. Это можно представить простейшей схемой, представленной на рисунках 3.1 и 3.2.

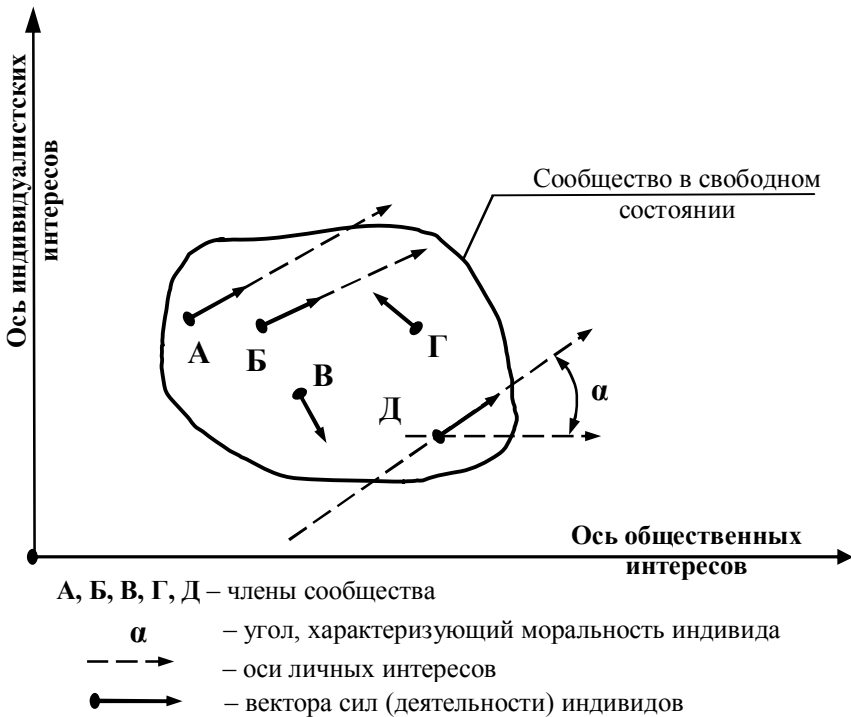
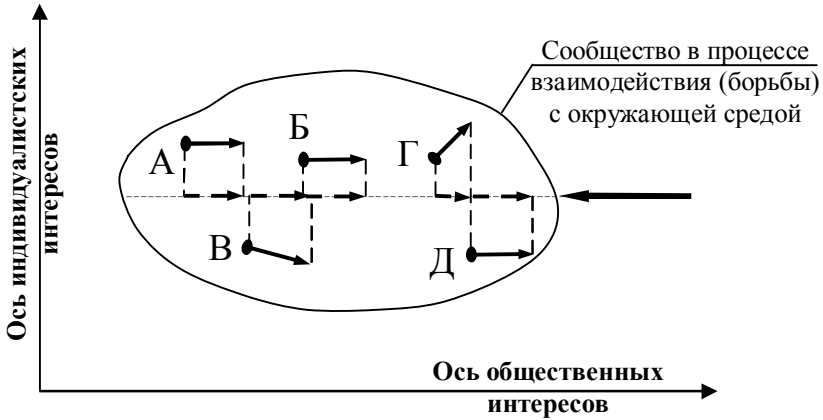

Рисунок 3.1

А, Б, В, Г, Д – члены сообщества

—————▶ — сила внешнего воздействия

- - - - -▶ — ответная реакция общества

Рисунок 3.2

В свободном состоянии сообщества вектора сил (способностей) членов сообщества указывают направления их личных интересов, которые отчасти совпадают с общественными, отчасти нет. Надо сказать, что данное состояние коллектива – теоретическая абстракция, так как любое сообщество всегда находится под прессом давления окружающей среды, однако ее воздействие в различные периоды может быть существенно различным. Когда сообщество подвергается воздействию извне, оно создает ответную реакцию. Силу коллектива образует сумма проекций сил его членов на ось общественных интересов. Ось общественных интересов направлена в сторону действия враждебной силы. Очевидно, что способность общества к сопротивлению будет тем выше, чем лучше оно научится управлять векторами сил своих членов, что определяется, с одной стороны, отлаженностью иерархии сообщества, а с другой, – уровнем сознательности индивидов, их моральностью. То есть, задача общественного управления состоит в том, чтобы в нужный момент разворачивать вектора всех личных сил в направлении общей цели, не допуская при этом сокращения самих этих сил принуждением или какими-либо другими насильственными действиями.

Итак, в противодействии внешней среде и в конкуренции с другими сообществами древних людей преуспевали те объединения, в которых наилучшим образом было налажено взаимодействие. Те сообщества, где консолидация была ниже, вымирали, проигрывая состязание за жизнь более сильным. Способность к сплочению членов племени определялась их моральным уровнем. В случае принуждения со стороны общества индивид только делает вид, будто подчинился предъявленным ему требованиям, но в реальности его вектор не примет должного положения. Следовательно, коллективный отбор шел по пути совершенствования морали, развивая в людях именно их специфические качества.

Теперь рассмотрим изменения, происходившие в самом человеке в процессе коллективного отбора.

Эволюция сообщества требовала интенсивного наращивания внутренних связей в нем, как количественного, так и качественного. Люди должны были взаимодействовать, а значит, общаться. Вначале общение основывалось на выработанной животными базе жестов и звуков. Животным тоже приходится взаимодействовать с себе подобными: одиночным – в ходе конкуренции и при размножении, стадным и групповым – в процессе выращивания потомства, при перемещениях в новые местности, в ходе отражения атаки хищников или охоты и при других групповых действиях. Поэтому они выработали богатый арсенал разнообразных и порой причудливых, на наш взгляд, сигналов. Например, горилла располагает двадцатью пятью голосовыми знаками, так сказать, звуковыми иероглифами, носороги «беседуют» менее шумно, они варьируют продолжительностью вдохов-выдохов и таким образом обмениваются информацией по способу, который сродни азбуке Морзе, морские животные шлепают плавниками по воде, и это является их особым «языком», муравьи или пчелы понимают друг друга благодаря гамме запахов, которая составляет их «словарь». Впрочем, что говорить о животных, если даже растения обмениваются взаимопользными сведениями. Так, когда жираф начинает интенсивно пировать жесткими листьями акации, игнорируя оборонительные редуты их защитных шипов, она выделяет особый враждебный запах, от которого листья всех растений акации в округе наливаются ядом. Тем не менее, нам пока еще не известны случаи превращения акации в человека.

Так что, хочешь стать человеком, создай что-то свое, особенное. Первым истинно человеческим достижением в биологии этого героического существа, совершившего переворот в природе, стало его человеческое лицо. «Лицо – это цветок на стебле, который зо-

вется человеком, – сказал сербский писатель И. Андрич, – цветок этот всегда в движении, выражение его постоянно меняется, на нем отражается то смех, то восторг, то задумчивость». Наше лицо – результат настоящей потребности в общении. Согласованная работа сорока семи мышц под аккомпанемент светосимфонии сияния глаз превратили лицо в изощренный инструмент общения.

Фрагментарный успех на этом пути есть и у животных. Почему, например, глаза у собаки очень выразительны, а у кошки – нет? Потому, что кошка является потомком индивидуальных животных, а собака несет в себе инстинкты волчьей стаи, в которой существуют зачатки общения.

Однако мимика – это язык индивидуального общения. Когда какой-либо член племени пытался «рассказать» о своих приключениях многочисленным соплеменникам, то на «галерку» почтенного собрания его игра бровью или раздутые ноздри впечатления не производили, и ему приходилось жестикулировать, приплясывать и выразительно мычать, чтобы его информация преодолела пространство, разделяющее его со зрителями. Если же требовалось подвигнуть соплеменников на поход в соседний лес с целью расправы с неким коварным врагом, автор этой идеи должен был увлечь в свою пляску других бойцов и отработать технологию совместного поведения в ходе своеобразных маневров. Постепенно возникли стереотипы таких коллективных плясок применительно к различным задачам. Из этих повторяющихся раз за разом фрагментов коллективных действий складывались ритуальные танцы. Для достижения слаженности движений во время этих танцев, они сопровождались звуковым оформлением: голосами, притоптываниями, похлопываниями, а потом и звучаньем прообразов музыкальных инструментов. Так возникла музыка.

Музыка оказывает необычайно сильное и глубокое эмоциональное воздействие. Она проникает в недра души, затрагивает самые сокровенные струны человеческого существа и поэтому кажется чем-то изначальным, сугубо природным, представляется резонансом внешних ритмов с, так сказать, собственными частотами души. Однако на животных наша музыка никакого впечатления не производит, если только их специально не обучили реагировать на нее с задействованием других, существенных для животного факторов. Это говорит о человеческом, социальном происхождении музыки.

Итак, музыка сопровождала всевозможные ритуалы, являвшиеся в период до возникновения вербального языка основными регуляторами коллективных действий. Она как бы нанизывала на свои ритмы эмоции обрядов, имитирующих сцены охоты, битвы с врагом, свадьбы

бы, мольбы богам, воззвания к природным стихиям, погребальные сцены, рождения детей, прославления героев и наказания трусам. Постепенно в музыке оказался закодированным весь спектр человеческих эмоций и чувств, сложился своеобразный эмоциональный словарь аккордов и ритмов, которым и пользуются композиторы до сего дня. Обретая собственное качество, музыка начала обособляться от ритуалов, которые сопровождала, и постепенно получила самостоятельное значение в качестве языка чувств, именно человеческих чувств, возникших из совместных действий людей, из общения. Поскольку этот язык гораздо более древний, чем вербальный, он успел врасти в человеческие инстинкты и с ними проник в генофонд человечества. Подобно тому, как потребность общения в процессе совместной деятельности прорисовала в человеческом облике лицо, она же создала в его психике область восприятия музыки, своего рода декодер звуков в человеческие чувства.

Другие эстетические чувства так же являются древними языками взаимодействия людей друг с другом и с природой. До возникновения сознания пралюди не могли понимать и классифицировать природу, поэтому они ориентировались в ней по чувствам положительного и отрицательного, сопровождавшим те или иные проявления действий внешней среды. Подобным образом животные, инстинктивно синтезируя мельчайшие изменения природных факторов, предчувствуют грозу, наводнение или землетрясение. Те природные явления и характеристики поведения других людей, которые сулили индивиду благоприятное взаимодействие с природой или этими людьми, воспринимались в качестве светлых и теплых чувств, постепенно переросших в ощущение красоты. Все, чреватое разрушением, болезнью, враждебностью, гниением и разложением жизни, вызывало отторжение, защитную реакцию и со временем стало восприниматься как безобразное.

В эстетике существует взгляд, связывающий чувства прекрасного и безобразного с пользой и вредом для человека, однако эта связь предполагается однозначной и осязаемой, что губит данный подход к изучению проблемы. На самом деле, эстетические чувства представляют собою обобщенные и окультуренные, очеловеченные первобытные инстинкты, выработанные как комплексное средство ориентировки в окружающем мире, интуитивной оценки характера его проявлений с точки зрения пользы или вреда для особи. Современные эстетические чувства так же отличаются от этих первобытных инстинктов, как полноводная река, одетая в гранитные берега, препоясанная гирляндами мостов, в водах которой отражаются ог-

ни гигантского города, отличается от маленького ручейка в своих истоках, пробивающегося из-под покрытой мхом кочки в болотистой топи заброшенной рощицы. Между прочим, эстетические чувства выступили в роли преднаправленности. Позднее на их основе и по их подобию, но уже с сугубо социальной направленностью возникли моральные чувства.

Однако как мимика, эстетика, так и музыка являются языками эмоций. На этих языках можно говорить, что хорошо, что плохо, сигнализировать об опасности, выражать восторг, почтение, призыв, гнев, страдания, любовь и ненависть, но они не были пригодны для конструктивной деятельности.

В фильме «Спрут», созданном объединенными усилиями почти всей Европы, который можно уподобить «Человеческой комедии» Бальзака в современной интерпретации, банкир говорит о своей молодости примерно так: «Родители не могли платить за мою учебу в университете. Поэтому единственной возможностью продолжать учебу, для меня было выиграть конкурс, чтобы получить стипендию. И каждый год я его выигрывал».

Чтобы продолжать гонку за выживание в жестких условиях коллективного отбора люди должны были выработать принципиально новый язык, и они его создали. «Дар речи» – красивое, но неверное выражение. Речь стала продуктом великого труда, причем труда, большей частью, интеллектуального. Слова выражают понятия, а понятия это абстракции. Абстракция появляется после анализа ряда явлений природы, их осмысления и последующего синтеза на основе объединения общих, сущностных черт этих явлений. То есть понятие является результатом процесса мышления. Первой ступенью к возникновению понятий стали, по всей видимости, наскальные рисунки. Делясь впечатлениями о прошедшей охоте, люди изображали животное – цель их совместных усилий, которое уже вследствие недостаточной техники рисунка первобытного человека выходило как абстракция, обобщение всех животных этого вида, а не как конкретная особь. Анализируя в меру своих возможностей (жестами, мимикой, эмоционально окрашенными звуками) ход охоты, люди старались учесть ошибки и выработать более совершенную тактику на будущее. В этом процессе нарисованное животное опять-таки воспринималось как обобщенный образ всех особей своего вида. Вновь и вновь обращаясь к этому рисунку, люди закрепляли за ним определенное сочетание звуков, дабы понимать друг друга без самого изображения. Так появилось слово-понятие. Нетрудно представить, что кто-либо из таких рассказчиков, не имея дара живописца, но при этом слишком не-

терпеливый заменял изображение животного каким-нибудь крючком, знаком. В дальнейшем этот знак мог стать иероглифом – элементом первого вида письменности.

Следовательно, язык и сознание вырабатывались совместно, постоянно сопровождая и стимулируя друг друга. Сознание образуется сложением памяти и мышления.

Память – высший уровень психики животных, где цепочками связей между нейронами, как электрических, так и химических, записывается их собственный опыт, наслаивающийся на инстинкты – материализовавшийся в генотипе опыт прошлых поколений. Однако связь между событиями и явлениями в памяти животного ассоциативная. Поэтому такая память пассивна, животное не способно пользоваться ею произвольно. В этом смысле можно говорить, что у него, бедного, а может быть, наоборот, счастливого, нет сознания. Люди же с помощью слов-понятий, реже – в других символах, классифицируют и сортируют арсенал памяти, создают упорядоченное хранилище информации, откуда они могут извлекать ее по своему усмотрению и комбинировать нужным образом, согласно условиям очередной задачи, то есть мыслить. Сортировка информации и ее сознательное использование стали возможными как раз благодаря языку, сложившейся системе понятий, сделавшей информацию дискретной, меченой и взаимосвязанной.

Ну, а уж коли у тебя появилось сознание, ясное дело, ты станешь создавать орудия труда. А с орудием наперевес ты – уже законченный человек без всяких приставок и оговорок. Гоминиды сгинули во тьме веков. (Кто-то удивляется, почему не удастся найти следов переходного типа от обезьяны к человеку? Да потому, что переходный тип неустойчив и быстро, по историческим понятиям, распадается на два полюса.)

Так коллективный отбор, заставляя первобытных людей на пределе сил бороться за существование, создал человека. Впрочем, мы еще не знаем, кто такой человек, потому что, определив истоки происхождения сознания, не рассмотрели наполнение этого клада – сонма таинственно, как звезды, мерцающих нейронов.

Надо сказать, что задолго до созревания сознания и производства орудий человек начал ходить на двух ногах, хвататься за камень и палку освободившимися руками с оттопырившимся большим пальцем. Это все известно, потому в данной работе мы обращаем внимание на другие стадии и процессы, которые не столь явно представлены в знаниях человечества. Так, хотелось бы уточнить великую формулу: «Труд создал человека», развернуть ее. Коллек-

тивный отбор заставил человекоподобных существ трудиться, труд потребовал общения, а уж общение создало человека.

Эта фраза обязывает нас совершить переход к рассмотрению человеческого в человеке. Самая специфическая черта человека – потребность в общении с себе подобными. Вот почему «величайшее богатство для человека – другой человек».

Согласно условиям, в которых происходило становление сознания, в центре мировоззрения древнего человека недвижимым вечным солнцем воссияли законы выживания, то есть законы коллективного отбора, направленные на наращивание коллективной мощи, нормы поведения, обеспечивающие сплочение людей.

Выжить в одиночку было невозможно. Человек мог уцелеть только со своим племенем. Существование племени было гораздо важнее жизни отдельного индивида. От племени зависела и жизнь самого индивида, и жизнь его потомков. Кроме того, племя обеспечивало еще и социальную жизнь предков, закончивших биологическое существование, но продолжавших существовать в коллективном сознании соплеменников. Особенно хорошо племя помнило своих героев, их подвиги запечатлевались в мифах, а сами они превращались коллективным сознанием в сказочных титанов и даже обожествлялись.

Есть разновидность летучих мышей, которые, возвращаясь с ночной охоты, кормят неудачников, не сумевших в тот раз отведать теплой крови жертвы. Однако, если спасенная особь в дальнейшем не оплатит долг, ее, неблагодарную, запомнят и больше ей никто никогда не поможет. Взаимопомощь способствует выживанию стаи и в конечном счете оказывается выгодной всем отдельным особям. Делясь добычей с соседкой, летучая мышь как бы платит страховку и таким образом защищает себя от превратностей судьбы и прихотей капризного охотничьего счастья.

Первобытный человек в критической ситуации без колебаний рисковал своей жизнью в интересах племени, так как знал, что в случае победы племени будут жить его дети, другие родственники, несущие его гены в будущее, и прочие соплеменники, которые когда-то рисковали ради него. Даже погибнув, он обеспечит жизнь своих близких и оплатит моральный долг соплеменникам, если же спасется трусостью, то ему все равно не жить, зато его родственников ждет позор и понижение в социальной иерархии. «Готовность пожертвовать собой ради выполнения долга есть основа поддержания жизни», – гласит древнекитайская мудрость.

В сплоченном племени, а только такие и выживали, каждый знал, что в предыдущих поколениях множество его соплеменников пожерт-

вовало собою ради его сегодняшней жизни, что и в настоящем и в будущем множество соплеменников будет, не щадя себя, оберегать его детей, внуков, правнуков, что только племя нечто значит в этом враждебном мире и только оно способно выражать и защищать его истинные интересы. Так зарождалась любовь к Родине – патриотизм.

Племя было заинтересовано в самоотверженных людях, ценило их и окружало почетом. Полезное соединялось с приятным, самоотверженность из жестокой необходимости превращалась в романтическое качество, подвиг становился желанным. Высшим выражением такой психологии стал подвиг трехсот спартанцев и надпись на могильном камне: «О, чужестранец, поведай спартанцам о нашей кончине: верные законам своим, здесь мы костями полегли».

Как вырабатываются условные рефлексy? Совершив некое действие, живой организм испытал боль или удовольствие. В первом случае он будет избегать повторов, во втором – станет стремиться к ним. Постепенно данный фрагмент поведения будет доведен до автоматизма. Это означает, что функция управления им от верхних уровней психики перешла к более низким. Если рефлекс окажется очень значительным, то он будет закреплен наследственно и превратится в безусловный рефлекс, инстинкт. Механизм наследования приобретенных навыков неизвестен, но само явление не вызывает сомнения. Так же, как животные генетически наследуют образцы родительского поведения и ритуалы ухаживания, человек с рождения получает основные достижения коллективного отбора.

Надо сказать, что социобиология пытается утверждать, что некоторые фрагменты поведения человека в результате действия естественного отбора оказались генетически запрограммированы. Однако это вызывает осуждение ученых других наук, восстающих против допущения какого-либо вмешательства биологии в социальные процессы. Здесь необходимо сделать уточнение. Имеет место не биологическая запрограммированность, а биологическое отслеживание и закрепление главных достижений социальной эволюции. Биологам еще предстоит открыть закон направленной, самоорганизованной эволюции. Представление о хаотических мутациях как о строительном материале природы в процессе эволюции, увы, не отвечает современному уровню знания и объему накопленных фактов.

Все рефлексy живых существ когда-то были обретенy в результате опыта, то есть являются продуктом поведения. На базе этих элементарных фрагментов, так сказать, атомов поведения вырабатываются более сложные программы действий. Если нервной системе удается

их стандартизовать, то они сначала становятся условными рефлексами, а потом – инстинктом. Этот процесс непрерывен так же, как непрерывен путь восхождения живого вещества от простых форм к сложным. Следовательно, нет принципиальных различий между усвоением животных и социальных образцов поведения. Разница лишь количественная. Во-первых, социальные образцы поведения гораздо сложнее и потому состоят из множества фрагментов, вследствие чего они менее устойчивы к изменению внешних условий. Во-вторых, социальные инстинкты значительно моложе, и потому не столь прочно срослись с физиологией, не столь глубоко вошли в генофонд. При этом необходимо отметить, что утверждение о чисто количественной разнице между социальным и животным относится только к области усвоения тех и других процессов живой природой, само же социальное поведение, конечно, является новым качеством по сравнению с предшествовавшими формами.

Суровые законы коллективного отбора, требующие подчинения единичного общему, постепенно обрели нравственный ореол прекрасного. Так эти законы вышли за пределы сугубо материальной, практической жизни и вместе с сопровождающим их спектром положительных эмоций образовали сферу духовного. Они воспринимались как нечто большее, чем просто разумное, и основали в человеческой психике новое образование, названное душою. Законы, необходимые нормы поведения превратились в нечто заведомо прекрасное, в мораль. Сознательное стало чувством, своего рода особым нравственным инстинктом, без которого не мыслим человек. Мораль, выработанная коллективным отбором, оторвавшись от утилитарной жизни, превратилась в совесть, которая и образовала основу души. Это событие как раз и обозначило переход людей от мрака животного существования в мир человеческой цивилизации.

Таким образом, мораль – это эмоционально подкрепленное в психике людей знание норм коллективного поведения, обеспечивающих успех в борьбе за существование, а в дальнейшем – и прогресс.

Совесть представляет собою ту базисную часть морали, которая в ходе эволюции превратилась в нравственный инстинкт. Этот инстинкт наследуется отчасти биологически, отчасти социально, то есть воспроизводится в каждом поколении благодаря воспитанию, причем, воспитанию не со стороны отдельных людей, а всей культурой человечества, его образом жизни.

Говоря о биологическом наследовании совести, мы, конечно, имеем в виду не совесть взрослого человека, вполне сформированную и так или иначе облеченную в словесный каркас, а ее предпо-

сылку, предрасположенность, психический материал, который обретает конкретную форму, попадая в социальную среду, подобно расплавленному воску, вылитому в воду. Это можно сравнить с наследованием способности ходить. В биологии человека заложена способность к прямохождению (тоже, кстати сказать, приобретенная видом). Позвоночник имеет два изгиба для обеспечения равновесия фигуры в вертикальном положении и для амортизации нагрузок при ходьбе, существуют необходимые для этого процесса мышцы, управляющие нервными узлы и координирующий центр в мозгу. Однако сразу человек не пойдет. Он будет долго ползать и падать прежде, чем сможет реализовать свою природную способность. Подобным же образом птицы учатся летать.

Мораль, помимо совести, включает в себя сознательную нравственность, в том числе, и приобретенную самим индивидом.

Итак, сознание и мораль выработались в процессе становления человека и стали его неотъемлемой частью, главной особенностью, отличающей от животных, его сутью. Без этих свойств он будет духовным калекой, уродом, без них он перестанет быть человеком.

Законы жизни в условиях коллективного отбора составили ядро сознания и души человека. Совместная деятельность и общение людей быстро развивали их духовную сферу, и ядро стало обрастать мякотью культуры. Приспособившись к требованиям эволюции, научившись выживать в суровом мире, они принялись изучать его.

Поскольку человек возник как общественное существо, то познание требовало его отображения в формах, доступных восприятию всех людей. Эта необходимость в общественном характере отображения стала причиной возникновения искусства и науки. Люди коллективно познавали природу и коллективно оценивали ее, кодируя свои эмоции в живописи, поэзии, всевозможных сказаниях и мифах.

Заданное коллективным отбором условие сплочения людей привело к качественному скачку в их развитии. Чем более сложные формы взаимодействия осваивало то или иное сообщество, тем быстрее становились его члены, росли вектора их способностей, а значит, возрастал внутренний потенциал всего коллектива. Соплеменники были главным богатством каждого члена племени. Чем умнее, храбрее, быстрее, сильнее, ловчее и честнее твой сосед, тем больше шансов на успех и у тебя, так как успех в тех условиях мог быть только общим. Трусость в бою одного подставит под удар и остальных. Поэтому люди ценили в соплеменниках общественно-значимые качества и состязались друг с другом именно на этом поприще. Направление личностного развития задавалось установ-

кой на героизм, то есть на всемерное служение соплеменникам вплоть до самопожертвования.

Однако при росте моральности и добродетели внутри общины, отношение к представителям других племен и народов оставалось враждебным. Если вспомнить библейские заповеди, то можно убедиться, что во всех позитивных изречениях обязательно есть упоминание о «ближнем своем (твоем)». «Возлюби ближнего своего, как самого себя», «Не пожелай жены ближнего своего», «Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего», «Не обращай алчных взоров на достояние ближнего твоего», «Кто презирает ближнего своего, тот грешит» и т. д. Именно в отношении к ближнему люди были людьми, а весь мир за пределами стана их племени представлялся сугубо враждебным, при столкновении с которым мораль не имела права голоса.

Характерен пример римлян, во всем любивших определенность и законченность. Римляне физически очертили свой город границей, которую назвали померием. В пределах померия земля была священна, там воспрещались злоба, вражда, там нельзя было носить оружие. Голливудские фильмы, где несчастные римляне постоянно, даже в быту, у себя дома, громяхают двадцатипятикилограммовыми доспехами, тогда еще не были известны. Так что никто не обязывал римлян, в отличие от наших современников, подражать голливудским героям, и поэтому они оставались самими собой. Во внешнем мире древний римлянин был хищником, охотником, и, только возвращаясь в свой город, превращался в гражданина. Существовал даже специальный обряд очищения: войско, вернувшись из похода, проследовало в город через специальные ворота, через арку, которая как бы срезала с их биополя острые кромки агрессивности и сглаживала, выравнивала его, снимала скверну и очищала души воинов от пороков войны. Впоследствии победоносные полководцы в таких случаях стали строить специальные помпезные арки, призванные служить памятниками их славы, которые получили название триумфальных.

В процессе коллективного отбора наиболее преуспевающие племена, жестоко подавляя соседей, разрастались, превращались в крупные социальные образования. Отбор обретал иной масштаб и реализовывался в борьбе государств. Результатом этого стало преобладание в каждом регионе одного из них. И вот, когда такое победоносное государство, достигшее величия благодаря расцвету морали и добродетели, реализующих все лучшие свойства отдельных людей, достигало могущества, позволявшего ему без особого напряжения управляться с внешними воздействиями, будь то агрессия соседей или климатические колебания, в нем зарождались другие процессы.

4. Диалектика коллективного и индивидуального отбора как причина цикличности в судьбах общественных образований

*«Человек – разумное существо,
но это не относится к человечеству»
Р. Арон*

Когда какое-то сообщество добивалось успеха в конкурентной борьбе, оно получало возможность нарастить свой социально-значимый потенциал за счет побежденных племен. Вдобавок к собственной моральной силе оно получало материальную добычу, а также рабов из числа пленных. Таким образом, его положение упрочнялось как за счет присвоения чужого потенциала, так и благодаря ослаблению соседей.

Теперь членам этого победоносного сообщества уже не требовалось постоянного напряжения сил. Спрос на подвиги падал. В обществе появлялся избыток социально-значимой энергии сверх того уровня, который расходовался на обеспечение выживания коллектива во враждебной среде. Однако материя устроена так, что избыток энергии одного вида реализуется, преобразуясь в другие виды. В живой природе добавочная энергия создает нишу для образования новых разновидностей живых существ. Если чрезмерно преуспевает один вид животных, то появляется другой, паразитирующий на этом успехе.

Захваченная у врагов добыча распределялась между победителями пропорционально заслугам каждого. Это было справедливо и рационально с точки зрения общественных целей, так как наиболее отличившиеся в битве одновременно являлись и самыми сознательными, самыми патриотичными, а значит, и самыми полезными

членами коллектива, следовательно, целесообразно было в первую очередь увеличивать за счет добычи именно их потенциал. В определенных условиях, при рациональных масштабах этих мероприятий такая внутренняя политика вела к усилению сообщества.

Справедливость, будучи еще одним порождением коллективного отбора, являлась главным регулятором общественного взаимодействия и в своих истоках имела жесткий рационализм. Еще в древнем Египте говорили: «Спокойствие страны – в справедливости». Объективный смысл справедливости состоит в том, чтобы с максимальной пользой задействовать ресурсы всех членов коллектива для решения общественных задач. Справедливость оценок в сообществе ведет к тому, что все персонажи схемы на рисунке 3.2 будут стремиться развернуть свои вектора в направлении оси общественных интересов по велению сердца, а отнюдь не по принуждению. Если после битвы герой получил от соплеменников награду, причем, не формальную, а истинную награду, значимую в тех конкретных условиях, а трус был подвергнут порицанию, то в следующем бою они оба будут стремиться совершить подвиг. Если же трусость одного и героизм другого останутся без внимания племени, то в дальнейшем это лишит инициативы и первого и второго. А в случае неверной оценки они оба станут вести себя асоциально; один – будучи поощренным в пороке, другой – ожесточившись от обиды. Справедливость была столь необходимым условием эволюции человека, что в значительной мере стала интуитивной. Даже групповые животные обладают чувством справедливости. Если вы нечаянно наступите на лапу любимому псу, то он взвизгнет от боли, но, убедившись в вашей невиновности, тут же успокоится. Однако, если вы сорвете на нем свое раздражение легким пинком или просто окриком, он долго будет сверлить вас исподлюбя укоризненным взглядом и поворачиваться к вам тем местом, откуда растет хвост. Кошка же, будучи потомком одиночных животных, обидится на вас, если вы потревожите ее тогда, когда ей этого не хочется, абсолютно игнорируя любые другие мотивы. То есть кошка в своем отношении к тому или иному поступку исходит только из своих собственных интересов, тогда как собака оценивает ситуацию, руководствуясь как бы взглядом со стороны, с позиций взаимодействия пары: человек – собака.

Однако справедливость животных зиждется на страхе и подчинении силе, это всего лишь стайный инстинкт, тогда как люди выработали сложную многоуровневую систему оценок и овладели ею настолько, что превратили этот изощренный механизм в интуицию.

Итак, главные члены общины наращивали свое достояние за счет добычи, в одних случаях это делало их еще более рьяными защитни-

ками общественных интересов, но в других – производило обратный эффект. Вдруг менялись интересы этих людей, менялись и сами люди, соплеменники переставали их узнавать. В чем тут дело?

Вспомним о единстве материи, которое предполагает и общность основополагающих законов ее движения (преобразования).

Каждый человек на своем веку обязательно становился свидетелем такой ситуации, когда кто-то из его знакомых, получив власть или разбогатев, предавал друзей, отворачивался от родственников, начинал презирать тех, кого раньше любил, и преклоняться перед теми, кого прежде презирал. То есть стремительно, на глазах происходила трансформация личности. Объясняется это следующим образом. Как власть, так и деньги или собственность вообще, несут в себе социально-значимый потенциал. Если этот внешний потенциал не превосходит собственного значения личности, то человек управляет им, оставаясь самим собою. Когда же личность оказывается мельче, чем обретенная ею внешняя социальная энергия, то наоборот, она сама подчиняется ей, то есть человек становится заложником своего должностного кресла или богатства.

Многие первобытные вожди не выдерживали испытания богатством и славой и теряли свое лицо. А их дети, получая по наследству знаки общественного престижа, и вовсе не были способны совладать с ними. Следовательно, эти люди выпадали из жестких рамок, которые формировали и создавали человека, значит, и сами они были другими.

Избыток социальной энергии в преуспевающем сообществе породил новый вид человека – человека корыстного. Прежде коллективы физически не могли прокормить этих общественных паразитов, но на новой стадии развития могучие государства позволили себе роскошь заводить и холить мясистых трутней. Благоденствие этих декоративных существ, избавившихся от общественных обязанностей, служило примером для подражания другим членам общины. Теперь уже не все индивиды стремились стать героями, многие соглашались удовольствоваться самой наградой без хлопотной и опасной службы на общее благо. Тайком от других они старались развернуть свой вектор перпендикулярно оси общественных интересов в направлении индивидуализма. В бою они давали волю ногам, а при разделе добычи – рукам, как выразился Катон Старший. С внедрением в систему поощрений предметов собственности это стало нетрудно. Нельзя украсть у другого человека и присвоить себе его ум, талант, общественные заслуги, но зато можно присвоить чужую собственность, чужие деньги, ибо на них не написано, кто их создал.

Когда людей оценивали по их непосредственным качествам и конкретным делам, соблюдалась справедливость – награда всегда находила своего единственного и неповторимого героя. Но когда наряду с качественными оценками в обществе получили распространение количественные – оценки по количеству собственности, по богатству, справедливость начала сдавать свои позиции. Количество безлико, оно может принадлежать кому угодно.

Путаницу в мораль вносило то обстоятельство, что первоначально богатство действительно сопровождало доблесть и поэтому эмоционально оценивалось как фактор, свидетельствующий в пользу своего владельца. Однако человек мог давно измениться, а богатство по-прежнему давало ему преимущество над другими. Индивиды с торчащими вверх векторами (согласно схеме на рисунке 3.2), естественно, не могли открыто сказать, что живут за счет других людей, за счет общества, поэтому возникло лицемерие. А поскольку доступ к богатству давало в основном распределение военной добычи, то лицемерие проникло в политику и пленило вождей. Те начали использовать власть в интересах своих родственников и приближенных. В этих условиях стало проще преуспеть, если живешь не для сограждан, а за счет сограждан. То есть на смену коллективистским ценностям пришли индивидуалистические. В коллективный отбор на уровне сообществ болезнетворным вирусом внедрил индивидуальный отбор, действующий внутри наиболее успешных государств. Животный мир начал брать верх над человечеством, подчиняя его своим законам индивидуальной адаптации.

Внедрение в общество материальных носителей престижа все дальше уводило его от справедливости. Это, в свою очередь, подтачивало мораль, а следовательно, нарушалась монолитность общества. Сообщество начинало делиться на разнородные группы и классы граждан с различными интересами. В целом оно становилось аморфным, его силы растекались внутри и гасились во взаимной вражде граждан. И вот, когда такое сообщество сталкивалось на международной арене с молодым и нравственно здоровым племенем, оно терпело поражение и исчезало с лица земли. При этом потенциал старого, перезрелого государства в целом мог превосходить силы будущего победителя. Однако этот потенциал был велик в скалярном исчислении, но давал ничтожный вектор в направлении действия внешней силы, поскольку паразитирующий класс, присвоивший себе большую часть общего достояния, не был способен повернуться лицом к общественным интересам.

Так индивидуальный отбор брал реванш у коллективного, безжалостно уничтожая государства, а позднее и целые цивилизации, пораженные эпидемией частной корысти.

Анализ судеб прошлых цивилизаций показывает, что их нравственный расцвет вызывает целый каскад прогресса (рисунок 4.1). Следом за достижением морального пика общества происходит взлет искусства, потом науки и наконец наступает эпоха материального благополучия. Однако, когда материальный потенциал общества достигает некой критической величины A_k , материальное выходит из под контроля общественного сознания и вступает в борьбу с духовным, тогда начинается упадок нравственности. A_k определяет соответствующее переходному процессу отношение материального потенциала общества к суммарному личностному потенциалу.

Самой чувствительной к деградации морали является душа общества – искусство. Вначале оно огрубляется схематизмом, условностью, затем заражается пошлостью, а на пути дальнейшего падения, тужась воспеть идеалы стяжательства, превращается в свой антипод. Следом чахнет сознание цивилизации – наука, которая, однако, не опускается до нуля и сохраняет некоторую преемственность с другими эпохами. В качестве примера упадка науки можно отметить, что в I веке до н. э. греки забыли Аристотеля, Феофраста и других своих ученых, а в III веке н. э. римляне перестали понимать сложные формулы собственно-го, права и существенно примитивизировали его. Материальное состояние общества является самым инертным фактором и какое-то время продолжает расти после того, как угаснут душа и сознание общества, паразитируя на бывших достижениях. Однако происходит и его распад, который одновременно означает гибель всей цивилизации.

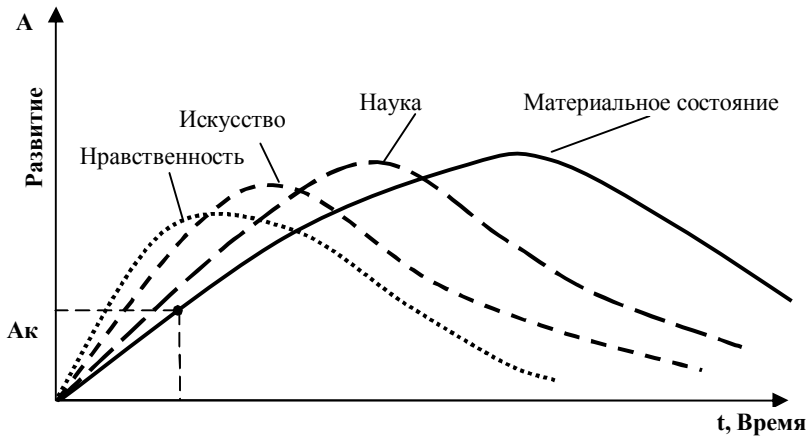

Рисунок 4.1

5. Новое качество вида «человек» через отношение к миру. Способности и потребности

«Призвание помогает освободить в себе человека»

Сент-Экзюпери

*«В минуты высшего напряжения
всего заметнее растет человек»*

Т. Драйзер

Создав человека, снабдив его набором качеств, необходимых для успешного существования в условиях общественной эволюции, коллективный отбор тем самым сформировал и его специфическую природу. Природу человека, его суть образовали именно законы совместного выживания людей в условиях коллективного отбора. Благодаря им он выжил, ради них он теперь и жил. Выработанные в процессе эволюции человеческие способности обрели самостоятельное значение в той степени, в какой сам человек стал автономным существом по отношению к остальной природе. Они, эти способности, требовали реализации и диктовали новые, не известные животному миру потребности. Разум стремился к познанию природы, выходя за сугубо практические нужды, хотя и направляемый ими, душа жаждала творчества, фантазия порождала новые образы, создавала шедевры искусства, а все человеческие свойства вместе требовали общения.

Изучение обезьян выявило их высокие умственные способности. Удавалось научить их собирать орудия труда из отдельных фрагментов, считать, объясняться с человеком жестами. Выяснилось, что они могут выполнять сложный комплекс действий, направленных на достижение определенной цели. Установлено, что им свойственно даже

образное мышление. Лишь два фактора принципиально отличают поведение обезьян от человеческого: они не умеют действовать коллективно (между ними обязательно возникает конкуренция и вражда) и не стремятся реализовать свой потенциал. Связь между этими особенностями поведения очевидна: природа не поставила обезьянам сверхзадачу, которую они могли бы решить только совместными усилиями, поэтому они не стали жить коллективно и, следовательно, не развили своих способностей до уровня качественного скачка.

Именно общение, как мы помним, диктуемое совместной деятельностью, стало непосредственным творцом фундаментальных свойств и качеств человека. Вот он, истинный бог, творец человечества! Общение сотворило людей, оно же стало их главным достижением и высшей целью, величайшей радостью.

Человек начал осознавать себя как индивидуальность именно в общении с другими людьми. Соотнося себя с окружающими, он совершал самопознание и делал самооценку. На основании самооценки человек стремился к совершенствованию и развитию. Таким образом, индивидуальность, личность также оказались продуктом общения, а значит, и могли реализоваться только в общении. Личности вне общества быть не может, индивидуальность не существует без коллектива. «Человек не остров, а часть материка», – как сказал английский поэт.

Обозначив социальные причины образования человеческих качеств, перейдем к рассмотрению их биологической первоосновы.

Для любого действия, любого движения нужна энергия, даже для движения мысли: человеческий мозг потребляет двадцать процентов всех калорий, поступающих в организм с пищей. Ясно, что эта энергия имеет химическое происхождение – тут загадки нет, по крайней мере, в рамках темы этой работы. Вопрос в другом. Откуда человек черпает энергию именно на свои новые, социальные функции. Вряд ли его обмен веществ лучше, чем у ближайших родственников в джунглях. Очевидно, что социальные способности возникли на энергетической и психофизической базе животных свойств и инстинктов.

Животное имеет три основополагающих инстинкта, определяющих его поведение, три движущие силы, три источника энергии, вышедшей за пределы внутренних функциональных нужд биоорганизма и находящейся в его распоряжении как субъекта жизнедеятельности. Три макроинстинкта, три потребности управляют животным: самосохранение, питание и продолжение рода. Области их влияния на мотивы поведения животного пересекаются; потребление пищи и продолжение рода в какой-то степени можно свести к самосохранению как к

сохранению своего энергетического потенциала и своих генов. Однако между ними есть и противоречия. Например, ради самки самцы нередко вступают в смертельный бой друг с другом, самки жертвуют собою, защищая потомство, а иногда и наоборот, пожирают его. Бывают случаи, когда курица или кроличья самка игнорируют даже сверхэнергичные действия самца ради кормушки. Единством этих трех сил будет обобщенный инстинкт жизни особи, однако на уровне триады они качественно различны, поэтому будем рассматривать их как самостоятельные источники жизнедеятельности.

Стремление к самосохранению реализуется в диалектике агрессивности и осторожности. Необходимость в питании вызывает потребность создавать запасы впрок в виде собственных жировых отложений либо внешних кладовых.

Инстинкт продолжения рода – самый удивительный закон природы, связующий ее в единое целое. «Все, что родилось, должно умереть», – говорили греки. Природа нашла способ создать непрерывное из дискретного, бессмертное – из смертного, из преходящего – вечное, достичь многообразия за счет динамики единичного. Разделив функции воспроизводства между полами, разорвав единое на автономные противоположности, она создала вечную разность потенциалов, произвела в самой себе источник энергии, породила самодвижение. Заставляя особей стремиться к единению, половой инстинкт одновременно требует от них индивидуализации, демонстрации собственных качеств. Эта сила, как ничто другое в природе, требует самореализации живых существ именно как существ индивидуализированных.

Вообще-то, половая конкуренция изначально ставит перед живыми формами задачу всего лишь подтвердить свою жизнеспособность, то есть продемонстрировать те качества, которые необходимы для лучшего самосохранения особи, ну и питания, конечно. Секрет половой симпатии объясняется интуитивной способностью партнеров предвидеть качества потомства именно от данного альянса. Эта способность является комплексным инстинктом, выработанным длительной эволюцией. Однако сам ритуал ухаживания и задачи конкуренции привели к появлению новых черт и качеств у живых организмов. Во-первых, это повышенная агрессивность, переходящая грань, установленную требованием самосохранения, во-вторых, всевозможные, так сказать, декоративные способности, как бы хвастовство – у самцов и кокетство – у самок.

Именно эти три поведенческих инстинкта животных в своем развитии стали источниками социальной энергии людей. Инстинкт самосохранения перерос в потребность самоутверждения. Этому

же способствовала и необходимость в продолжении рода. Потребность в пище привела, с одной стороны, к умению планировать ресурсы жизнедеятельности, думать о будущем, а с другой, – породила страсть к накоплению, стяжательство, жадность. Половая энергия, сублимируясь, стала главным, но не единственным источником творчества, искусства. Само сексуальное влечение, выйдя за пределы животной потребности, выросло в любовь. Все эти преобразования вызваны главным явлением, отличающим людей от животных, – процессом общения. Именно входя в сферу человеческого взаимодействия, общения, природные инстинкты преломляются, трансформируются и развиваются в человеческие свойства.

Важнейшим результатом этого развития стало то, что животные потребности преобразовались в человеческие способности.

При использовании любого термина устанавливается граница его применения, в пределах которой оно правомерно. Любое слово, будучи стихийно выработанным понятием, имеет размытые смысловые контуры. При использовании в конкретной ситуации задействуется лишь часть его смысла. Греческие софисты построили на этой особенности слов целую стратегию, позволявшую добиваться успеха в любом споре независимо от истинности своих суждений. Это можно представить схематически (рисунок 5.1).

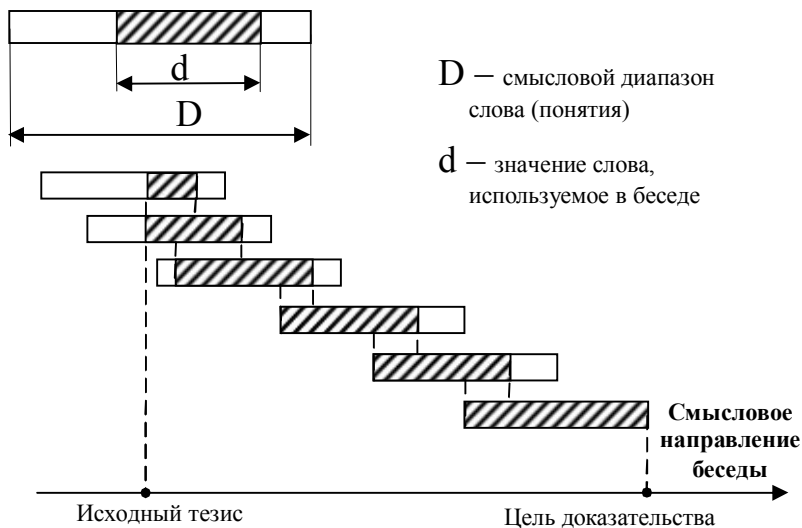

Рисунок 5.1

Сопоставляя один термин с другим, синонимичным, они сводили их вместе по общему участку смыслового спектра, и, продолжая разворачивать замысловатую вязь фраз, постепенно заменяли одно понятие другим, третьим. И так до тех пор, пока не приводили собеседника к желаемому результату.

Интересующие нас термины «потребности» и «способности» имеют многогранные взаимоотношения. Вообще-то, потребности порождают способности, а развитие способностей приводит к возрастанию потребностей, и в этом плане они неразделимы. Однако в вопросе о соотношении животного уровня и человеческого мы установим относительную автономность этих понятий.

Животное абсолютно подчинено законам среды, любая его активность вызвана внешними условиями или неподвластной ему собственной физиологией, оно является существом ведомым. Поэтому уместно говорить, что животное живет, подчиняясь потребностям, только ими и ради них. Потребность – явление пассивное, хотя и побуждает к активности, она лишь фиксирует разность потенциалов между особью и средой. Способность же сама создает эту разность потенциалов и в этом смысле активна. Человек как раз и является активным существом, субъектом, способным преобразовывать среду. Поэтому его суть составляют способности.

Способности присутствуют в человеке наряду с традиционными животными потребностями и являются их разветвленным продолжением. Способности и потребности в человеке постоянно взаимодействуют, стимулируют или вредят друг другу, поведение индивида то направлено на реализацию первых, то подчинено прихоти последних. Утверждая, что суть человеческой жизни составляют способности в их развитии и реализации, мы имеем в виду то, что именно способности характеризуют человеческое в человеке, что индивид тем больше человек, чем развитее в нем способности и чем лучше он управляет потребностями. Способности – его крылья, влекущие ввысь, а потребности – кандалы, сковывающие движения, вынуждающие его влечь стопы свои в земной пыли.

Человеческие способности многообразны, как многообразна человеческая деятельность. Более того, человек содержит в себе предпосылки великих талантов, о которых общество в принципе еще не знает. Он подобен музыкальному инструменту, который потенциально заключает в себе всю звуковую гамму, все возможные сочетания нот, все мелодии, которые уже написаны, будут написаны и даже те, которые никогда не будут написаны, однако этот инструмент издает лишь те аккорды, какие угодны музыканту. Всякий человек к чему-то пред-

расположен больше, к чему-то меньше. Кто-то имеет математический талант, кто-то уникален в живописи и даже слышит мир как бы в цвете красок, кто-то талантлив в любви (по-человечески, а не по-роличьи), у одного глаз вернее приборов, и он может с безукоризненной точностью выточить полую сферу, необходимую для научных исследований больше иных диссертаций, второй – кудряво говорит, а третий – косноязычен, но пишет прекрасные стихи. Способности человека можно представить извилистой кривой, выражающей их уровень в диапазонах различных качеств по всему спектру человеческих возможностей (рисунок 5.2).

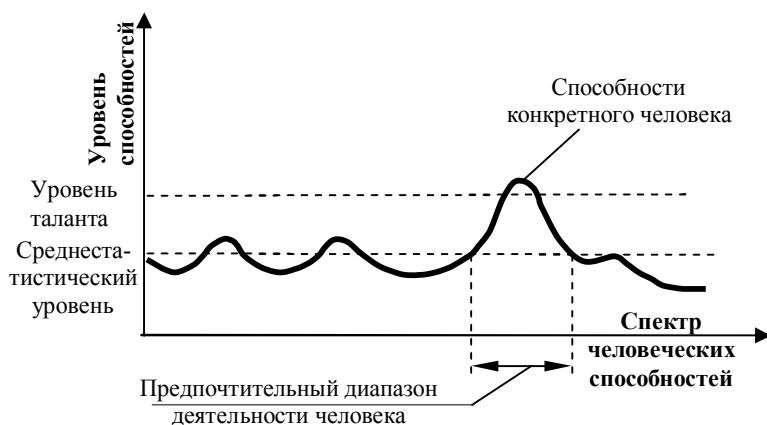

Рисунок 5.2

Любой человек в каких-то областях качеств уступает большинству, среднему человеческому уровню, в каких-то сферах жизнедеятельности он лучше многих, а в чем-то талантлив. Однако в реальности весь спектр его способностей не используется. Подобно музыканту, исполняющему на рояле или саксофоне с неограниченными возможностями лишь свой репертуар, общество задействует людей только в тех ролях, которые прописаны в его конкретной пьесе, характерной для данного общества в данный исторический период. Это можно проиллюстрировать рисунком 5.3 (стр. 43).

Здесь нам воочию предстает судьба трех конкретных людей. Назовем их Павел, Александр и Джон. Мы видим, что самым талантливым из них является Александр, поскольку он имеет высшую амплитуду своей главной способности, он же и самый способный, так как площадь под кривой его графика, характеризующая суммарную величину

способностей, также является наибольшей. Близок к нему по своим потенциальным качествам Павел, а Джон, увы, посредственность. В чем-то одним он неплох, но во всем остальном совсем слаб. Однако жизнь наших героев разворачивается в конкретных условиях определенного общества, имеющего спрос на человеческие способности в диапазоне D. Именно в этом диапазоне и реализуется потенциал граждан данного общества. Что же получается? Результат мы можем увидеть на том же рисунке 5.3.

Естественно, что даже в самых благоприятных условиях человек не реализует себя полностью. График способностей – это теоретический предел возможностей человека, это идеал и, как всякий идеал, он недостижим, к нему можно лишь стремиться. Поэтому кривая реализации способностей всегда будет лежать ниже графика самих способностей. Тем не менее, качественного изменения в ситуацию это не вносит.

Итак, в нашем обществе преуспевает Джон. Он великолепен, хотя и не гений, слабых мест у него практически нет. Его уважают, показывают всем по телевизору, он плодит детей, столь же посредственных, как и сам, и, по всей вероятности, от многих женщин, каковых обычно привлекают не реальные таланты человека, а его формальный успех. Павел и Александр здесь неудачники. Павел столь безнадежен, что, как думается, и потомства-то не произведет, а значит, его потенциальный талант будет потерян не только для данной, весьма примитивной цивилизации, но и для всех последующих. Александр тоже влачит жалкое существование, однако ситуация с ним не столь однозначна. Край спектра общественных потребностей затронул главную способность Александра. Общество его еще не понимает, но подспудно ощущает интерес к его деятельности. В этих условиях многое зависит от самого человека. Джону не пришлось особенно напрягаться, общество напрямую задействовало его потенциал, а вот Александру нужно крепко потрудиться, чтобы чего-то достичь.

В обществе идеи вызревают постепенно. Первопроходца, обычно, князят, ко второму прислушиваются, а третьего возносят на пьедестал. Если общественные интересы приблизились к области деятельности творца, то это означает, что на фоне массового неприятия, настороженности, недоверчивости уже есть люди, группы людей, готовых воспринять новое. Если Александру удастся сплотить этих передовых людей и повести за собою, он может добиться победы. Конечно, в такой обстановке он на практике все равно не достигнет пика своего таланта, однако даже его частичный успех будет означать смещение интересов общества в направлении его целей. Таким образом, самореализуясь, Александр тем самым расширяет диапазон

деятельности всего общества. И, возможно, это значит больше, чем просто раскрыть себя в благоприятных условиях. Если Александру удастся раздвинуть горизонты мировоззрения и интересов общества хотя бы до границы D' , его стоит назвать гением.

Вообще-то, считается, что талант – это высокий уровень способностей, а гениальностью называют особенно большой талант. Однако хочется качественно развести эти термины. Уместнее считать гением реализованный талант, то есть гениальность – это талант, помноженный на труд и удачу. Известно также выражение: «Гений – это герой в науке или искусстве».

В нашем примере Александр реализовал талант лишь на треть, зато своей деятельностью поднял на более высокий уровень все общество. Труд по раскрытию таланта пропорционален сопротивлению общества и поэтому количественно может характеризовать масштаб общественных преобразований, а значит, его равноправное с талантом участие в формуле гениальности вполне оправдано.

Итак, в рассмотренном примере Джон – успешный человек, он возвышается и над Павлом и над Александром, он презрительно сгоняет их своим «Мерседесом» с тротуара, если дело происходит в Москве; Александр, в зависимости от результатов борьбы за идею, неоднозначных в данных условиях, либо гений, либо трагически несчастный человек. Однако даже в первом случае, даже став гением, Александр не займет положения выше, чем Джон, чье благополучие имеет глубокие корни; его, Александра, в полной мере оценят лишь будущие поколения. Ну, а кто же такой Павел?

Он очень талантлив, но его талант лежит так далеко за горизонтом мировоззрения близорукого общества, что борьба за его реализацию абсолютно бесперспективна. Он и сам-то не осознает, на что способен, знает только, что ему неинтересно все существующее, что ему тесно здесь, в этом мире, он ощущает зов высших сил, душа его рвется в полет, но не может обрести крылья. Он не способен взлететь, но не хочет ползать. Он никчемный человек, он глобальный неудачник и он... живое выражение позора общества. Корень зла произрастает из скудной почвы неразвитого общества.

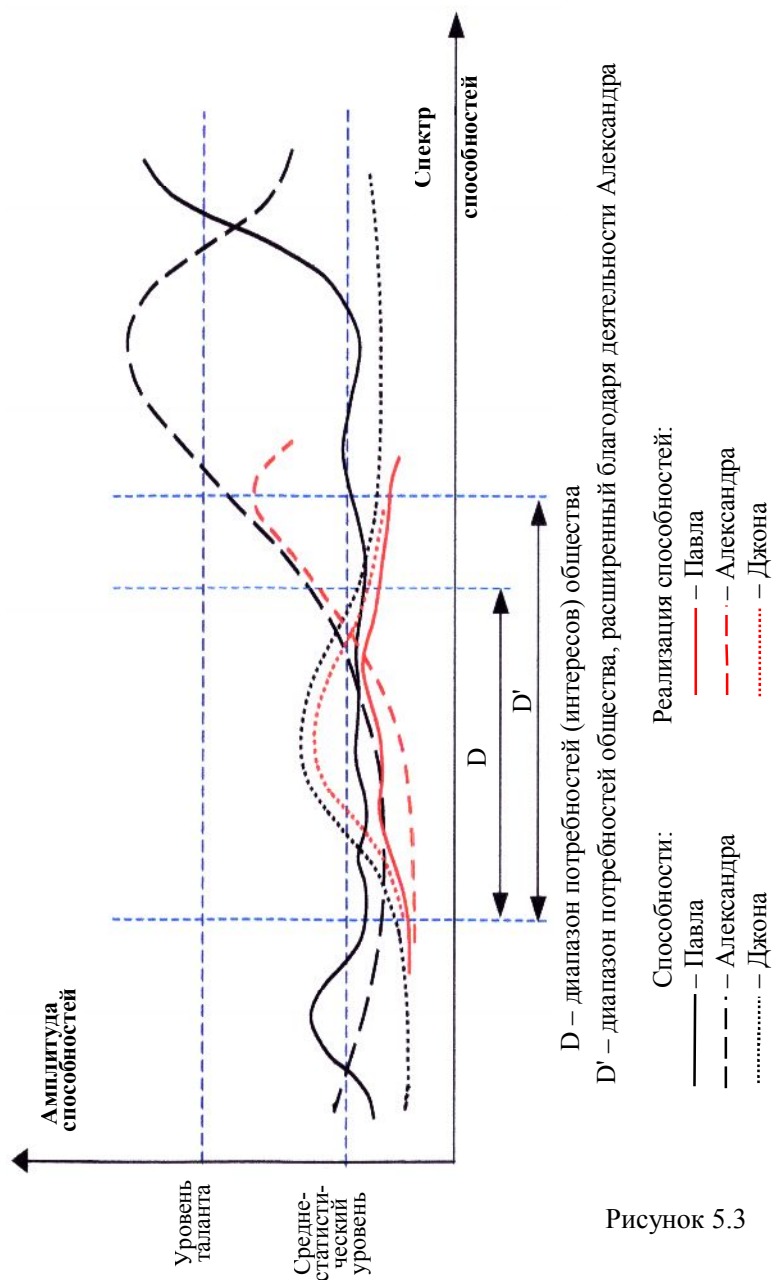

Рисунок 5.3

Рисунок 5.3

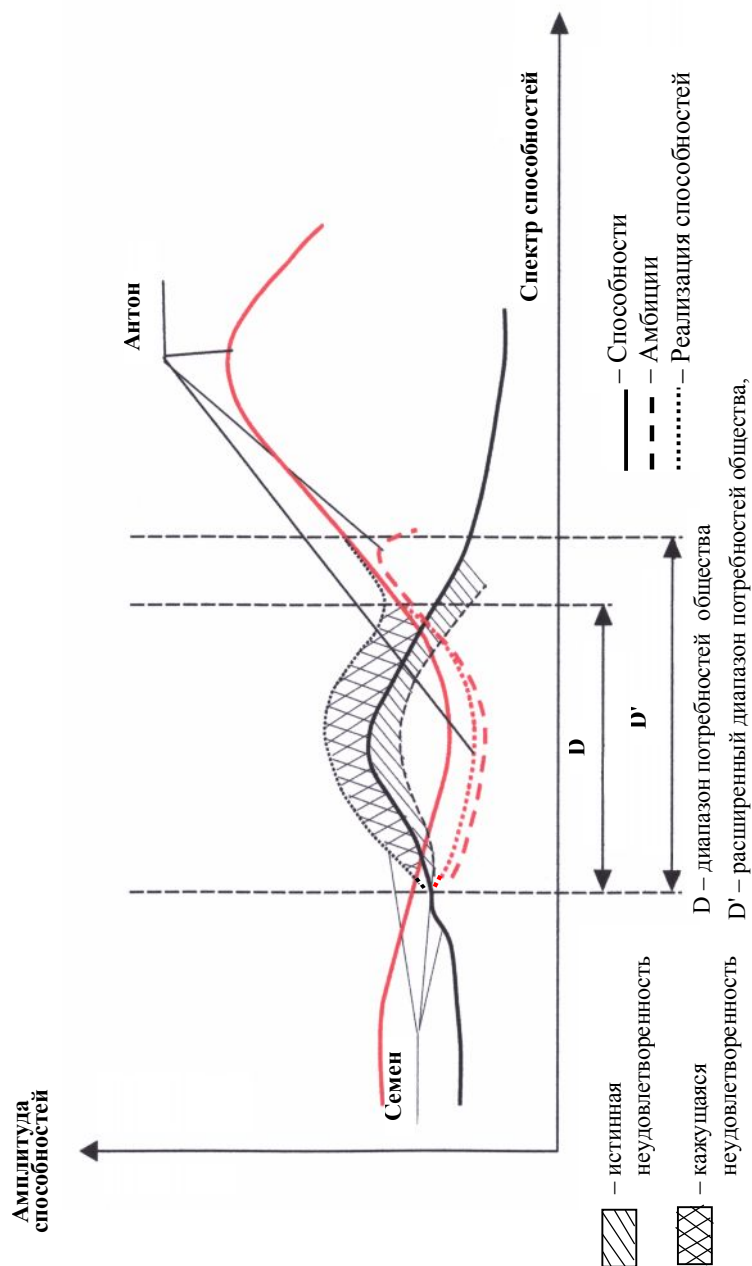

Рисунок 7.2

6. Подсознание. Душа. Сознание. «Пирамида» психики

*«Величавость движения айсберга в том,
что он только на одну восьмую
возвышается над поверхностью воды»
Э. Хемингуэй*

Попробуем теперь все сказанное ранее упорядочить и связать воедино. Первая попытка приводит к обобщенной модели психики человека в виде пирамиды с различными иерархическими уровнями (сечение такой пирамиды представлено на рисунке 6.1). Здесь нет покушения на биологию, схема имеет только качественный характер.

Низший уровень составляет область простейших безусловных рефлексов, оценивающих элементарное влияние среды на организм по двоичной системе: положительный фактор – отрицательный. Например, горячо – холодно. Первичные биодатчики передают информацию в нервные узлы, которые проводят оценку в пределах своей «компетенции», сопоставляя показания, так сказать, подведомственных им датчиков, и доводят результирующий сигнал до вышестоящего звена. Так, обобщаясь и укрупняясь, информация поступает выше и выше. Наконец, в узлах особого статуса подводится итог и вырабатывается команда на ответную реакцию организма, например: «жарко – выделять пот». Эта команда проходит вниз по звеньям нервной системы, постепенно разветвляясь и дробясь на более конкретные, частные сигналы мышцам, железам, всевозможным активаторам биохимических процессов. Все это происходит без нашего ведома, «автоматически», то есть без участия сознания.

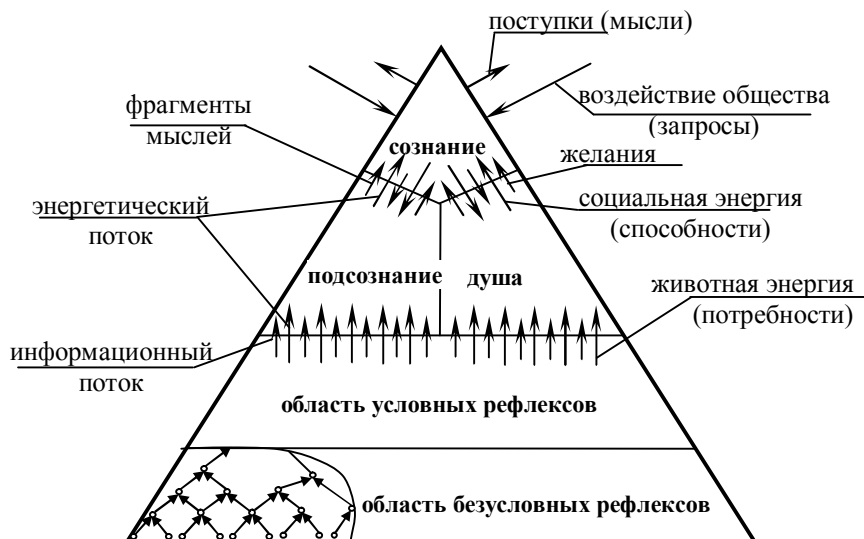

Рисунок 6.1.

Следующий качественный уровень обеспечивает функционирование условных рефлексов. Информационные комплексы, осуществляющие управление выполнением условных рефлексов, складываются в процессе усвоения личного опыта, обучения, тренировки индивида. Составными частями, сборочными узлами для них служат сигнальные цепочки элементарных безусловных рефлексов. Выработка таких информационных комплексов может происходить без участия сознания на более низких уровнях психической иерархии, например, когда мы учимся ходить, и с помощью сознания, скажем, когда человек учится писать. Во втором случае усвоенный опыт в результате тренировки постепенно опускается из сферы сознательного в низшие слои психики. При этом нейроны, осуществляющие управление данным рефлексом, конечно же, физически остаются на прежнем месте, однако они превращаются в автономные структуры и, так сказать, работают без нашего надзора. Условные рефлексы могут закрепляться в генотипе и передаваться следующим поколениям в качестве безусловных рефлексов. Данное утверждение пока имеет статус гипотезы, но, хочется думать, вскоре оно избавится от этого малопочетного названия, унижающего достоинство человеческого знания.

Следующую область психики образуют подсознание и душа. Здесь технологические процессы по оперированию информацией не доведены до автоматизма. Обработываемый материал слишком сложен и велик по объему, информационные цепочки разветвлены и имеют множество пересечений. Тут нет однозначности, наряду с повторяющимися циклами, могут возникать новые комбинации, вырабатываться фрагменты свежих идей, создаваться предпосылки для оригинальных решений и образцов нестандартного поведения.

Подсознание представляет собою нечто вроде фабрики по производству наших мыслей. Там есть своеобразные склады материалов, участки обработки деталей и сборки узлов. Однако окончательная «сборка» мыслей происходит в сознании.

Душа – это творческая мастерская, где из простейших импульсов и переживаний формируются наши чувства, которые потом в виде желаний, побуждений и образов поступают в сознание.

Сознанием следует называть ту часть психики, которую мы способны контролировать своей волей, куда мы можем проникнуть по собственному усмотрению. Подсознание тоже в какой-то степени поддается управлению. Если внушать себе важность определенной задачи и мысленно повторять исходные данные для ее решения, произойдет загрузка подсознания. Оно воспримет это как задание и через некоторое время выдаст идею, которая затем в сознании будет доработана до конкретной мысли. Однако проследить, как в подсознании рождается идея, применить для этого случая логику мы не можем, потому оно и подсознание.

Аналогичная ситуация с душою. Художник управляет душою так же, как ученый – подсознанием. Она тоже «работает на заказ» и, переплавив в печи воображения эмоции и чувства, «выдает на гора» образы и идеи.

Следует сказать, что все перечисленные области имеют зыбкие границы, которые могут смещаться под воздействием различных факторов и состояний человека. Например, под влиянием наркотика человек начинает как бы видеть и ощущать процессы глубинных слоев психики, чем и объясняется псевдобогатство переживаний такого состояния.

Рассмотрев функциональное строение психики, попробуем в общих чертах проследить связь между функциями и структурой.

В мозге находятся миллиарды нервных, то есть информационных клеток, называемых нейронами. Нейроны напоминают паука и имеют несколько лапок-отростков, один из которых исполняет роль передающей антенны, а другие осуществляют прием инфор-

мации. Под воздействием мысли в мозге пробегают энергетические импульсы, которые заставляют нейроны «хвататься» друг за дружку «лапками» и образовывать хороводы (сами «лапки» не соприкасаются, но между ними образуются электрические и химические связи). Это подобно микросхемам в компьютере. Только взаимодействие между нейронами осуществляется преимущественно не электрическим, а химическим путем. Электричество имеет лишь два заряда, как бы две буквы в своем алфавите, плюс и минус. Химических же типов связи гораздо больше, что и определяет преимущество такого способа передачи информации.

Когда человек совершает какое-то действие, испытывает некое переживание или мыслит, соседние нейроны через свои отростки посылают друг другу электрические и химические сообщения, и сопровождающая процесс информация пробегает чередой нейронов к исполнительным органам, как письмо по почте. Если действие повторяется много раз, то соответствующая нейронная цепочка задействуется вновь и вновь. С каждым разом импульс пробегает по ней быстрее и увереннее и в конце концов возникает как бы протоптанная тропинка в лесу нейронов. В таких нейронных цепочках с помощью электрохимического кода записана вся наша жизнь, а также полученный по наследству опыт наших предков со всех ступеней эволюционной лестницы.

Сравнение с лесом здесь уместно еще и потому, что количество клеток в головном и спинном мозге человека превышает число деревьев в джунглях Амазонии, а количество связей между нейронами сравнится с числом всех листьев.

То, что мы унаследовали биологическим путем, составляет наш багаж безусловных рефлексов и реакций. Это не тропинки в лесной чаще, а изначально посаженные, четко распланированные эволюцией аллеи, которым всего лишь надо дать время подрасти. А вот социальный и личный опыт запечатлевается в мозгу именно путем «протаптывания тропинок». Это и есть процесс запоминания. Если же какая-то из проложенных тропинок начинает использоваться редко, она зарастает травой – информация забывается. Наша память состоит из множества «тропинок», которые пересекаются, сходятся, образуют дороги, полянки и целые города информации. Вот почему одни воспоминания часто вызывают другие. Например, когда мы слышим мелодию, любимую в детстве, то испытываем, правда, приглушенно те же чувства, которые сопровождали восприятие этой мелодии много лет назад. Это переименование «тропинок», создающее не смысловые, а ассоциативные связи, способ-

ствует процессу творчества. Представьте, едет велосипедист по дорожке большого парка, спутал перекресток, повернул не там, где хотел, и врезался в дерево, чтобы не наехать на замечтавшуюся девушку, неожиданно возникшую из густых зарослей. Та оказала ему первую помощь, и, раскрыв глаза у нее на коленях после легкого нокдауна, он узнал в ней конопатую девчонку из соседнего квартала, которая когда-то давно, в розовом детстве, поцарапала его физиономию на почве несанкционированного применения эмоциональных терминов в отношении друг друга. Двойной шок, от обморока и воспоминания, вызвал эмоциональную вспышку, по-новому осветившую его спасительницу, и она стала его судьбой. Так простой человек находит свое счастье, а мыслитель – гениальную идею, которая на всю жизнь становится его радостью и каторгой, совсем как та девица для велосипедиста.

Чем больше переживаний, эмоций, мыслей связано единой темой, тем важнее и дороже нам эта тема. Наша душа как раз и состоит из таких переживаний. Этим нашим свойством объясняются, в частности, такие явления как дружба и любовь.

Любовь зарождается на основании природной симпатии. Эта симпатия повышает наше внимание к объекту влечения, и мозг начинает записывать всю информацию, так или иначе связанную с этим объектом. Создается своеобразная душевная копилка, в которую складываются и положительные и отрицательные эмоции. Под действием наших желаний и надежд все это растет, как катящийся снежный ком, зона чувств, относящаяся к интересующему нас человеку, расширяется и начинает превалировать над другими областями. В конце концов, образ этого человека пронизывает чуть ли не всю нашу психику в ее верхних уровнях, тогда и происходит перерастание полового влечения в любовь. Избавиться от мыслей о любимом человеке, «выбросить его из головы» сложно потому, что этот образ вместе с сопутствующими переживаниями охватил значительную часть нашей души, и с его утратой мы теряем существенную и подчас лучшую часть самих себя. Любовь, именно как человеческое чувство, – это накопленные переживания. Вид любимого человека инициирует, включает эту область переживаний, бесчисленные нейронные цепочки оживают, и наша душа сияет всеми огнями, как новогодняя елка. Собранные нашим духовным трудом, душевным творчеством чувства приходят в движение, и тогда мы живем полной, насыщенной жизнью. Причем, этот феномен порождается обеими сторонами, но во многих случаях с различными долями участия и заслуг. Бывает, что один человек возводит в душе другого

храм любви, воздействуя на него своими мыслями и чувствами, открывая в нем несметные сокровища, пылившиеся прежде в темном подвале, упорядочивая и организуя их. И только после такой созидательной работы, завершив духовное строительство, он входит в созданный храм одновременно и как его творец и как бог. А иногда происходит наоборот, здание любви воздвигается заранее. Человек долго ждет большого чувства, надеется, мечтает, страдает, и его переживания складываются в абстрактную любовь, которой не хватает только конкретной чувственной основы. Другой человек приходит и просто поселяется в уже готовом дворце, дав себе труд лишь вовремя оказаться в нужном месте.

Однако оба названных варианта ущербны, так как не содержат в себе источника для дальнейшего развития любви. Они статичны, тогда как жизнь во всех своих проявлениях динамична, и если отсутствует развитие, то происходит распад. Полноценная любовь возможна только тогда, когда среди действующих лиц нет потребителя, когда обе стороны являются активными созидателями. Тогда соответствующие области переживаний обоих влюбленных в процессе их общения взаимодействуют на равных, а значит, взаимобогащают и дополняют друг друга. Возникает динамичная система, способная к длительному существованию.

Когда у человека отпадает потребность в прежних действиях, информационная цепочка, отслеживавшая их, частично рассыпается. «Тропинка» в мозгу «зарастает травой», происходит забывание. Это следствие оптимизации работы мозга; освободившиеся нейроны получают возможность участвовать в «записывании» новой информации.

Чтобы завершить краткую иллюстрацию функционирования психики, скажем, что между различными уровнями и областями осуществляется не только информационный, но и энергетический обмен. Энергетические потоки, пронизывающие всю нашу пирамиду от самого низа до вершины, являются движущей силой, побуждающей к формированию информационных цепочек, мыслей и чувств. Природа энергетических токов так же, как и информационных, биохимическая, и с точки зрения работы нейронов между ними, скорее всего, нет принципиальной разницы. Отличие проявляется на макроуровне и состоит в функциональном назначении этих процессов для всего организма и высших уровней его психики. В обоих случаях нервная система формирует и передает информацию, однако в потоке, названном нами энергетическим, эта информация играет роль побудительного мотива, движущей силы, под действием которой организм вырабатывает ответную реакцию. Исполнительная функция психики, вклю-

чающая в себя анализ ситуации и формирование стратегии ответного поведения, названа информационной.

Для низших уровней нашей пирамиды такое разделение нецелесообразно, так как между восходящим и нисходящим потоками сигналов для нас нет принципиальной разницы. Все происходит рефлекторно, ряд ответных реакций строго соответствует набору раздражителей. Но на уровне функционирования подсознания и души мы уже ощущаем комплексный итог действия внешних и внутренних раздражителей в виде потребностей. Когда в процессе жизнедеятельности между состоянием организма и окружающей средой нарушается равновесие, возникает разность потенциалов того или иного вида, и нервная система доводит эту разницу до высших уровней психики в виде чувства неудовлетворенности, потребности. Это и есть психическая энергия живого существа. Таким образом, нервная система посредством энергетических потоков преобразует внешнее воздействие среды в психическую энергию, которую живое существо может использовать в своих целях.

Животное, ощутив потребность, немедленно старается удовлетворить ее простейшим, доступным способом. Но у человека потребности проходят цензуру норм морали, затем соотносятся с его установками и ценностями, обретают ориентацию в соответствии с вектором интереса, и только после длительного «хождения по инстанциям» души и подсознания, прилично причесанные, облагороженные, во фраке, они вступают в храм сознания в виде способностей. Впрочем, нередко дикие животные потребности, ловко проскользнув между храмами и домами культуры цивилизованной души, проникают в сознание через супермаркет и принимают образ обольстительных хорошо и модно одетых, а иногда хорошо и модно раздетых девушек – желаний. Желание – это тоже очеловеченная потребность, но иного порядка в сравнении со способностями.

Итак, подсознание и душа – это совокупность наших чувств, эмоций, переживаний, опыта, накопленных за прожитую часть жизни, пронизанная энергетическими потоками наших потребностей и желаний. Здесь происходит трансформация животной энергии в человеческую. Желание «взять» тут преобразуется в стремление «дать», потребительские установки сменяются влечением к созидательной деятельности. Например, половой инстинкт, очеловечиваясь, перерастает в любовь. Животное просто потребляет самку, а человеческая любовь – это созидание, творчество.

Таким образом, подсознание и душа являются генераторами человеческого потенциала. Но не весь этот потенциал может быть

реализован. Получая из недр психики энергетические потоки в виде способностей и желаний, требующих реализации и удовлетворения, сознание соотносит их с окружающей действительностью. В качестве таковой для человека, главным образом, выступает социальная среда. Общество включает человека в сферу деятельности через свои потребности. Главенствует принцип: спрос определяет предложение. Сопоставляя запросы общества со своими способностями и желаниями, человек вырабатывает линию поведения. У него два пути: убедить общество в значимости своего таланта и таким образом создать новую общественную потребность, которая позволила бы раскрыться его способностям, или подавить свои таланты, адаптироваться к существующим условиям, а неудовлетворенность заглушить каким-либо иным способом. Возможен, конечно, и такой редкий вариант, когда талант затребован и в обществе существуют благоприятные условия для его реализации.

7. Условие счастья. Смысл жизни

*«Жить стоит только так, чтобы предъявлять
безмерные требования к жизни»*

А. А. Блок

*«Если вы удачно выберете труд и вложите в него
всю свою душу, то счастье само вас отыщет»*

К. Д. Ушинский

Мы выяснили, что во взаимодействии с окружающей средой человек не только испытывает биологические потребности, но еще вырабатывает свой особый потенциал, который представляет собою спектр его способностей к различного рода деятельности. Разность потенциалов – движущая сила природы, созидаящая и разрушающая, ее антиэнтропийное начало. В обобщенных философских терминах это называется борьбой противоположностей.

Главное свойство материи состоит в том, что она существует. Условие ее существования в пространстве и времени требует, чтобы она была представлена некой геометрической субстанцией, и чтобы эта субстанция вновь и вновь продлевала свое существование. Отсюда следует главное, основополагающее противоречие, свойственное материи. С одной стороны, ее субстанция стремится к равновесию, поскольку это самый надежный, естественный и простой способ сохранения существования, а с другой стороны, она нуждается в периодическом возврате к неравновесному состоянию, чтобы вновь и вновь получать возможность неспешно спускаться в лоно умиротворенной стабильности. К выходу из равновесного состояния материальную субстанцию вынуждает время, ибо, если не будет никаких изменений, не станет и времени. Представьте себе мир, в котором

никогда ничего не меняется. Когда бы ни явился туда наблюдатель, он всегда будет видеть одно и то же, его визиты ничуть не будут отличаться один от другого и окажутся равносильны одному единственному взгляду на этот мир, одному мгновению, растянувшегося на вечность. В таком мире нет места времени. Однако время является неотъемлемым свойством материи, как и ее пространственная субстанция. Следовательно, материальная субстанция должна постоянно изменяться, а это требует, чтобы процессы стабилизации перемежались периодами воспроизводства противоречий.

В данном вопросе можно с равным правом считать движение материи способом ее существования во времени и полагать наличие времени следствием движения материи, поскольку это неразрывные свойства одного и того же явления – существования материи, два взгляда на единый вечный процесс.

С точки зрения нашего исследования, нам было важно убедиться в том, что столкновение противоположностей, реализация разности потенциалов является изначальным, главнейшим законом, присущим материи. (Вообще, столкновение противоположностей представляет собою предельный случай разности потенциалов для определенного явления.) В природе все так или иначе стремится к реализации своего потенциала. Солнце уже миллиарды лет выбрасывает в космос энергию своего чудовищного взрыва. Планеты вертятся по кругу, да еще волчком, безуспешно стараясь ускользнуть от его жарких лучей. Даже та ничтожная доля звездной энергии, которая падает на них, заставляет их страдать от ядовитой атмосферы, как, например, Венеру, где даже специально созданный для агрессивных сред зонд разъедается кислотным дождем и рассыпается ветром в песок менее чем за час, ржаветь, как красный Марс, изнемогать от зноя и стужи, как Меркурий, на котором днем плавятся металлы, а ночью конденсируется азот. Лишь Земля сумела выработать меры борьбы с солнечной энергией, покрыв себя защитной пленкой жизни, которая обеспечила ей более комфортные условия. Однако она не всегда умеет совладать с собственной энергией, и порою ее светлый голубой лик морщится трещинами от землетрясений и покрывается прыщами вулканов.

Природа развивалась в направлении более эффективного рассеивания энергии. Жизнь оказалась высшей формой переработки энергии. Особенностью этого вида существования материи стала ее дискретность, то есть дробление на множество сменяющих друг друга элементарных звеньев. Благодаря такой структуре живого вещества возникли неустойчивые, но зато высокоорганизованные формы, об-

ладающие обоими типами обратных связей со средою. Таким образом, высокий уровень организации был куплен природой у законов мироздания ценою смертности своих лучших порождений. Вот уж, действительно, горе от ума. Однако дискретность элементарных форм требовала восстановления в правах присущего материи принципа непрерывности движения. Эту задачу живое вещество решило, организовав преемственность отдельных форм осуществлением их связи во времени путем редупликации и в дальнейшем за счет выработки генетического кода. И все это, заметьте, только для того, чтобы качественнее, эффективнее перерабатывать внешнюю энергию!

Человечество создало новый способ организации преемственности в передаче информации, гораздо более динамичный, чем биологический, – социальное наследование, в котором роль генофонда выполняет вся культура. Это достижение обусловило бурный прогресс социальной формы жизни. Естественно, что движущей силой этого прогресса стала социальная энергия, то есть энергия человеческих способностей.

Таким образом, процесс реализации человеческих способностей явился выражением основополагающего универсального закона мироздания, более того, его высшей формой.

Камень катится под гору, реализуя потенциал своей высоты, вода течет туда, где ниже, массы воздуха перемещаются в области низкого давления. Причем, чем резче перепад высоты или давления, тем интенсивнее процесс. Равнинная река катит свои воды размеренно, неспешно, она – своего рода флегматик. Потоки, пробивающие себе русло в скальных породах, журчат, не смолкая, и экспрессивно брызгаются на каменистых порогах, напоминая неугомонных сангвиников. Река, обрушивающая водный шквал с вершин водопада, свирепствует, как разгневанный холерик, а потом, выбираясь на гладкое плато, еще долго несет в себе песок, ил, обрывки водорослей и прочую муть подобно меланхолику, истязаящему свою душу переживаниями давних обид. Ветер рождается перепадом атмосферного давления между соседними областями, и его диапазон простирается от ласкового морского бриза до всеограждающего урагана. Природа дает наглядные примеры стремления всего сущего к реализации потенциала. И хотя неживая природа, не будучи субъектом, не способна испытывать стремление, ее стихии столь неукоснительно подчиняются общему закону, что создается видимость, будто они ощущают при этом процессе удовлетворение, радость или восторг в зависимости от величины изначального энергетического порога.

Живое вещество сделало шаг или даже прыжок вперед. Обзаведясь обратными связями со средой, оно научилось отслеживать истечение энергии. Отслеживание требуется для того, чтобы корректировать свое состояние в соответствии с изменяющимися внешними условиями. У живого организма в каждый момент времени есть два пути реагирования на внешний раздражитель: продолжить взаимодействие с ним или постараться избежать его влияния. Следовательно, сигнальная система организма должна оповещать своего хозяина о том, положительно для него данное взаимодействие с внешним объектом или отрицательно, способствует оно его жизнедеятельности или враждебно ему. То есть сигнальная система должна проводить оценку: хорошо – плохо. Как организму надлежит воспринимать такого рода сигналы? Они должны вызывать в нем соответствующие эмоции.

В случае положительного сигнала, он будет испытывать удовольствие, в случае отрицательного – дискомфорт, боль, страх. Естественно, на различных стадиях эволюции живого вещества полнота, эмоциональная насыщенность данного процесса различна, однако его суть едина для всех форм.

Итак, живое вещество в ходе взаимодействия с окружающей средой так или иначе испытывает положительные и отрицательные эмоции, которые служат ему сигналами к соответствующим действиям. То есть в своей жизнедеятельности достаточно развитый организм руководствуется чувствами удовольствия и неудовольствия. Процесс жизнедеятельности представляет собой энергетический и вещественный обмен со средой и присущий исключительно живому веществу обмен информацией, во-первых, при размножении, а во-вторых, при взаимодействии особей одного вида.

Однако живой организм не просто рассеивает пассивно полученную внешнюю энергию, как неживые объекты. Его качественное отличие состоит в том, что за счет высокой организации своей структуры он обладает возможностью активного пополнения запаса энергии путем обмена веществ и, соответственно, многократного повторения циклов энергообмена со средой. Для решения этих сложных задач в процессе эволюции возникла многоуровневая иерархически устроенная система управления. Причем, она включает в себя не только нервную систему отдельной особи, но и механизмы внутривидового регулирования жизни популяций. Последнее особенно наглядно проявляется у муравьев и пчел. Иерархически устроенная нервная система организма, суммируя обрабатываемую информацию как от внешних раздражителей, так и от внутренних органов, формирует обобщенный знак организму в виде потребности. Именно потребности регулируют

жизнь достаточно развитого животного; как организм в целом, оно руководствуется в своих действиях потребностями, ради их удовлетворения оно живет и соответственно наибольшую радость ему доставляет процесс удовлетворения потребностей.

Потребность субъективирует для животного процесс обмена веществ и прямого энергообмена с внешней средой, делает его ощутимым. Благодаря оптимизации нервной системы, отвечающей за соответствие ее сигналов течению жизненного процесса, ощущения будут самыми приятными, когда потребность реализуется наиболее естественным образом, в полном согласии с диктуемыми ею запросами. Животное благоденствует, когда поглощает столько пищи, сколько нужно организму, включая сезонную потребность в жировых отложениях, когда оно удовлетворяет половое влечение в подходящий момент и в желаемом количестве. Если потенциал его потребности реализуется не в полной мере, оно испытывает неудовлетворенность, если в результате внешнего взаимодействия или собственной жадности потребление превышает запросы организма, происходит его перегрузка, наступает утомление, которое также вызывает дискомфорт. Сказанное можно проиллюстрировать рисунком 7.1.

Рисунок 7.1

Жизнь животного будет тем приятнее и радостнее, чем точнее окажется совпадение функций реализации его сил и потенциала его потребностей. Идеальный случай полного торжества особи — полное слияние обоих графиков. Как следует из самого термина «потребность», ее удовлетворение состоит не только в использовании энергетического запаса, но и в потреблении, то есть в его наращивании. Однако при формировании механизма потребления природа все равно

использовала свой главный принцип, состоящий в реализации потенциала. В этом случае физиологическая потребность организма в притоке внешней энергии и вещества преобразуется нервной системой в чувство неудовлетворенности, которое представляет собою эмоциональную разность потенциалов, то есть в психический потенциал. Таким образом, животное стремится к удовлетворению потребности под действием психической энергии, оно стремится к реализации своей, так сказать, сублимированной разности потенциалов. Потребляя, животное тем самым реализует себя, раскрывает свою суть. Именно разрешение психического напряжения переживается им как удовольствие.

Человек, будучи животным по своей биологии, испытывает все животные потребности и связанные с ними эмоции. Однако, как мы убедились ранее, в своих высших проявлениях энергия животных влечений, проходя социализацию в верхних эшелонах психики, преобразуется в психический потенциал человеческих способностей. На своем выходе энергоинформационная система под названием «человек» имеет способности, то есть стремление к социально-значимой деятельности. Значит, наибольшую радость человеку может дать именно реализация способностей. Реализация способностей выступает его высшим проявлением и высшим достижением, а это и есть счастье.

Следовательно, счастье состоит в том, чтобы жить в соответствии со своими способностями.

На рисунке 7.2 (страница 44) приведен пример реализации способностей двух человек, скажем, Антона и Семена.

Мы видим, что главная способность Семена в полной мере задействована обществом. Он это ощущает и осознает, поэтому его амбиции слишком велики. Однако завышенные амбиции препятствуют самореализации человека, поскольку, с одной стороны, мешают полной концентрации внимания на самом деле, а с другой, — заставляют остро переживать малейшую неудачу. Чрезмерные амбиции — это неверно настроенная, неотрегулированная обратная связь, и человек в этом случае подобен машине с рассогласованной, неисправной системой управления. Следствием такой ситуации будет сравнительно низкая реализация способностей. Разница между величиной амбиций и реализацией способностей характеризует неудовлетворенность человека своей жизнью.

При этом истинная неудовлетворенность (несчастье) определяется разницей между уровнем способностей и степенью их реализации, а превышение амбиций над способностями представляет собою кажущуюся неудовлетворенность, исходящую не из души, а от сознания, мнения окружающих, она имеет показной, лицемер-

ный характер. Ну, а интеграл под кривой реализации способностей – это, извините за прозу, и есть счастье. Однако это суммарное итоговое счастье, таковое может испытывать старец, со светлым томлением вспоминаящий свою многотрудную, насыщенную событиями жизнь. Более острое состояние счастья или несчастья ощущается в каждый момент времени в ходе непосредственной реализации способностей, то есть в процессе всей активной жизни.

График способностей представляет собою теоретический предел человеческих возможностей. Это идеал, который в реальности не достижим, к нему можно лишь стремиться. Степень реализации способностей зависит от уровня их развития, и от соответствия им потребностей общества, а также от характера личности, ее целеустремленности и трудолюбия. Всякое приближение к идеалу будет переживаться как состояние счастья, а любое отдаление от него вызовет неудовлетворенность. Разность потенциалов, заложенная в способностях, постоянно заставляет человека стремиться к их раскрытию. Именно это постоянное напряжение всех сил, сопровождаемое чувством, что прекрасная жар-птица вот-вот окажется в руках, как раз и создает ощущение полноты жизни. Однако жар-птица, обронив вам несколько радужных перьев, всякий раз уносится ввысь и вновь реет в небесах, призывая разделить с нею головокружительный полет.

Однако, уделив внимание Семену, человеку, в общем-то благополучному, вся беда которого в том, что общество слишком рано выдало ему аванс, мы забыли о гораздо более драматичной судьбе Антона. Способности этого талантливого человека запрошены обществом, но не оценены им, не поняты в полной мере. Антон искренне хочет осчастливить мир, подарив ему свое сердце, но ему все время говорят: «Нет, не надо нам сердца, будет достаточно и ногтя». Его зовут, но не принимают. Он стучит в открытую дверь, потому, что она слишком узка для его широких плеч. Он может проникнуть внутрь к людям, лишь изогнувшись, встав на четвереньки, вывернувшись, извратившись, его жизнь представляет собою многократное повторение перечисленных телодвижений. Его амбиции занижены, что порождает самоуничижение, кислотой разъедающее душу. Все это создает ситуацию тигра, мечущегося в клетке: его дразнят, но не позволяют голодной ярости обрушиться на беззаботных зрителей. Антон работает до изнеможения, стремясь раздвинуть границы культуры общества. Вначале у него ничего не выходит, но потом он вдруг убеждается, что у него получается даже больше, чем он ожидал (ведь его способности реально выше амбиций). Это его вдохновляет, и он неистовствует в своей подвижнической деятельности.

В конце концов Антону удастся почти полностью реализовать свои способности на их начальном участке, добиться признания общества, оставить позади Семена, но все это – такой ценой, что на вершине славы он утрачивает творческие способности. Перегрузка его психики, переутомление привели к преждевременному старению души. Его счастье оказалось неполным и, кроме того, омраченным усталостью от жизни. Это несчастный гений, который многое совершил, но еще большего не смог сделать. Причем, сверхусилия, приведшие к отрицательному самочувствию личности, здесь вызваны не самим творческим процессом реализации способностей, а преодолением унижений и обид со стороны общества.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что для самоощущения состояния счастья пагубны не только объективные неудачи и слабости самой личности, приводящие к недостаточной реализации способностей, но и чрезмерность, запредельность усилий по их реализации. Счастье состоит в том, чтобы жить в гармонии со своими способностями, не занижая и не завышая относительно них процесс жизнедеятельности. Только правильно натянутая струна истинно звучит.

Необходимо добавить, что, поскольку способности представляют собою высший иерархический уровень потенциала человека, а низший составляют животные потребности, конечно, тоже в той или иной степени окультуренные, то реализация способностей возможна только на базе некоего оптимального удовлетворения биологических потребностей.

В свете сказанного оценим, что означает расхожая фраза: «Хорошо жить»? Один страдает от того, что у него есть вилла, яхта, но нет персонального самолета, а другой несчастен, потому что ему уважать некого.

Чтобы сравнить две системы ценностей: потребительскую и созидательную с точки зрения качества, полноты жизни субъекта, нужно привести их к общему знаменателю. «Что остается от материального обладания? Только идея», – утверждает персонаж Бальзака. В самом деле, мы не поедаем дворцы, золото, дорогие картины и роскошную мебель. Материальное за пределами удовлетворения нужд организма, потребляется духовно, путем осознания своего жизненного успеха, выраженного в материальных носителях. Вот это осознание и ощущение собственного преуспевания и является искомой общей базой чувства самоудовлетворения. Только в одном случае оно основывается на том, что человек имеет вовне, а в другом – на том, что он содержит в себе. Кто-то торжествует из-за того, что он забирает у мира, а кто-то горд, потому что создает

сам. Потребительская радость имеет относительный, преходящий характер, поскольку модное в потреблении сегодня, завтра будет смехотворно убогим, а счастье созидателя абсолютно, так как основывается на реализации сущностных сил, означает воплощение самого себя, внедрение себя в мир. Это как бы продолжение родительских чувств на сферу чисто человеческого.

Вопрос о счастье коррелируется с понятием о смысле жизни. Представление о смысле жизни подразумевает сравнение с какой-то изначально заданной целью. В абсолютном значении понятие «смысл жизни» предполагает существование творца человечества, который создал его с каким-то конкретным намерением. Степень соответствия жизни людей этому намерению, плану творца и будет свидетельствовать о смысле или бессмысленности их жизни. Мы же сразу договорились о том, что не будем тревожить бога понапрасну, в полном согласии с библейской заповедью, принесенной людям Моисеем, не станем упоминать имя божье всуе. Поэтому мы скромным образом вывели происхождение человечества из предшествующих форм жизни в процессе коллективного отбора. Следовательно, никакой высшей, божественной цели существования человека нет. В то же время, человек является выходцем из общества, общество как бы стало его творцом, и в этом плане смысл жизни человека состоит в соответствии общественным интересам. А интересы общества в том случае, когда внутри него нет искажающих факторов, согласно законам самодвижения материи, заключаются в саморазвитии, то есть в повышении уровня своей организации, что требует развития и реализации способностей всех его членов. Но как раз в этом состоят интересы и самих людей. Таким образом, в изначальном варианте магистральные цели общества и его граждан совпадают, что вполне логично, поскольку общество и человек сформировались совместно, в едином процессе и взаимообусловили назначение друг друга. Различие в интересах личности и общества возникает тогда, когда то или иное сообщество оказывается вне условий своего первоначального функционирования, своего формирования, то есть выходит из-под контроля коллективного отбора. Следовательно, в естественных условиях смысл жизни человека определяется его полезностью для общества, которое, в свою очередь, достигается положительной реализацией его способностей.

Выходит, что смысл жизни и счастье – это две стороны одной медали, которая аверсом обращена к обществу, а реверсом – к самому человеку. Смысл жизни человека в том, чтобы быть счастливым, и это же в естественном обществе означает его максимальную пользу для всех других людей.

8. Путь к счастью. Творчество

*«Все задуманное можно осуществить человеческими усилиями. То, что зовем мы судьбою, есть лишь незримые свойства людей»
Древнеиндийское изречение*

Мы определили, что человек в качестве социального организма, то есть личности, представляет собою своего рода генератор социально-значимой энергии с максимумами потенциала в различных диапазонах человеческих интересов, называемыми способностями, которые он стремится реализовать в поисках счастья. Теперь следует рассмотреть возможности и пути реализации человеческих способностей.

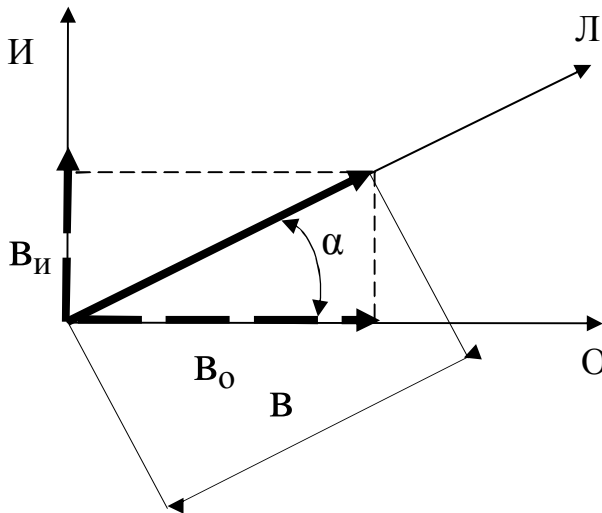
Личность, с точки зрения общества, это – вектор, величина которого выражает реализованные способности человека, а направление указывает его интерес (рисунок 8.1).

Однако в данной схеме мы имеем только результирующий итог деятельности человека в конкретных социальных условиях. Стоящая перед нами цель требует раскрытия системы, дающей этот результирующий вектор, и рассмотрения ее внутреннего строения, структуры личности.

Что человек может сказать о самом себе, как он себя воспринимает?

Для животного мир – единое, неделимое существо, не имеющее ни начала, ни конца, которое в каких-то своих проявлениях враждебно ему, а в других полезно. Само для себя животное – лишь сгусток боли, страха, желаний и удовольствия. Этими чувствами мир проникает в него, вызывает соответствующие потребности, кото-

рые порождают ответные реакции. Эта причинно-следственная цепочка играет роль тяжелой металлической цепи, которой две тысячи лет назад приковывали гребца к палубе античного судна. Такой прикованный раб вместе с триремой качался на волнах, вместе с ней посещал средиземноморские порты и с ней шел ко дну. Животное при всей своей физической активности по сути является лишь объектом для природных сил, неотъемлемой частью среды, своего рода биоклеткой, участвующей в обмене веществ более сложного организма. Оно не существует для себя как свое особое «я», отличное от окружающего мира.

Л – направление практического личного интереса
И – направление индивидуалистических интересов
О – направление общественных интересов

α – угол моральности личности
 $B_О$ – полезность личности обществу
 $B_И$ – уровень индивидуализма
Л – направление практического личного интереса
В – величина реализованных способностей личности

Рисунок 8.1

У людей тоже «я» появилось не сразу, вначале существовало «мы». Именно сообщество было субъектом деятельности, а каждый индивид выполнял определенную функцию, являлся лишь органом в организме племени. Подобным образом функционирует пчелиная

семья или муравейник. Эти насекомые прекрасно освоили способ групповой адаптации на основе строгого разделения обязанностей и достигли идеального, с точки зрения приспособления, состояния полного равновесия с окружающей средой. Это и стало тормозом их дальнейшего прогресса. Когда цель остается позади, движение вперед прекращается. Люди не остановились на достигнутом ввиду двух причин. Во-первых, потому, что дислокация племен не была столь локализована, как муравейники, и людей подстегивала конкуренция со стороны соседей. Там, где такой конкуренции не было, действие коллективного отбора ограничивалось, и прогресс прекращался, как, например, для островных народов, сохранивших первобытный уровень до наших дней. Во-вторых, человек имел развитую психику, большой мозг и вместо обмена запахами в качестве сигналов, как у насекомых, выработал сложные формы общения, создавшие и развившие его интеллект, который, в свою очередь, стал предпосылкой дальнейшего развития общества, а следовательно, и людей.

Первоначально победы и поражения могли быть только общими для всего племени или государства. Афиняне, ставя трофей (памятник из оружия и других предметов снаряжения побежденного противника), делали на нем надпись такого рода: «Здесь афиняне победили беотийцев». И лишь через несколько веков полководцы начали приписывать общие успехи себе и увековечивать собственные имена, в чем, кстати сказать, сами эллины усматривали симптом угасания своей цивилизации. Итак, существовало «мы» как активная самостоятельная единица природы. Однако дальнейшее развитие общества, формирование более сложных способов разделения труда требовало идентификации отдельных членов коллектива с целью наделения их ответственностью за участие в общем деле. Усложнение форм разделения труда создавало предпосылки для более организованного и глубокого общения, а общение, в свою очередь, требовало вычленения отдельных субъектов. Так, соотнося себя с другими в процессе деятельности, выявляя общее с ними и свои персональные особенности, человек пришел к понятию «я».

Таким образом, «мы» в результате самосовершенствования, от щедрот своих породило «я» и тем самым создало себе проблему на все последующие века. Обнаружив за собою право быть «я», человек первым делом осознал, что это — обязанность, обязанность перед остальными членами коллектива за свои конкретные действия, свою персональную роль в общем деле, и только после этого «я»

предоставляет право, право на долю в совместном успехе в соответствии с собственными заслугами. Первым фактором осознания своего «я» для индивида стала самооценка с точки зрения социально-значимых качеств: «Я лучше всех стреляю из лука, хитрее других ставлю ловушки на зверя, но плохо бегаю». Следующим шагом самосознания было сопоставление собственной оценки с мнением о себе окружающих. Выявленная разница в оценках становилась стимулом для самоутверждения. Если в сообществе соблюдается справедливость, то стремление к самоутверждению тождественно самосовершенствованию. «Я могу делать это лучше, и я докажу!» Социальные мотивы, конечно же, перемежаются с биологическими.

«Я хочу есть больше мяса, спать поближе к костру. Мне очень нравится конопатая дочка вождя». Однако эти желания в иерархии ценностей личности подчинены опять-таки социальным устремлениям. «В завтрашней битве я первым ворвусь во вражеский стан, и тогда вождь сам отдаст мне свою дочку! А если при этом я погибну героем, то мое окровавленное чело окропят слезы из прекрасных глаз принцессы, и я отправлюсь к праотцам счастливейшим из мужей».

При этом человек постоянно рассуждает. Проговаривает он слова или нет, но так или иначе он пользуется языком выработанных людьми символов. Все его мотивы, чувства, мысли, выходящие за пределы инстинктивных побуждений, обязательно облекаются в социальные формы. А эти формы созданы всем человечеством, жившим до него. В каждом слове, в каждом жесте, в любом приеме человеческого поведения спрессован опыт, боль, слезы, кровь и восторг победы миллионов людей. Так же, как биологически человек вобрал в себя все эволюционные достижения предшествующих видов живых существ, социально он наследует опыт всех людей предыдущих поколений.

Таким образом, человек связан с миллионами людей, живущих рядом с ним, вдали от него, живших задолго до него, и даже с теми, кто будет жить после него, ибо свои дела, планы и надежды он устремляет в будущее. Цицерон, например, не раз говорил, что его более всего интересует то, что скажут о нем люди через шестьсот лет. Следовательно, его поведение в какой-то степени корректировалось потомками. Расхожая фраза: «Я никому ничего не должен», является ничем иным как подлостью узколобого обывателя.

Всякий человек оставляет свой след на дорогах жизни общества. Есть следы почти незаметные, а есть весьма рельефные. На различных языках общения, выработанных человечеством, люди передают окружающим и потомкам свой образ: эмоционально-личностный – в ис-

кусстве, интеллектуальный – в науке, деятельностный – в произведенных материальных ценностях. Человеческая жизнь как бы проецируется на оси координат, которыми являются формы общения и коммуникации. Сумма таких проекций всех людей за всю историю человечества в совокупности воссоздает образ общества на данный момент подобно тому, как совокупность видов и разрезов на чертеже дает представление о конструкционном узле. Этот совокупный образ, составленный всеми тропинками, протоптанными людьми за многие века, есть культура.

Всякий человек, рождаясь, сразу попадает в паутину бесчисленных связей, соединяющих его со знаниями, эмоциями и фантазиями далеких и близких людей, закодированными различными средствами общения, в качестве которых выступают и языки и предметы. Таким образом он вмещает в себя всю культуру, всю предшествующую жизнь человечества, которая становится исходным материалом для построения его личности. Тут мы логично, как хочется надеяться, подошли к известному определению: «Сущность человека есть совокупность всех его общественных связей». Человек именно как человек, а не животное, и впрямь не содержит в себе ничего такого, что прямо или опосредованно не связывало бы его с другими людьми, с общественным опытом. Представим это схемой (рисунок 8.2).

Поскольку люди взаимодействуют посредством общения, кратко укажем суть и структуру этого процесса. Для этого воспользуемся результатами весьма полезного для нас исследования М. С. Кагана, представленными в книге «Мир общения» (Москва, Политиздат, 1988 г.).

Прежде всего, М. С. Каган выделил истинное общение из всей сферы человеческого взаимодействия как межсубъектное действие, и именно его назвал общением. Во многих же случаях одни люди относятся к другим как к объектам и либо начальственно приказывают им, либо просто доводят до них информацию. Это односторонний процесс, в котором информация убывает. Межсубъектное взаимодействие подразумевает активность всех партнеров. В этом двухстороннем процессе информация возрастает, то есть при столкновении различных идей вырабатываются новые взгляды и решения.

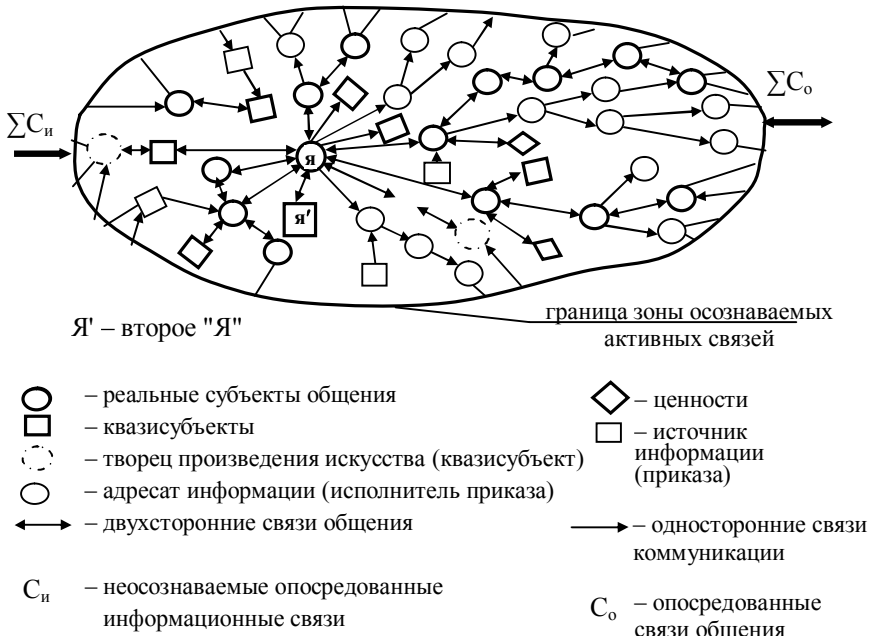

Рисунок 8.2

Общение включает в себя следующие разновидности:

– общение с реальным партнером (подлинным субъектом), которое бывает межличностным, групповым, представительским и общением различных культур;

– общение с иллюзорным партнером (с субъективированным объектом, то есть с объектом, наделенным ценностью со стороны субъекта). Общение подобного рода происходит с животными и с вещами;

– общение с воображаемым партнером (с квазисубъектом). Данный вид общения подразделяется на самообщение, то есть внутренний диалог со своим вторым «я», общение с образом отсутствующего реального человека и общение с художественным или мифологическим, в том числе религиозным образом. От себя добавим сюда еще предполагаемых потомков, на чье мнение субъект ориентируется в своей деятельности;

– общение воображаемых партнеров, то есть художественных персонажей, квазисубъектов.

Следует уточнить, что общественные связи являются не только носителями информации, но и эмоций. В односторонних, коммуникационных связях эмоции обычно выполняют второстепенную функцию, выступают в качестве фона. Этот фон выражает мировоззрение и целеустановку субъекта коммуникационного взаимодействия и порою подается адресату без законного основания, так сказать, по методу двадцать пятого кадра в телевидении. Например, осуждающий тон диктора, когда он, на словах корректно, представляет зрителям нежелательного властям кандидата в президенты. В двухсторонних связях общения эмоции являются равноправными, наряду с информацией, участниками диалога, а в бытовом и дружеском общении даже превалируют.

Эти виды взаимодействия служат для реализации общей, свойственной всем людям, самой человеческой способности – общительности. Способность к общению у одних людей выражена больше, у других меньше, но в той или иной степени она присуща всем. Талантом в этой области можно назвать обаяние, умение располагать к себе, вызывать симпатию, что является внешним выражением внутреннего интереса человека к другим людям, если только такой человек не начинает злоупотреблять своей способностью, используя ее в корыстных целях. Общительность является первичной, основополагающей способностью человека, и если тормозится ее реализация, это, как ничто другое, ведет к деформации личности, подавляет и все другие способности (состояние одиночества). Эмоции являются своего рода эритроцитами психики, а общение для души подобно кровообращению для тела.

Все перечисленные виды общения формируют структуру личности, однако наша схема включает и другие формы взаимодействия людей. Любая мысль человека выражена в каких-то социальных символах (чаще всего, в словах), которые связывают его с опытом предшественников, любое его побуждение или желание направлено на других людей, даже если он желает всего лишь вещь. Люди создали вторую природу – мир вещей, и любая из них так или иначе связывает их друг с другом. Потребление тоже очеловечено, потому как не столько удовлетворяет естественные потребности, сколько искусственные, придуманные людьми, а часто просто выполняют роль факторов престижности. Живя в большом городе, человек не может сделать вдох без того, чтобы не захватить с воздухом молекулы, уже побывавшие в легких других людей. Так же любое движение его души и ума захватывает мысли, чувства, страдания и радость бесчисленного множества своих собратьев. Сознание и душа человека разветвленной корневой системой уходят глубоко в почву человечества, и вся эта почва питает его эмоциями и

знаниями. Вырвать человека из социальной среды и рассматривать как обособленного индивида бессмысленно. О подобных экзистенциальных потугах оскопленного ума мы еще поговорим в дальнейшем. Однако можно выделить зону наиболее часто задействуемых связей личности. Это зона прямых, а также наименее опосредованных связей, которая находится в границах досягаемости сознания индивида. В пределах этой совокупности связей проходит сознательная интеллектуально-духовная жизнь человека, но и здесь можно обнаружить области повышенной интенсивности связей (рисунок 8.3).

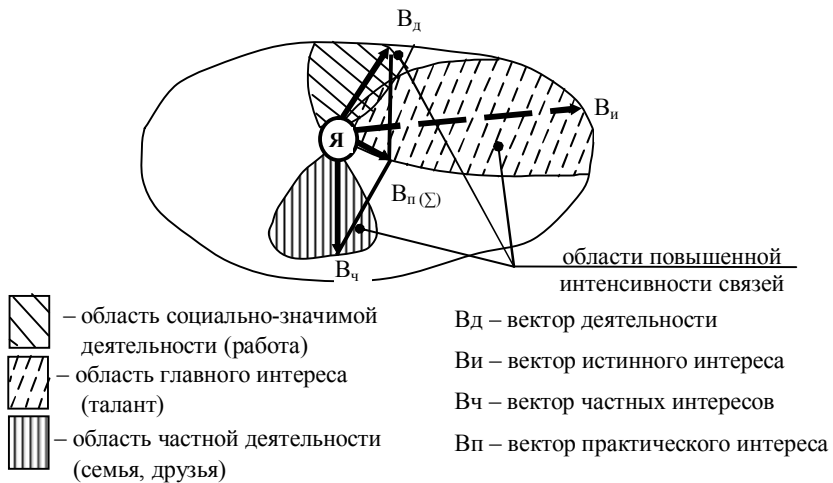

Рисунок 8.3

Высокая интенсивность общественных связей в структуре личности означает, что данная область является интеллектуально-духовной проекцией основных видов жизнедеятельности индивида или выражением его сокровенного интереса. Деятельность человека, с социальной точки зрения, разделяется на два типа: социально-значимая деятельность (работа, участие в общественных организациях) и частная (семья, друзья).

Вполне естественно, что основные сферы жизнедеятельности индивида отображаются в его мозгу областями повышенной интенсивности связей. Однако в случае с главным интересом ситуация обратная. Тут активность исходит от самой личности, а не извне. Мозг сублимирует и интегрирует высшие силы психики индивида в способности, энергия этих способностей порождает внутреннюю на-

пряженность в психике личности, побуждая ее к соответствующей деятельности. Эта напряженность и есть интерес, то есть социально оформленная разность потенциалов, заключенная в способностях.

Влекомый интересом человек вначале наращивает информационный потенциал в самом себе, видя в нем социальный инструмент для самореализации, он как бы переводит свои способности на язык общества. А затем, достаточно вооружившись, личность стремится к реализации потенциала своих способностей в практической жизни общества. В данном случае человек проецирует лучшую часть себя на общество и стремится пробудить в нем движение, соответствующее его планам.

Следовательно, вектор личности складывается из трех векторов: социальной деятельности, частной деятельности и интереса. Эти вектора могут существенно различаться как по величине, так и по направлению. От их соотношения зависит и судьба самой личности и ее значение для общества. Лучшим вариантом будет их совпадение по направлению. Такой случай означает реализацию главных способностей человека на благо общества. (В классовом обществе существует несколько разнонаправленных осей общественных, классовых интересов). Если вектор интереса направлен далеко в сторону от вектора социальной деятельности (оси общественных интересов), то способности человека не реализуются (разве только на уровне хобби), он будет несчастен и малозначим для общества, поскольку окажется плох в работе. Если вектор интереса индивида совпадает с направлением частной деятельности, но далек от стрелки, указывающей общественную цель, то такой тип весьма опасен для людей.

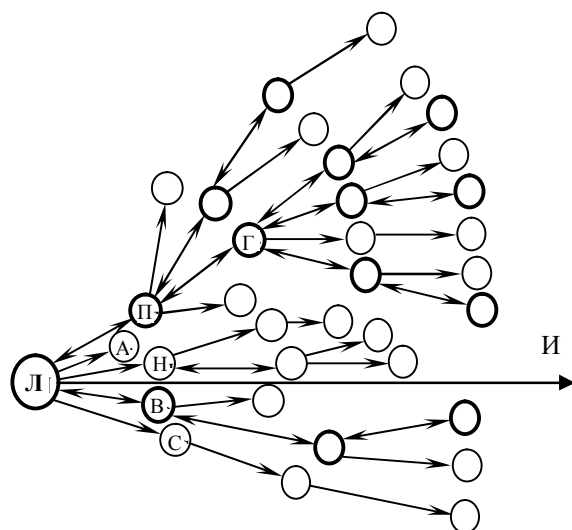
Следует подчеркнуть, что названные вектора изначально неравноправны. Вектора деятельности выражают степень материализации личностных сил во внешнем мире, тогда как вектор интереса, будучи самым значительным по величине, является всего только потенциальной силой личности, которая может раскрыться, а может пропасть даром. Поэтому практическим вектором личности, осознаваемым обществом, является сумма векторов его деятельности.

Итак, совокупность общественных связей человека выражает его знания интеллект, способности, интересы и отображает все виды деятельности. Следовательно, реализация его способностей также происходит через соответствующие общественные связи.

Накопив в себе достаточный интеллектуальный потенциал в области своего главного интереса, главной способности, человек мысленно примеряет его к общественной действительности, то есть стро-

ит планы, вырабатывает цель. Затем он приступает к реализации планов. Для этого он расширяет круг общения и коммуникации в области своего интереса. Любая человеческая деятельность в психологическом плане представляет собой прямое либо опосредованное общение или коммуникацию. Через взаимодействие с другими людьми человек генерирует в обществе новую совокупность связей, в которой циркулируют его идеи. Для достижения большой цели необходимо вызвать в обществе своего рода цепную реакцию, в которой идеи творческой личности будут порождать новую информацию и инициировать ее лавинообразное нарастание (рисунок 8.4). Это интенсивное наращивание взаимодействия людей будет означать всплеск социально-значимой деятельности, материальной или духовной – в данном случае не имеет значения. Степень успеха этой цепной реакции общения и деятельности будет соответствовать уровню реализации способностей человека и его самоощущения счастья или несчастья.

Из рисунка 8.4 видно, что талант полнее реализуется, если сумеет пробудить лучшие способности других людей и направить их реализацию в русло основной цели. В нашем случае ближайшие соратники творческой личности повели себя по-разному. Платон полностью воспринял идеи лидера и, будучи сам талантливым человеком, развил их и веером запустил в массы. Его хорошо понял способный ученик Георгий, успешно продолживший эстафету идей. Эти два человека в значительной мере обеспечили успех всего дела. Василий добросовестно, но без особого блеска отработал свой сектор вопросов. Семен отнесся к делу формально: «Мне приказали, я – сделал». Наталья вначале тоже предстает перед нами всего лишь как исполнительница, но, будучи темпераментной натурой, в дальнейшем увлеклась и стала полезно импровизировать. Удручающе скучен в настоящем деле оказался Андрияша: общественный импульс бесследно сгинул в его пищеварительном тракте. Таким образом, реализация способностей личности – есть общественный процесс, успех которого зависит от желаний, подготовленности и уровня способностей окружающих людей.

П – Платон
Г – Георгий
В – Василий
А – Андрей
Н – Наталья
С – Семен

Л – творческая личность
И – интерес (направление способности)

Рисунок 8.4

9. Мужчина и женщина

«Мужчина и женщина – это две ноты, без которых струны человеческой души не дают правильного и полного аккорда»

Д. Мадзини

До сих пор в наших рассуждениях фигурировал просто человек. А ведь такового не бывает, существуют мужчины и женщины, а еще – дети и пожилые люди. Однако последнее не должно нас смущать. Вспомним правило: «Женщины, старики и дети проходят вперед». Будем считать достаточным рассмотреть лишь полюса: мужчина – женщина.

Так каким же образом реализуется абстрактный человек в существующих реалиях мужчины и женщины?

Однажды на вопрос: «Почему женщины живут дольше мужчин?» кто-то ответил: «Потому, что им нужно успеть больше сказать друг другу». Мы же определили общение как главный человекообразующий фактор. Неужели из этого следует, что женщина в большей степени человек, чем мужчина? Полноте, мы ведь не льстецы.

Существует еще одно изысканно тонкое изречение: «Курица – не птица, женщина – ...» Пожалуй, это слишком строго даже для ребра Адама. Коли не совладала с задачей народная мудрость, дадим слово ученым. «Найдены останки древнего племени, – заявляют антропологи, – в котором все мужчины были уже кроманьольцами, а женщины все еще оставались неандерталками»!? Такого

пессимизма не найдешь ни в кладезе народных поговорок, ни в строфах раскаявшегося в былых прегрешениях поэта. Выходит, бывали времена, в которые мужчинам приходилось еще тоскливее, чем теперь, когда женщин воспитывают рекламой и сериалами и стремятся превратить в дешевый товар для западных и других сексуально-озабоченных и просто озабоченных чужим добром стран!

Будучи верными избранному стилю рассуждений, попробуем избежать экзотики крайностей. Более всего позиции данной книги соответствует взгляд Отто Вейнингера. Этот молодой талантливый философ пришел к выводу, что мужское и женское начала являются двумя полюсами человеческого по шкале активности. Женское представляет собою как бы аморфную, пассивную, текучую субстанцию человеческого, а мужское выступает в роли активного, формообразующего начала. Однако в природе нет в чистом виде мужского и женского. Каждый индивид содержит в себе и мужское и женское, но в своей конкретной неповторимой, как отпечатки пальцев, пропорции. Существуют очень женственные женщины, обычные женщины и мужеподобные. На мужчин распространяется то же самое правило, но, естественно, в зеркальной симметрии. Отсюда Вейнингер выводил закон половой симпатии как интуитивное стремление с помощью партнера дополнить себя до стопроцентного человека. То есть если в Вас 80% мужского и 20% , простите, женского, то самой прекрасной женщиной Вам покажется та, под обворожительными формами которой таится восьмидесятипроцентная женственность. Обаятельнейшее существо с 95% процентами женского Вы посчитаете размазней, а семидесятипроцентная женщина поразит Вас своей природной суровостью и резкостью. Однако за нее тоже можно не беспокоиться, она станет идеалом для кого-то другого.

«Женись, – советовал Сократ своему ученику, – если попадется хорошая жена, будешь исключением, если – плохая, станешь философом». «Впрочем, – добавлял он, – женишься ты или нет, все равно расквасишься». Разобравшись в своем учении со всеми женщинами сразу, Отто Вейнингер слишком рано стал философом, и юная душа не вынесла разочарования в красоте. Увы, он сделал мрачные выводы из своего открытия. Определив женственность как пассивное, безликое явление, он отказал женщинам в уме и таланте. По его, не лишенным основания наблюдениям, все женщины, проявившие себя как творческие натуры в науке или искусстве, были мужеподобны.

Жаль, что Отто Вейнингер не имел возможности порассуждать вместе с нами, иначе его черный пессимизм мог бы местами посветлеть. Принимая его теорию, мы лишь введем уточнение в соответст-

вии с достигнутыми нами ранее результатами. Мужское и женское, как и прочие человеческие свойства, мы представим спектром. То есть мы утверждаем, что какой-то конкретный человек не просто на 70% женщина, а на 30% мужчина, а что это лишь среднее соотношение, в то время как в пределах отдельных качеств пропорция будет иной. Такое уточнение «позволяет» женщине быть талантливой и даже (!) умной (по крайней мере, это возможно теоретически). Например, женщина может иметь математические способности, логично строить доказательства, но визжать при виде симпатичной мышки и ломать ключ в дверном замке, поскольку он у нее всегда «заедает». Одна и та же женщина, скажем, в танце предстает зрителям воплощением утонченной женственности, а за рулем автомобиля выглядит лихим парнем. Иной мужчина суровым взором и грозным басом умеет смирять гонор подчиненных на работе, а дома пред требовательным оком супруги сам, извините, становится бабой и, краснея, вынимает бережно укрытую «зачачку».

Последние достижения биологии позволяют понять природный механизм создания людей путем смешения мужского и женского.

Как выяснилось, наследственная способность живых существ к адаптации имеет двухуровневую структуру. Информация, суммирующая эволюционные достижения предшествующих особей и целых видов, кодируется в генах. Однако многие гены изначально пребывают как бы в спящем состоянии. Для того, чтобы они включились в работу и образовали в организме действенную систему для выполнения запрограммированных в этих генах функций, их нужно «разбудить», перевести в активное состояние. Такими активаторами генов служат гормоны. Гормоны как бы отслеживают функционирование реального организма в конкретных условиях. Решение тех или иных жизненных задач требует от организма определенного напряжения, которое вызывает соответствующий выброс гормонов. Выброс гормонов интенсифицирует работу генов, отвечающих за выполнение той задачи, которая оказалась актуальной именно для данной особи. То есть изначально генотип содержит больше информации, чем нужно для реализации конкретной жизни, поскольку он создавался на опыте всего пространственно-временного ареала жизнедеятельности вида. Жизнь отдельной особи имеет более узкие границы, чем ареал вида, поэтому часть наследственной программы ей не требуется, а другая часть и вовсе может нанести вред в случае реализации. Гормоны позволяют задействовать именно нужную в данных условиях область спектра генотипа. Таким образом, генотип представляет собою широкий, но относительно статичный потенци-

ал адаптации, а гормональная система является узконаправленным и динамичным адаптационным механизмом.

Гормональный способ создания внутривидовой специализации особей так понравился матушке природе, что она расширила область его применения для осуществления метаморфоза. Генотип насекомого несет в себе информацию сразу о двух весьма различных существах. На первой стадии жизни насекомого его гормональный набор, скромно оценивая возможности организма, «включает» только ту часть генотипа, которая отвечает за питание и рост биомассы. И вот мы имеем прожорливую личинку, которая абсолютно не обременена порывами к полету, не ведает ни любви, ни ненависти, она лишь ненасытно пожирает всю органику вокруг себя. Когда данная часть наследственной программы реализована, вездесущие гормоны «обнаруживают» гигантский прирост биомассы и, множась под напором ее жизненной энергии, «пробуждают» вторую часть генотипа. Тогда из кокона отворотительной гусеницы выходит на свет прелестная бабочка, существо, рожденное ползать, обретает крылья и отправляется в полет на поиски любви и счастья.

Похожий механизм природа применила и для того, чтобы разделить могучих андрогинов на озабоченных поиском своих половинок мужчин и женщин. Правда, из уважения к мужскому полу она все-таки внесла изменение в генотип. Специально для мужчин щедрая природа создала Y-хромосому, однако сделала это крайне небрежно. Y-хромосома имеет весьма непрезентабельный вид в сравнении со старшими братьями и сестрами и, что самое постыдное, смотрится убогим карликом рядом с женской X-хромосомой. Однако этим беды Y-хромосомы не исчерпываются. Худшим является то, что она с рождения пребывает в летаргическом сне, и разбудить ее может только шумный гормон тестостерон. Если же на второй-третьей неделе развития организма тестостерон не удосужится постучать в дверь спальни Y-хромосомы – прощай гордость природы – сильный, умный, активный мужчина, на свет появится сильная, умная женщина, которая, однако, никогда не сможет родить. Последнее будет ее единственным отличием от других женщин. Выходит, что «по умолчанию» организм развивается как женский. Лишь активность тестостерона приводит к торможению формирования женских черт и органов, как, например, в случае с грудью, и к развитию мужских органов и свойств. Тестостерон присутствует в теле и женщин и мужчин, но у мужчин его примерно в десять раз больше. Этот гормон интенсифицирует работу мозга, наращивание мышечной массы и в целом его действие соответ-

вует роли активного, творческого начала, провозглашенного Отто Вейнингером в качестве отличительной функции мужской составляющей человека. Женщина – это своего рода первооснова человека, а мужчина представляет собою усовершенствованного, модифицированного человека. Однако в этой формуле понятия «мужчина» и «женщина» взяты в крайнем смысле теоретической абстракции, реальные же люди включают в себя совокупность различных свойств, мужское причудливо вкраплено в женское и наоборот. Причем, модификация человека путем превращения его в мужчину означает лишь его усовершенствование в определенном направлении, для обеспечения выполнения своих особых функций, а не возвышение его вообще как нового уровня иерархии. Женщины имеют преимущества, позволяющие им успешно справляться со своей социально-биологической ролью.

Как, например, тестостерон воздействует на мозг? Проводились эксперименты на человеке, который вначале был женщиной, а потом в результате приема тестостерона превратился почти в мужчину. Оказалось, что для решения одной и той же задачи мужской мозг задействует гораздо больший потенциал, чем женский. В рассмотренном случае в женском мозгу активизировались три нейронных центра, а в мужском светились повышенной энергией целых семь. Выяснилось, что женщина улавливает одни стороны в рассматриваемой проблеме, а мужчина – другие. В целом женщина быстрее справляется с простыми задачами, а мужчина лучше разбирается в сложных. В качестве вывода следует сказать: «Каждому свое, каждый хорош на своем месте». К этому стоит лишь добавить уточнение относительно различного развития определенных свойств в спектре человеческих и в том числе, творческих качеств.

Однако это не снимает противоречия во взаимодействии полов, порожденного их психофизической разницей. Следует признать, что по психо-интеллектуальным качествам женщины в среднем, конечно же, проще, чем мужчины. Потому-то женщинам удобнее общаться с особями мужского пола слаборазвитых стран – те для них понятнее. Знаменитая загадочность женской души находит свою разгадку в излишней усложненности мужской натуры. В своем максималистском стремлении к идеалу мужчина наделяет женщину желаемой значимостью, чтобы воссоздать в воображении образ прекрасного существа, пребывающего в гармонии внешней красоты и внутреннего достоинства. А, столкнувшись в реальности с несоответствием этому образу, он воспринимает обнаруженное несоответствие как загадочность, непознаваемость женской нату-

ры. Женщину лучше понимает тот, кто не подходит к ней с высокой меркой. Вообще, почти всегда соблюдается правило: тот представитель мужской компании будет иметь наибольший успех у женщин, который в интеллектуальном и творческом плане наименее интересен мужчинам. «Увы, в Сенькиной голове было пусто, как в стреляной гильзе, поэтому общение с ним выносили только женщины и дети», – сказано в одной замечательной книге. «Мне всегда было непонятно, – удивлялась Агата Кристи, – почему худшие из мужчин вызывают интерес у лучших из женщин». Конечно же, бывают исключения, так как наряду с рассматриваемыми качествами играют роль и другие свойства, такие, как, например, внешность, формальный успех, перипетии судьбы. Бывает, что ради внушительной внешности или мнения подруги женщина готова простить мужчине даже интеллект, талант, а то и вовсе гениальность, особенно, если ей никто не скажет об этой его пресловутой гениальности. Справедливости ради надо сказать, что мужчина выбирает женщину тоже не по критерию интеллекта. «Она была достаточно умна, чтобы нравиться глупым мужчинам, и достаточно вульгарна, чтобы кружить голову умным», – значит в характеристике некой особы. «На вопрос, что Вы цените больше всего в женщине, мужчина ответит: «Ум» или: «Душу», и при этом посмотрит на ее ноги», – констатируется интеллигентным голосом Вячеслава Тихонова в фильме «Отпуск за свой счет».

Диалектика взаимодействия полов, конечно же, начинается с биологии. В природе все подчинено главной цели. Основная цель материи – существование, важнейшее условие существования живого вещества – соблюдение преемственности поколений. Биологическая задача живых существ состоит в том, чтобы произвести как можно более жизнеспособное потомство. Гигантский опыт природы по обеспечению качественного потомства превратился в инстинкт. При встрече представителей различных полов, они инстинктивно чувствуют, насколько удачным может быть их потомство. Это предвидение качества возможного потомства субъективно переживается особями как уровень симпатии. Установлено, что даже запах женщины говорит мужчине о том, насколько здоровым может получиться у них ребенок, в данном случае речь идет о диапазоне иммунитета потомства.

Однако человек – социальное явление. Его потенциал реализуется в обществе, в социальной среде растут и его дети. Поэтому половая привлекательность человека включает в себя не только биологическую симпатию, но и полуинстинктивные, сознательные

и внушенные представления о благополучии потомства от него в данном обществе. Так, было выяснено, что половая симпатия у людей существенно зависит от социального статуса претендента в половые партнеры. Например, одни и те же дамы, наблюдая одного и того же джентльмена выходящим из старенького, обшарпанного «Мерседеса» и в другом случае – из роскошного, новенького «Запорожца», противоположным образом характеризуют его сексуальность. При этом социальные факторы половой симпатии разделяются на фундаментальные, выработанные в процессе становления человечества, и преходящие, ориентированные на конкретную общественную формацию.

Как мы установили, в процессе социализации исходные биологические потребности у людей в значительной степени переросли в человеческие способности. В частности, половой инстинкт, пройдя через горнило человеческого общения, преобразовался в созидательную способность – любовь. Любовь гораздо глубже и шире половой симпатии со всеми ее социальными факторами, а главное ее отличие в том, что это – творческая, конструктивная сила, а не адаптационный механизм. Данное обстоятельство еще более усложняет диалектику взаимоотношений полов.

Существенную разницу потенциалов в эти взаимоотношения вносит также акцент на различные виды обратных связей во взаимодействии с окружающей средой у мужчин и женщин. У женщины преобладает отрицательная обратная связь, то есть при нарушении равновесия с внешним миром, она пытается подладиться под него, приспособиться, а мужчина, если только он действительно мужчина, стремится усугубить, развить противоречие, чтобы изменить, усовершенствовать мир. Примеров, подтверждающих сказанное, множество, поэтому разберем ситуацию, которая будто бы свидетельствует об обратном: жена заставляет мужа делать большой ремонт в квартире, а он сопротивляется. Однако здесь активность женщины на самом деле имеет сугубо адаптационный характер. Она хочет ремонта, чтобы у нее все было «как у людей», а для мужчины это не довод, и он бережет силы на серьезную преобразующую деятельность.

Итак, мужчина и женщина во многом различны как физически, так и психически, интеллектуально, они по-разному относятся к жизни, но при этом их неудержимо влечет друг к другу и поэтому при всех различиях они в первую очередь ориентированы друг на друга. Мужчины желают потрясать воображение женщин своей удачей и подвигами, а женщины хотят быть такими, какими их будут

любить мужчины. «Женщина подобна воде, принимающей форму сосуда, в который ее наливают», – пишет Ромен Роллан. Но и мужчина – отнюдь не обожженная глина, он хочет быть именно тем сосудом, в каком вода будет сохранять свои лучшие качества. Вкус женщины формирует мужчин в такой же степени, в какой запросы мужчин воздействуют на женщин. А вкусы и тех и других зависят от ценностных установок в обществе. Как и ранее, мы пришли к выводу, что ответ на вопрос о природе человеческого, в том числе, и в данном аспекте надлежит искать в недрах общественного.

В восходящих цивилизациях, ориентирующихся на героев и создателей, женщины дарят тепло улыбок и блеск глаз также лучшим людям. Во-первых, потому, что этому способствует общественное мнение, формирующее своего рода моду на таких людей, а во-вторых, из-за того, что лучшие люди в целом и лучше устроены в естественном обществе, поскольку именно они и преуспевают. Те читатели, которые застали 60-70-е годы двадцатого века, могут вспомнить, что среди критериев оценки мужчин глазами женщин наиболее популярными были такие: образованный, умный, начитанный, честный, мужественный, порядочный. Даже вместо слова «красивый» фигурировало более емкое понятие «интересный». В свою очередь мужчины восходящих цивилизаций желают видеть женщин достаточно умными и образованными, чтобы составить гармоничный альянс с умными мужчинами, честными, чтобы быть верными своим героям, поскольку любовь и верность женщины являются фундаментом мужской гордости и духовной силы. Ну и, конечно же, во все века мужчины любят красивых женщин. Правда, красота в различных цивилизациях понимается несколько по-разному. Ориентация в обществе на качественные оценки, не допускающие подмены заслуженного престижа украденным, способствует справедливости выбора и мужчин и женщин, что в целом ведет к повышению доблести и добродетели в обществе. В исторических источниках об эпохе расцвета Римской республики невозможно найти упоминание о случаях измены жен, по крайней мере, в среде аристократии. А позднее, в период Империи при господстве в римском обществе чудовищного разврата, Корнелий Тацит восхищался нравственностью супружеских отношений у германцев и усматривал истоки героизма и доблести германских мужчин именно в надежности их женщин. В 1941 году уже совсем другие германцы, захватив в плен значительную часть мирного населения СССР, поражались тому, что более 80% незамужних пленниц были девственницами. У представителей «цивилизованной» Западной

Европы сей факт вызывал не только удивление, но и насмешку над «дикостью» русских. Надо думать, что позднее, лучше узнав мужчин, которых любили эти женщины, германцы поняли: что к чему.

Следует отметить, что полноценная любовь возможна только при задействовании всего человеческого потенциала и мужчины и женщины, то есть когда обе стороны вступают в отношения как личности, причем личности равноправные. Любое личностное неравноправие приводит к зависимости, подчиненности одной из сторон, а это искажает самовыражение, препятствует творческому развитию отношений. Следовательно, одним из условий истинной любви является социальная независимость обеих сторон, в частности, материальная независимость женщины. Сколь радужным ни было бы начало романа, но, если женщина не способна содержать себя и целиком зависит от мужчины, наступит момент, когда это проявится. Как мы говорили, любовь есть созидательный процесс, а значит, ее развитие происходит в согласии с законом единства и борьбы противоположностей. Однажды при балансировании взаимоотношений в неустойчивом положении на пути к новому качеству, женщина не сможет проявить характер, отстоять свою позицию, и это будет концом ее свободы. Зависимая женщина не имеет возможности уйти от мужчины, поэтому в ее любовь вмешивается необходимость. Такая любовь не свободна, она подневольна, а значит, это не творчество, а рабство.

Отношения социального равенства полов определяются не только характерами конкретных мужчин и женщин, но, в первую очередь, общественными условиями. Если общество способствует женщине в получении образования, профессии и хорошо оплачиваемой работы, то тем самым создает фундамент для полноценной любви, а значит, для семейного счастья не только женщин, но и мужчин. Но, когда общество воспитывает женщину как домохозяйку, она, даже в случае сильного, независимого характера, будет вынуждена искать в отношениях с мужчиной не любви и счастья, а материального обеспечения себе и своим детям. Ясно, что, создав семью по расчету, женщина станет дарить чувства кому-нибудь на стороне. В итоге униженными окажутся все: и мужчина, и женщина, и чувства, а также дети, которые чутко улавливают фальшь в отношениях родителей.

Когда в обществе начинают превалировать количественные оценки граждан, индивидуалисты, пользуясь анонимностью количественных факторов престижа, присваивают себе общественный потенциал и за счет этого выходят на первые роли. Формально в таком обществе еще долго пропагандируются былые ценности, но люди

видят, что не истинные доблести приносят успех, а наоборот, их отрицание. Тогда на место нравственности в душу народа приходят лицемерие и цинизм, которые вторгаются и в отношения полов.

«Я уважаю в жизни три вещи: дом, жену, и автомобиль», – с апломбом заявляет бизнесмен деловому партнеру во время краткой паузы в коммерции. «Позволь, а разве жена – вещь?» – удивляется другой бизнесмен, явно более низкого ранга. «Пожалуй, ты прав, – непривычно сморщив лоб и почесывая затылок, соглашается старший, – жена – не вещь... Вот автомобиль – это ве-е-ещь!» Итак, женщина ставится в один ряд с автомобилем в качестве фактора престижа и приравнивается вину с севрюгой в плане средства потребления. «Вино, женщины и карты...» – традиционное словосочетание. В обществе, где все продается и все покупается, женщина не может не быть товаром. К ней относятся как к товару, и ее учат продавать свою женственность. В таких условиях женственность не нужна, женщину воспитывают как носителя потребительной стоимости и только. И женщины, адаптируясь к запросам мужчин, становятся живым товаром, мечтая в жизни лишь об одном: как бы повыгоднее продать свою скоропортящуюся красоту, неважно, один раз, десять раз или каждые сутки заново, тысяча сделок по сто долларов или одна на сто тысяч.

Существует множество способов организовать массовое предложение на рынке женственности. Кто-то сказал, что если в течение недели несколько раз в день показывать по телевизору лошадиный круп, то у него обязательно появятся горячие поклонницы, кто-нибудь обязательно захочет взять у него автограф. Показали в конце 80-х годов прошлого века несколько рекламных фильмов о проституции, и вот уже милые школьницы пишут в сочинениях на тему об интересной профессии о том, как они будут обслуживать по пять-шесть стодолларовых джентльменов в ночь. Достаточно было в СМИ скрестить миф о загробной жизни в раю, то есть на сытом Западе, с мифом о красоте русских женщин, чтобы организовать массовый, многомиллионный экспорт наших женщин, которые в несколько лет заполнили своими телами все мировые клоаки для стока моральных нечистот. «Тебе нравятся русские женщины?» – оптимистично спрашивает корреспондентка у жирного лысого матроса из слаборазвитой страны. «О да, очень, – роняя слюну, признается матрос, – очень хорошие и дешевые».

А ведь русские женщины 20-30 лет назад действительно были самыми красивыми, чего не скажешь о сегодняшних. Они были красивы потому, что их воспитали личностями, а женщина-

личность всегда интереснее женщины-самки, даже внешне: у нее особые глаза, она по-особому говорит, улыбается, ходит, каждым своим дыханием она обещает любовь, а не животную случку.

С вторжением законов рынка в отношения полов женственность терпит девальвацию, а, следовательно, мужественность – тоже. Отношения выхолащиваются, упрощаются и по-настоящему не удовлетворяют ни мужчин, ни женщин, поэтому становятся непродолжительными. Недостающее качество люди пытаются восполнить количеством, в результате порок растет, как лавина.

Итак, мы можем сделать вывод, что при всех своих особенностях мужчины и женщины в любых общественных условиях связаны одной цепью, они вместе восходят к вершинам и вместе скатываются вниз. Да, женщины как существа в массе своей более простые, управляемые в основном отрицательными обратными связями, быстрее приноравливаются к изменяющимся условиям, легче окунаются в порок. Но это происходит тогда, когда мужчины сами толкают их в пропасть. Далее, опускаясь все ниже, женщины тянут за собою мужчин. Так, подталкивая друг друга, они вместе катятся к концу цивилизации. Когда же на смену гнилой цивилизации приходит новая, когда люди снова начинают созидать, мужчины и женщины опять-таки вместе карабкаются вверх, поддерживая и вдохновляя друг друга. Следовательно, человека можно представить в виде диполя, на одном полюсе которого находится мужчина, на другом – женщина, но это единое социально-биологическое образование, и все наши выводы о человеке вообще можно распространить как на мужчин, так и на женщин.

10. Формирование и реализация способностей в созидательных цивилизациях

*«В этом мире богатым нас делает не то,
что мы получаем, а то, что мы отдаем»*

Г. У. Бичер

Как мы выяснили, реализация способностей личности есть общественный процесс. Поэтому уместно рассмотреть, как именно общество формирует способности своих граждан и как оно воздействует на их реализацию.

Любой человек сознательно и бессознательно стремится к продвижению в иерархии общества. Обычно это стремление охватывает одну-две ближайшие ступени. Весьма редко честолюбивый взор человека устремляется сразу к самой вершине. Среди таких «дальнозорких» индивидов больше авантюристов, нежели гениев. Настоящий гений вообще не видит перед собою никакой лестницы. Его задача – реализовать свой талант. Если это свершится, слава и почет сами найдут его, в противоположном случае никакой трон не спасет от терзаний неудовлетворенной страсти творчества. Однако это крайний случай, когда один мотив подчиняется другому, более властному и требовательному. Большинство людей следует велению самого определенного зова, конкретным образом выражающего меру жизненного успеха.

Данное влечение проявляется весьма различным образом, однако вообще стремление к социальному успеху (престижу) является сияющей в лучах славы снежной вершиной айсберга, который чер-

ной ледяной глыбой уходит глубоко в недра психики, души и подсознания. В основе этого стремления лежит инстинкт.

В условиях индивидуального отбора выживают животные наиболее сильные, быстрые и агрессивные. Все сородичи особи в пределах того же пола являются конкурентами, которых необходимо победить, подавить, запугать, изгнать со своей территории, чтобы завоевать жизненное пространство, обеспечивающее пищевые ресурсы для самого животного, самки и потомства.

Групповой отбор предъявляет несколько иные требования к отдельным особям. Интересы стаи или стада также требуют, чтобы тон в них задавали наиболее активные и здоровые животные, которые тоже стремятся взять верх над окружающими, но не для того, чтобы изолировать их, а чтобы повести за собою. То есть вместо агрессивных индивидуалистов групповой отбор порождает лидеров. Характер первых имеет исключительно деструктивную, разрушительную направленность. Торжество индивидуалиста заключается в расправе над конкурентом, на этом для него все заканчивается. Лидерство подразумевает созидание; агрессивность по отношению к сородичам составляет лишь первую фазу, носит подчиненный характер. Так сказать, индивидуальность группового лидера ярче, богаче по своему содержанию, чем суть индивидуалиста. Групповой отбор вырашивает особь более высокого уровня. Причем, этот процесс двухсторонний. Лидерских наклонностей от особи требуют и интересы группы и инстинкты самого животного.

Закон самосохранения заставляет особь заботиться о своем жизненном пространстве как в условиях индивидуального, так и группового отбора. Во втором случае инстинкт самосохранения перерастает в инициативу самоутверждения. К этому же животное влечет и инстинкт продолжения рода. Причем, несмотря на компактное существование группы, в ней может обеспечиваться большее жизненное пространство, чем доступно индивидуалистам.

Следовательно, борьба за жизненное пространство в группе не менее, а подчас и более актуальна, чем в примитивных условиях индивидуального отбора, только ее характер изменяется и усложняется. Так групповой отбор совершенствует индивидуальную природу животного, порождая в нем способности к лидерству. Эта способность присуща всем групповым животным, в чем легко убедиться на следующем примере: если из группы изъять лидера, то очень скоро его место займет другая особь, бывшая до того образцом скромности и непритязательности, если изолировать и ее, то объявится третий лидер и так далее.

В человеческом сообществе тенденции поведения и качества особи, порожденные групповым отбором, попали в густую сеть разнообразных связей, обеспечивающих сложное взаимодействие индивидов, и существенно преобразились, распались в многоцветный спектр, как дневной свет на призме.

Единым осталось одно – стремление к повышению своего социального статуса, престижа. Корень этого стремления залегает в глубинных пластах психики, где генетически запрограммированными цепочками записаны инстинкты группового животного, а ствол и крона данного дерева желаний произрастают в цивилизованном парке человеческого сознания и поэтому приносят плоды, питающие общество полезными идеями.

Благодаря многогранности человеческой деятельности к социальному успеху вели различные пути. Одного человека ценили за ловкость и отвагу в битве или на охоте, другого – за смекалку, третьего – за мудрость, опыт, знания, четвертый умел убедить сограждан в своей правоте, повести их за собою и за это был в почете. В коллективном отборе одерживали верх наиболее сплоченные и целеустремленные сообщества. Эти качества обеспечивались справедливостью общественного воздаяния за доблести и пороки.

Поскольку именно преуспевающие сообщества формировали человека, люди изначально, по своей социальной природе, стремились к достижению престижа путем реализации способностей на благо общества. Только таким путем они могли добиться и собственного благополучия. Следовательно, установки общества стимулировали людей к реализации своих способностей, что совпадало с их внутренними побуждениями. Это был идеальный вариант: люди – для общества, общество – для людей. Кстати, именно в целях достижения такого альянса люди и перешли к общественному образу жизни.

Следует подчеркнуть, что данный итог не является выражением идиллии постепенного, плавного развития общества и людей. Становление человечества есть процесс, исполненный драматизма и противоречий, представлявший собою непрерывную борьбу за выживание, когда торжество одних племен означало жестокое подавление и даже гибель других. Преуспевавшее до какого-то момента племя могло вдруг оказаться в критической ситуации и ради выживания должно было жертвовать детьми и стариками или кормиться трупами умерших сородичей, а то и вовсе гибло в междоусобице. Однако любое отклонение от магистральной линии эволюции, заданной коллективным отбором, приводило к вымиранию такого

сообщества, а следовательно, и к уничтожению порочных человеческих качеств, выработанных в этих условиях.

Яркий и обильный материал для изучения человека дает античная цивилизация, в первую очередь Римская и греческие республики. Восточные монархии предоставляли гораздо меньший простор для проявления человеческих возможностей, соответствующим будет и их место на этих страницах.

И впрямь, если триста спартанцев остановили двухсоттысячное персидское войско, то и говорить о них более уместно и полезно. Если атака римлян во главе с Помпеем гигантских полчищ царя Тиграна вызвала у того презрительную насмешку («для посольства их много, а для войска слишком мало»), однако увенчалась полным успехом, то интересно разобраться, что именно придало римлянам такие необъятные силы.

В условиях низкой производительности труда именно рабство одной части человечества позволило другой избавиться от утилитарной зависимости по воспроизводству условий жизни и создать цивилизацию. Свободные люди могли заниматься наукой и искусством, а самое главное, благодаря относительной экономической независимости друг от друга они получили возможность свободного общения. Общение является непосредственным человекообразующим фактором. Все виды взаимодействия людей друг с другом и с остальной природой в конечном счете для индивидов реализуются через общение и коммуникацию. В эпоху расцвета античных государств их граждане не были жестко подчинены друг другу экономически и благодаря республиканскому устройству – политически. Население дифференцировалось лишь по сословному и имущественному признакам, не всегда имевшим прямое иерархическое содержание. Этим относительным правовым равенством обеспечивалась полноценность общения. Оно было в значительной мере именно свободным межличностным взаимодействием. Полноценное общение в свою очередь служило фактором воспитания полноценного человека.

Античные государства возникали путем объединения нескольких племен и закрепления за этим объединением земельной собственности. Общинные земли являлись экономическим базисом, на котором образовывалась политическая надстройка государства. Для приморских городов-государств, полисов, помимо земледелия большую роль играла торговля, следовательно, ремесла.

Все античные государства имели две основные политические силы: аристократию и народ. Нередко властные структуры включа-

ли в себя еще и царя, тем самым соблюдая преемственность с племенной организацией. В зависимости от условий становления государства, от того добровольно или насильственно было проведено объединение составлявших его племен колебались значение и суть власти царя. В одних случаях он опирался на народ и противостоял вседозволенности знати, в других – был зависим и подотчетен аристократии. Политическое устройство тех или иных античных государств в основном определялось конкретным соотношением долей в управлении перечисленных сил. Соответственно государства подразделялись на царства, аристократические и демократические республики. Эти политические формы не были устойчивыми и в процессе межсословной борьбы, как заметили сами античные ученые, сменяли друг друга, проходя через стадии деградации. Так, аристократия вырождалась в олигархию, олигархию свергал народ, устанавливая демократию, демократия, разлагаясь, превращалась в хаос охлократии, а последняя требовала установления жесткой единоличной власти, однако цари со временем превращались в тиранов (в нашем понимании этого слова), и их уничтожала аристократия.

Особые условия сложились в Риме. Город был образован выходцами из латинского полиса Альба-Лонги группировкой, по-видимому, потерпевшей поражение в политической борьбе. Конфликтный характер исходной ситуации подтверждают дальнейшие события. Переселенцам не хватало всего и в первую очередь людей. Чтобы выжить в густонаселенном Лации, необходимо было иметь численность населения, достаточную для отражения множества врагов. Такие условия выработали у римлян две черты, так сказать, национального характера: во-первых, они были очень воинственны, а во-вторых, постоянно стремились к наращиванию потенциала своей общины. Вторая особенность с течением времени трансформировала страсть к захвату чужого в хозяйское отношение к достоянию соседних народов. Римляне, как никто, ценили доблесть своих врагов. Именно они прославили военный талант Ганнибала и Пирра, они восхищались чужеземной женщиной, которая, будучи изнасилованной легионером, затем заманила его в ловушку и бросила голову насильника под ноги мужу, сопроводив этим действием рассказ о преступлении и наказании. Именно римляне по достоинству оценили эллинскую культуру, растиражировали и развили ее, благодаря чему она сохранилась до наших дней. Например, жестокий диктатор Луций Сулла разыскал в Афинах и дал вторую жизнь трудам Аристотеля и Феофраста, которых сами греки того времени уже не понимали и не ценили.

Побеждая соседей, римляне стремились включить их в состав своей общины. Благодаря этому их государство росло и усиливалось. В конце концов, они добрались до своей прародины. Альба-Лонга была разрушена, а ее жители переселились в Рим. Затем римляне попали в зависимость от этрусков, избежав прямого завоевания за счет некоего компромисса.

В итоге Рим превратился как бы в творческую мастерскую мифического Демиурга, где на малом пространстве было смоделировано все человечество, где оказались спрессованы в единый ком противоречий интересы различных народов и социальных групп. На римском форуме кипели адские страсти и сияющей аурой разливалось райское ликование, там сгорали амбиции, лопались надежды, взрывались репутации, рождались судьбоносные идеи и выковывались великие характеры. Социальная разнородность и динамизм населения зарядили это государство гигантской внутренней энергией, Рим был подобен содрогающемуся от глубинных толчков вулкану, который грозил извержением всей цивилизации, и в конце концов это извержение произошло.

Вначале городом правили цари, однако они не были монархами в современном смысле и скорее походили на племенных вождей. Но латиняне, отчасти благодаря греческому влиянию, тяготели к республиканскому образу жизни. Поэтому, когда на трон воссела этрусская династия, с меньшим почтением относившаяся к коренному населению, терпение латинян лопнуло, и царь был свергнут. Установилась аристократическая республика с сенатом во главе, которая, однако, предоставляла право принятия важнейших политических решений народу. Народ мог влиять на государственную жизнь также путем голосования на выборах магистратов: консулов, преторов, эдилов, цензоров. Магистраты избирались на год, за исключением цензоров, и по исполнении должности в правовом положении становились рядовыми гражданами, которых любой член общины мог привлечь к суду за злоупотребления и ошибки во время исполнения магистратуры. Орган аристократии – сенат, в свою очередь, следил за деятельностью магистратов, каковые после сложения с себя официальной власти, автоматически вливались в ряды сенаторов. То есть были предусмотрены эффективные обратные связи, надежно контролирующие исполнительную власть. Причем, сложная иерархия должностей нацеливала инициативных людей на стремление ко все более высоким государственным постам, поэтому в каждой должности они старались проявить себя с лучшей стороны, чтобы заслужить славу и любовь

народа, которые позволили бы им достичь следующей ступеньки власти.

Граждане Рима разделялись по имущественному цензу, но богатство определялось почти исключительно земельными владениями. То есть сословный фактор был весьма статичным, и перешагнуть данный барьер можно было только целенаправленными усилиями нескольких поколений. Раскол в массу римского населения вносило также разделение на патрициев – представителей родов, составивших первоначальное ядро государства, и пришлых людей – плебеев. Плебеям был закрыт доступ к высоким магистратурам и к большинству жреческих постов. Однако постепенно плебеи добились фактического равенства своих политических прав с патрициями. Противостояние этих двух сил оказалось важным фактором становления римского государства, поскольку чрезвычайно активизировало население и способствовало образованию дополнительных обратных связей в структуре управления, причем, положительных обратных связей, то есть таких, которые выводят систему из равновесия, вынуждая ее совершенствоваться. Однако политическая борьба плебеев носила групповой, сословный характер, а с позиций отдельной личности этот барьер был непреодолим.

В целом расслоение римского населения было довольно жестко регламентировано, поэтому граждане состязались друг с другом в основном в пределах своего сословия и не за деньги, имевшие малую силу, а ради славы и уважения. Простой солдат не мог стать полководцем, но он имел возможность дослужиться до центуриона. Центурионы же в свою очередь подразделялись на два десятка степеней. Кроме того, герои получали награды, служившие существенным фактором престижа.

Представители так называемого всаднического сословия должны были начинать службу конными воинами в легионе, затем могли стать военными трибунами и квесторами. При определенных талантах и заслугах им открывался путь к сенаторским должностям эдилов и преторов. Исключительные таланты могли добиться и консульства. Высшее, сенаторское сословие формально проходило ту же цепь должностей и постов, однако общественное мнение и благоволение сената облегчало им путь вверх. Формально дети сенаторов считались всадниками, но отношение к ним в обществе было совсем иным, чем к выходцам из всаднических семей.

При всех издержках, Римская республика давала своим гражданам немалый простор для реализации их лучших способностей и честолюбивых стремлений, а неизбежность имущественного барьера и слабое раз-

витие бизнеса способствовали тому, что в социальной динамике римского государства на первоначальной стадии господствовали качественные критерии оценки людей. Превыше всего была слава, любовь, восхищение народа. Государственные должности отчасти воспринимались как степень общественного признания и в этом качестве были самооценны, но в первую очередь они являлись средством для завоевания людских сердец и умов. Магистратуры были неоплачиваемыми, наоборот, они требовали больших затрат, и аристократы с готовностью шли на любые траты, чтобы добиться еще большего расположения народа. Они строили общественные водопроводы, бани, которые одновременно являлись культурно-развлекательными комплексами, базилики, устраивали игры и всевозможные представления. Военная добыча в то время была скудна, частные дома оставались бедны, и там римляне лишь спали, а активная их жизнь проходила на форуме, в общественных зданиях или на Марсовом поле в военных упражнениях. Поэтому полководцы также сражались за славу, а не ради добычи. Слава же требовала побед, причем, побед рациональных, полезных народу. Никто не станет повторно голосовать за полководца, запятнавшего себя корыстью, положившего на поле боя неоправданно много сограждан или развязавшего бессмысленную войну, не приносящую пользы государству. Все были на виду, граждане пристально следили за своими избранниками. Торгашеские интересы отсутствовали, и главной целью для всех римлян было народное дело, именно так переводится с латинского языка слово республика. Ожесточенные войны с соседями, постоянное балансирование государства на грани между двумя крайностями: славой и гибелью требовало от граждан обостренного восприятия общественных интересов как самых насущных собственных интересов, и любые поползновения корысти немедленно выбраковывались. Самыми торжественными и яркими ритуалами для римлян были возвращение на родину победоносного войска – триумф и погребальный обряд, воздающий благодарность человеку за добрую службу государству.

Те же самые общественные критерии, кстати сказать, выражает и наказ спартанских женщин своим сыновьям и мужьям. Провожая их в поход, они вручали щит и говорили: «С ним или на нем», то есть «Слава или смерть».

Славу и уважение сограждан нельзя было украсть, позаимствовать у кого-то, присвоить хитростью или добыть обманом. Конечно, бывали случаи, когда кто-нибудь пытался приписать себе чужие заслуги или купить расположение народа подачками. Даже в самых благоприятных общественных условиях за справедливость нужно бороться, и римляне умели это делать, потому хитрец или выскочка быстро подвергался ра-

зоблачению. Нарушения справедливости, ошибки граждан в оценке своих героев жестоко карались коллективным отбором.

В результате междоусобной борьбы был изгнан Кориолан, и Рим тут же оказался в катастрофической ситуации, так как оскорбленный полководец возглавил другую латинскую общину и разгромил римскую армию. Однако любовь к Родине возобладала, и в последний момент Кориолан пощадил Рим, за что был казнен своими новыми согражданами. Изгнали римляне Камилла, и их город был захвачен галлами. Пришлось им в срочном порядке стать моральными, справедливыми и идти на поклон к отвергнутому Камиллу, который и спас их от галлов. Римский народ тонко разбирался в политике, у него просто не было другого выхода. Во время нашествия Ганнибала с полчищами профессиональных убийц – наемников плебейская масса, разочаровавшись в аристократических лидерах, вручила власть нескольким авантюристам, которые проводили исключительно поверхностную, популистскую политику. Немедленно последовали два катастрофических поражения: при Тразименском озере и возле поселка Канны. Тогда римлянам пришлось излечиться от тяготения к бравым героям ораторской трибуны, козыряющим звонкими лозунгами и громкими обещаниями, и верить свою судьбу суровому, неброскому на вид Фабию Максиму. Но когда пришла пора совершить поворот в войне и перейти к активным действиям, народ опять-таки сумел правильно разобраться в ситуации и отдал предпочтение молодому Сципиону перед заслуженным, мудрым Фабием. Итогом стала победа в самой значительной войне античности, определившая пути развития и тип культуры античной цивилизации, а следовательно, и ее наследницы – современной Европы.

Итак, качественные оценки были персональными, именными, они не могли быть куплены, украдены или переданы по наследству (относительно последнего существовала иллюзия, которая активно поддерживалась аристократией). Персональность оценок, во-первых, гарантировала их справедливость, то есть общественная характеристика точно соответствовала заслугам именно этого конкретного лица, а во-вторых, ориентировала людей на самореализацию и на развитие своих качеств, своих способностей. Причем, это относилось к обеим сторонам, как к оцениваемому, так и к тем, кто оценивал. Именно поэтому Демосфен и Цицерон добились таких высот в красноречии, а афинский и римский народы достигли столь высокого уровня культуры. Весьма сомнительно, чтобы несколько тысяч наших современников, пританцовывающих на поп-концерте или футбольном матче, смогли бы разобраться в многочасовой речи Цице-

рона, переполненной замысловатыми остротами и двусмысленностями, апеллирующей к многочисленным художественным и историческим персонажам. А ведь речи этих людей, как политические, так и судебные, произносились перед народной массой, значит, ее уровень соответствовал интеллекту, эрудиции и эстетике этих речей, пусть даже при записывании они были в какой-то степени подкорректированы и подкрашены авторами. Причем, скажем, Цицерон отнюдь не был каким-то интеллектуальным исключением в своей среде. Достаточно почитать письма его адресатов, чтобы убедиться в их ничуть не меньшей образованности или остроте ума.

О презрении тогдашних римлян к богатству говорят многие исторические эпизоды. Например, когда консулу, нанесшему поражение самнитам, побежденные предложили золото ради смягчения условий капитуляции, он ответил, что предпочитает не иметь золота, а повелевать теми, кто его имеет. Патриция Квинкция Цинцинната в критической для государства ситуации назначили диктатором. Весть застала его за плугом на своем участке. Выиграв значительную по тому времени войну, он сложил с себя власть и, не требуя никаких наград, как простой крестьянин, стал допахивать свою землю.

Уважение сограждан, сознание своей истинной значимости, незаменимости, величия содеянного и слава в потомках – вот что было наградой римским героям. Ими гордились сыновья и родители, их любили жены, им улыбались прохожие, их ставили в пример, им подражали, о них слагали легенды и поэмы.

Таким образом, во времена становления и расцвета республики внешние по отношению к качествам личности оценки в римском обществе (ранг по имущественному цензу, принадлежность к свободным или рабам) разделяли людей на классы и социальные слои, ставили труднопреодолимые барьеры, а внутри классов и слоев населения господствовали качественные оценки. Внешние (количественные) оценки были статичными, качественные – динамичными. Поэтому воспитание личности для свободных людей определялось именно качественными оценками. А качественные оценки естественным образом требовали развития созидательных способностей людей.

Какие же способности формировал римский образ жизни?

Для знати главными талантами были:

- организаторский;
- управленческий;
- полководческий;
- дипломатический;
- риторический (красноречие, умение убедить людей, зажечь их

души своей идеей), который подразумевал логику и четкость мышления – с одной стороны и образность – с другой, а также экспрессию и остроумие.

Необходимым качеством являлась общительность, умение устанавливать прочные дружеские отношения с представителями своего сословия и заводить покровительственно-дружеские связи с простыми людьми. Римский аристократ обязательно должен был иметь прочную семью с добропорядочной женой во главе хозяйства.

Женщины в Риме имели образование и, в отличие от Греции, были уважаемыми членами общины, но к государственной деятельности не были допущены. Однако они в полной мере разделяли страсть мужчин к политике и принимали в ней опосредованное участие, воздействуя на мужей и сыновей, а также – на подруг, которые передавали полученный импульс своим мужчинам. Самым же главным участием женщин в государственной деятельности были их любовь и верность. Как уже говорилось, в истории практически нет упоминаний об изменах римских женщин во времена расцвета республики, зато навряд ли удастся найти пример супружеской верности в эпоху распада республики. Имея такой крепкий тыл как верные любящие жены, римские мужчины были непобедимы на полях сражений. И впрямь, кто будет совершать подвиги ради самки, которую можно получить в любом городе в любой стране? А вот любовь женщины-личности – это не разменная монета, это – клад, который стоит защищать.

Для простых римских граждан важны были доблесть, честность и опять-таки общительность, дружба.

И все эти способности и качества реализовывались в совокупности непосредственных естественных, ничем посторонним не искаженных связей.

Каковы же в реальности были римляне той эпохи, насколько серьезно они тогда считались с нашей сегодняшней теорией? Не подведут ли они нас при ближайшем рассмотрении?

Личностные портреты людей того времени дошли до нас в основном в сказаниях об их удивительных, странноватых с обыденной точки зрения поступках.

Римский юноша попал в плен и был приговорен к публичной пытке на глазах у вражеского войска. Когда принесли жаровню, он сам положил правую руку на угли и сжег ее заживо, не издав ни звука. Этим он устрасил неприятеля, и те запросили у римлян мира.

Лучший воин римского войска принял вызов от врага и на глазах у обоих войск выиграл дуэль у противника. Однако этим он нарушил приказ консула, запретившего вступать в схватку до особого распоря-

жения. Консул показал, что римляне судят и победителя, если он действует незаконно. Он казнил героя, он казнил собственного сына, являвшегося благодаря своим подвигам гордостью всего народа римского. Тем самым полководец предостерег соотечественников от повторения авантюрных действий, которые на один удачный исход могут дать девять несчастий.

Во время первой Пунической войны римляне высадили десант в Африке. Возглавлявший кампанию консул Атилий Регул вначале одержал несколько побед, но потом потерпел неудачу и попал в плен. Когда положение карфагенян снова ухудшилось, они отправили пленного в Рим ходатайствовать за мир на выгодных для них условиях. За отсутствием реальных средств контроля, карфагеняне отпустили Регула под честное слово вернуться. Тот прибыл на родину, выступил в сенате с горячей речью, в которой убедил соотечественников отвергнуть невыгодный мирный договор, и, будучи верен слову, возвратился в Карфаген, хотя и знал о грозящей ему за такие действия смерти. Пунийцы – так римляне называли карфагенян от слова финикийцы – посадили Регула в ящик с шипами внутри и пустили его по склону горы.

Однажды перед битвой с сильным врагом римляне испытывали неуверенность. Тогда консул прибег к помощи оракула, чтобы вдохновить воинов. Предсказание оказалось жестоким. «Победит то войско, чей полководец погибнет одним из первых», – гласил оракул. Тогда консул Деций прямо вместе с конем бросился в пропасть. Этим поступком он воодушевил соотечественников, и те разгромили противника. Предсказание сбылось.

«Неужели же не было других людей, более понятных сегодня?» – с тонкой улыбкой на умном насмешливом лице может спросить нас иной читатель, страдающий от щелочи цинизма, поражающей нравы всех цивилизаций на определенных этапах их существования.

Были другие люди. После разгрома римлян под Каннами Ганнибал отправил нескольких пленных из знатных родов в качестве посольства в Рим, опять-таки ограничившись их обещанием вернуться. Один предприимчивый римлянин, едва выйдя за ворота пунийского лагеря, тут же возвратился якобы за забытой вещью. Потом, будучи на родине, он заявил, что сдержал слово, однажды уже вернувшись во вражеский стан, и потому теперь будто бы свободен от клятвы. Римляне, возмущенные низкой хитростью, формой подменяющей суть, в оковах отправили его Ганнибалу.

Тогда же, после каннской победы, Ганнибал, нуждавшийся в деньгах для своих наемников, предложил римлянам выкупить у

него пленных. Римское государство потеряло в той битве около четверти своих граждан и остро нуждалось в пополнении людских ресурсов. Однако гордый Рим пренебрег сдавшимися в плен, ибо те, кто по-настоящему боролся за свободу, сумели спастись вместе с юным тогда Сципионом. Римляне отказались принять пленных, хотя в плену были сыновья, братья и отцы тех, кто принимал суровое решение об их участи. Вместо пленных римляне выкупили на свободу рабов и создали из них легионы. Эта мера потребовала гораздо больших денежных трат, зато созданное таким способом войско сражалось доблестно, в плен никто не сдавался.

Как мы видим, все атавизмы индивидуалистских поповзновений выбраковывались естественным отбором на моральность.

Подобные героические истории, разве что менее экстремальные, запечатлены и в эллинском эпосе. Однако самый яркий пример такого рода дает обычай даков, показанный в одноименном фильме.

Перед войною даки должны были принести в жертву богам своего лучшего молодого воина. В ответ на это хозяева небес и владыки дел земных были обязаны даровать дакам победу. И вот проводится турнир со множеством испытаний. Лучшие из лучших отчаянно состязаются друг с другом. За ними наблюдает все племя, матери посылают им напутствия, любимые девушки шлют улыбки, отцы взирают на них требовательным взором. Наконец, победитель определен. Он самый ловкий, быстрый, умный и доблестный. Его лицо сияет счастьем, оно одухотворено сознанием своего успеха, своего значения, предвкушением великой миссии. Ему воздают хвалу, его осыпают почестями, славят как лучшего гражданина, а потом под грохот барабанов бросают на три торчащих копы жертвенного алтаря, разом пронзивших молодое тело, разом похитивших юную жизнь. Зато соплеменники этого героя, став свидетелями столь странного, казалось бы, подвига, на поле боя были непобедимы.

В этой извечной истории о человеке, жертвующем собою ради спасения племени, народа или человечества, и через страдания восходящего к небесам, возносящегося в сонм богов, заключен секрет развития общества. Этот образ является концентрированным выражением созидательного начала, заложенного в человечестве.

Помимо такого рода легендарных сказаний, героических историй, немного сохранилось других свидетельств о характерах и нравах римлян той эпохи. Среди них было мало писателей и ученых. О чем это говорит?

«Во дни благополучия пользуйся благом, а во дни несчастий размышляй», – подсказывает Екклесиаст. Вспомним, что Цицерон

писал трактаты лишь в те периоды, когда бывал отлучен от политики. Но всякий раз, едва минет опала, он бросает философию, чтобы вновь ввергнуться в пучину политических интриг. Ради почти безнадежных попыток спасти от краха хотя бы осколки республиканских порядков, он жертвовал наукой и связанной с нею смертной славой, которой вообще-то очень дорожил, пока наконец не пожертвовал самой жизнью, пока его голова не оказалась выставленной на форуме с языком, исколотым булавками истерически злобной женою двух его политических врагов, некогда страдавших от колких острот, слетавших с этого языка.

Аристократ Корнелий Тацит стал писателем потому, что в императорское время на поприще политики не было возможности существенно повлиять на общественную жизнь, даже консульское кресло не помогло ему сделать для государства что-либо значительное. Он писал анналы, чтобы вскрыть пороки общества и указать путь к очищению нравов, противопоставлял развращенным и корыстным в то время римлянам доблестных германцев, жизнь которых в землянках, крытых навозом, была чище, чем вакханалия жизни римских богачей в золотых апартаментах.

Расцвет греческой философии пришелся на период распада классической эллинской цивилизации и был порожден необходимостью осмысления основ жизни с тем, чтобы определить пути выхода общества из кризиса.

Отсутствие подобной активности у римлян рассматриваемого периода свидетельствует о том, что у них не было ни времени, ни потребности в отвлеченной деятельности. Их интересы и способности, их энтузиазм целиком поглощали форум и поля битв за Отечество. Отсюда следует вывод, что эти люди были счастливы в меру своего развития. Это отнюдь не означает умиротворенности и спокойствия, сытости и животного довольства, эпоха была бурная и суровая, а жизнь – аскетическая и чреватая опасностями. Однако люди могли реализовать свои способности в действительной жизни посредством конкретных поступков и получить за это воздаяние по заслугам. Им не приходилось выплескивать свои таланты в творческом воззвании к неведомым потомкам, топить излишек сил в вине или разврате, медяками рассыпать в погоне за богатством, извращать созидательные способности в разрушительные пороки. Конечно, это понятие счастливой эпохи является интегральным, оно говорит о некотором уровне гармонии между потребностями общества и способностями его граждан. При этом надо помнить, что простор для реализации способностей предоставлялся далеко не

всем. Проявить себя в полной мере могли лишь представители аристократии.

Обобщенной характеристикой качеств людей той или иной эпохи является суммарный итог их жизнедеятельности.

Римляне рассматриваемого нами периода вырастили рядовую общину Лация до размеров государства в половину Средиземноморья. Этот факт сам по себе свидетельствует об их созидательном потенциале, но он дает нам возможность получить и более конкретные сведения о них. Римляне вышли за границы Италии и приобрели положение главенствующего народа за несколько десятилетий. По историческим меркам этот процесс был скоротечным, римляне как бы внезапно явились миру, и поэтому греки, испанцы, нумидийцы увидели их словно со стороны, как пришельцев из иной цивилизации. Это придало их восприятию живость и непосредственность. Попробуем же воспользоваться их видением, чтобы рассмотреть римлян в интересующем нас плане.

Приведем несколько высказываний грека Полибия.

«Когда какая-либо угрожающая извне опасность побуждает их к единодушию и взаимопомощи, государство обыкновенно оказывается столь могущественным и деятельным, что никакие нужды не остаются без удовлетворения. Если что-нибудь случится, всегда все римляне соревнуются друг с другом в совместном обсуждении, исполнение принятого решения не запаздывает, каждый отдельно и все в совокупности содействуют осуществлению начинаний».

«...имена благодетелей Отечества становятся известными народу и передаются в потомство; вместе с тем – и это всего важнее – обычай поощряет юношество ко всевозможным испытаниям на благо государства».

«...многие римляне, чтобы решить победу, добровольно выходили на единоборство, немало было и таких, которые шли на явную смерть, на войну ли за спасение прочих воинов, или в мирное время за безопасность Отечества. Далее иные власть имущие в противность всякому обычаю или закону умерщвляли родных детей, потому что благо Отечества ставили выше самых тесных кровных связей. Римляне знают множество подобных случаев относительно многих граждан».

«Для карфагенян нет постыдной прибыли, для римлян, напротив, нет ничего постыднее, как поддаться подкупу или обогащаться непристойными средствами. Заслуги награждаются у одного народа совсем не так, как у другого, а потому у обоих народов различны и пути, ведущие к наградам».

«...у римлян обязательство достаточно обеспечивается верностью клятве, хотя бы должностные лица или послы имели в своем распоряжении большие суммы. Потом, если у прочих народов редки честные люди, для которых общественное достояние неприкосновенно, то у римлян, наоборот, редки случаи изобличения в хищении».

Существует представление о римлянах как о завоевателях. Однако в рассматриваемое нами время назвать римлянина завоевателем было все равно, что объявить его преступником. Если магистрат становился инициатором конфликта с каким-либо из соседних народов без положительного обоснования, его в оковах сдавали пострадавшим. Даже на закате республиканского периода Катон вполне логично, по римским понятиям, требовал ареста Цезаря за самовольное развязывание войны с галлами и германцами. И, несмотря на фактическое вырождение римской нравственности в обществе, Цезарь все-таки помимо тотального подкупа сенаторов прибег еще и к обширной демагогии, чтобы скрыть агрессивный, преступный образ действий против галлов, для чего написал свои записки.

Римляне первыми начали делить войны на справедливые и несправедливые (у Аристотеля прозвучал лишь термин без содержательного наполнения). Справедливой они считали войну за свое Отечество, либо за союзников, освященную религиозным обрядом, то есть согласованную с богами, и объявленную официально.

В те времена воевали все со всеми, как, впрочем, и позднее, только теперь частично изменились средства войны, и ложь стала разрушительнее бомб. Например, история Эллады, как сегодня кажется, мирного народа, иссечена конфликтами и войнами едва ли не сильнее римской. Однако воинственность греков растранивалась, в основном, во внутренних конфликтах ввиду примерного равенства сил и многополярности эллинского мира. Едва только какая-либо из противоборствующих сторон добивалась гегемонии, как воинственность эллинов тут же выплескивалась за пределы Балкан и докатывалась до Сицилии, а то и до Инда. Но, как заметил еще Полибий, другие государства не выдерживали бремени побед и быстро распадались. Римляне же в силу своего исторически сложившегося характера и благодаря сбалансированной государственной системе оказались достаточно организованными для того, чтобы на базе средиземноморской мозаики народов создать единую цивилизацию.

Римские походы стали завоеваниями отнюдь не сразу. Вначале римляне просто отбивались от назойливых соседей, защищая свои

семьи и очаги. Побеждая, они старались обезопасить себя на будущее, принимая меры к тому, чтобы ослабить противника или сделать его союзником. Союзников и зависимых государств становилось все больше, и таким образом расширялась сфера влияния Рима. Совокупные интересы римлян, латинян и их италийских союзников сталкивались с интересами галлов, италийских греков, мощного конгломерата племен самнитов, а позднее – карфагенян. Чем сильнее и значимее становился Рим, тем больше у него было врагов. Это приводило ко все более масштабным войнам и дальним походам. Однако сами по себе завоевания римлянам не требовались.

Не сумев совладать с Ганнибалом в Италии, римляне поняли, что он черпает свою силу в людских и материальных ресурсах Испании. Тогда их главные усилия были направлены на Пиренейский полуостров. Победа римлян в Испании парализовала Ганнибала в Италии. Однако, чтобы изгнать его из своей страны, римлянам пришлось вторгнуться в Африку. Но, победоносно завершив войну, они вывели войска из Африки, сохранив Карфаген как самостоятельное государство, и оставили минимальные силы в Испании, чтобы поддерживать политическое равновесие между многочисленными, постоянно враждующими друг с другом иберийскими племенами. Позднее они победили Македонию, изгнали македонян из Греции, но и сами ушли следом, вернув свободу эллинам, во что никак не могли поверить позднейшие историки, воспитанные в другой системе ценностей и рассматривавшие минувшие события с позиций своего времени.

Выйдя на широкий простор международной политики, римляне поразили другие народы своей политической нравственностью. Им верили, им подчинялись почти добровольно, им помогали. Некогда злейшие враги римлян: иберы, нумидийцы, македоняне и даже карфагеняне стали их верными союзниками и поддерживали их в войнах, в которых, казалось бы, должны были бы желать им поражения. Почему же?

Справедливость римлян той эпохи объяснялась социально-экономической структурой их государства и соответствующей ей моралью. Основу римского народа составляли крестьяне. Сенаторы были средними и крупными землевладельцами. Ремесла имели меньшее значение, чем земледелие, поэтому торговля не являлась приоритетной сферой римской жизни. Все земельные угодья находились в Италии, поэтому дальние страны не интересовали римлян с экономической точки зрения. И аристократия и крестьянство в

походах были озабочены лишь обеспечением безопасности их родной Италии. Это было общей задачей всех римлян, а частной целью каждого являлась слава. Система поощрений в римской армии позволяла любому воину рассчитывать на признание своих заслуг. Прилюдная похвальная речь консула с вручением награды существенно изменяла социальный престиж отличившегося легионера. А для аристократии военные подвиги были самым эффективным средством добыть голоса избирателей на последующих выборах.

Отсутствие материальной выгоды от военных кампаний делало римлян бескорыстными, а это является базой справедливости. Стремление обезопасить свое государство от вражды соседних народов также способствовало честному обращению римлян с побежденными, а желание заслужить уважение и любовь сограждан требовало бережного отношения полководцев и офицеров к своим воинам. «Хороший полководец, как хороший врач, берется за клинок лишь в крайней необходимости», – говорил Сципион Младший. Кстати сказать, не будучи заинтересованы в самих войнах, римляне впервые в истории сделали дипломатию реальным фактором международной политики.

Именно такое идейное вооружение римлян позволило им завоевать сердца и умы многих народов Средиземноморья.

Римлян невозможно было подкупить, невозможно обхитрить. Как ни лукавили с ними этолийцы и другие греки, римляне легко счищали шелуху словес и обнажали суть замыслов своих оппонентов. Изощренное эллинское красноречие пасовало перед ясной логикой и первозданной экспрессией римской речи. Латиняне выходили победителями во всех дипломатических дуэлях.

Во время второй Пунической войны Сципион прибыл к нумидийскому царю Сифаксу, чтобы сагитировать его на союз с Римом, и угодил в ловушку. У Сифакса гостил карфагенский лидер Газдрубал – давний друг нумидийцев. Однако Сципион так повел дело, что Сифакс изгнал карфагенянина и предался римлянам. Тот факт, что в дальнейшем Сифакс вновь примкнул к карфагенянам, подтверждает, что в ситуации с Сципионом он не столько следовал расчету, сколько поддался влиянию римлянина.

Греки и македоняне долго вели дипломатические баталии с Титом Квинкцием, однако всегда уступали ему, и в конце концов он стал кумиром всей Эллады, он представлялся грекам самым образованным, утонченным и благородным человеком современности.

Такого же авторитета Сципион Старший добился у иберов, нумидийцев и карфагенян. А его политический враг Катон Стар-

ший, будучи грубоватым и неотесанным плебеем, по меркам римской аристократии, тем не менее, покори́л красноречием самих афинян. Выступая в агоре, он говорил столь емко, что его отрывистые латинские фразы переводились по-гречески долго и длинно. Между тем Катон, конечно же, владел и греческим языком, но из гордости говорил с эллинами по-латински.

Римляне удивляли иноземцев не только своими интеллектуальными и моральными качествами, но и простым, естественным образом жизни. Греки, карфагеняне, сирийцы, египтяне поражались неприхотливости владык мира, их презрению к роскоши, высокомерному чванству, половым извращениям – всему тому, чем кичились власть имущие других народов.

Когда Сципион Младший – приемный внук Сципиона Старшего, посетил Александрию, он пешком прошел по городу, осматривая его достопримечательности и запросто общаясь с народом. Изнеженный египетский царь вынужден был последовать его примеру и всю дорогу ковылял следом, пыхтя и отдуваясь из-за непривычных физических усилий. Наблюдая эту пару, горожане воочию смогли узреть разницу между истинным величием и дутым, прячущимся от глаз во дворцах. «Вот какую услугу мы оказали александрийцам нашей поездкой: дали им посмотреть, как их царь пешком ходит!» – сказал Сципион сопровождавшему его философу и другу Панецию.

Кстати будет вспомнить, что за пятьдесят четыре года своей жизни Сципион ничего не купил, ничего не продал и ничего не накопил в доме, хотя захватил Карфаген и дал воинам большую добычу, чем какой-либо другой полководец до него. Зато он всегда старался уходить с форума не иначе, как оказав кому-нибудь услугу или приобретя нового друга. Вот в чем римляне измеряли богатство жизни.

Римляне умели сочетать силу и великодушие. Когда сирийский царь Антиох, получив письмо от сената, попытался с царским высокомерием выпроводить посла, заявив, что подумает и даст ответ впоследствии, римлянин прутом очертил вокруг него круг и сказал: «Подумай и дай ответ, пока стоишь здесь». Это произвело сильное впечатление на царя и его свиту, что в итоге способствовало прогрессу переговоров. Жестокий диктатор Луций Корнелий Сулла самыми большими своими жизненными удачами считал то, что, во-первых, с ним дружил самый добропорядочный гражданин государства, во-вторых, что он мог сжечь Афины за предательство по отношению к римлянам, но не сделал этого.

Секрет всех успехов римлян лучше всего раскрывают два поступка Гнея Помпея.

После войны с парфянами, азиатский царь на переговорах с римлянами предложил установить границу по Евфрату. На это Помпей заметил: «Не лучше ли ей быть по справедливости?»

Во время голода в Риме сенат поручил Помпею организовать снабжение города продовольствием. Он собрал большие запасы хлеба в Африке, но его доставке мешал шторм. Кормчие отказывались выходить в море, утверждая, что это опасно для жизни. Тогда Помпей первым взобрался на борт судна и сказал: «Мне веле-но плыть, а не жить».

Таковы люди созидающей цивилизации. Это уже не теория, это – факты. Ничуть не менее красноречивые факты характеризуют граждан других созидающих цивилизаций. Ограничимся римлянами, потому что их дела в большей степени избавлены от при-страстия далью веков.

11. Трансформация ценностей в деградирующих цивилизациях

*«Горе тем народам, которые повинуются
времени, вместо того, чтобы повелевать им»
Л. Бёрне*

Когда-то давным-давно автор сих строк принес свою книгу о Сципионе Старшем в издательство со скромным названием «Армада». Любезный эксперт слегка полистал пару-тройку глав и, проницательно глядя с высокоинтеллектуального лица, осуждающим тоном спросил:

- Что это Сципион у вас какой-то положительный?
- Как? – спохватился автор, – разве я его где-то восхваляю? Разве где-то он назван умным, благородным, великим?
- Пожалуй, нет. Этой пошлости, слава богу, я не заметил. Но все равно, уж больно он какой-то замечательный!
- Может быть, дело в том, что Сципион во всех ситуациях выглядел достойно и всегда выходил победителем?
- Вот-вот! – обрадовался пониманию литературный профессионал.
- Но ведь это правда, так было на самом деле!

После обиды, нанесенной издательству этими словами, «Сципион» был брошен в темницу самого дальнего ящика стола отбывать пожизненное заключение.

У каждого века свое специфическое восприятие, всякий раз люди хотят видеть в других подобие самих себя – это избавляет от раздумий, поисков и трудов. Об одном императоре Корнелий Тацит

написал: «Он поверил людям, бывшим образцом верности, лишь тогда, когда счел их предателями».

Теперь мы наконец-то перейдем к изучению более понятных времен и людей.

Объясняя смену форм государственного правления, Полибий написал следующее. «Когда лицо, стоящее во главе сообщества... всегда в согласии с народным настроением оказывает деятельную поддержку честным людям и, по мнению подданных, каждому воздает по заслугам, тогда подданные покоряются не столько из боязни насилия, сколько по велению рассудка. Цари не подвергались ни злословию, ни зависти, так как большой разницы между ними и остальным народом ни в одежде, ни в пище и питье не было, по образу жизни цари походили на прочих людей и всегда поддерживали общение с народом. Но когда они стали получать власть по наследству... когда заранее у них были готовы средства безопасности, равно как и жизненные припасы в чрезмерном количестве, тогда вследствие избытка они предавались страстям и решили, что правителям надлежит отличаться от подданных необыкновенным одеянием, что они должны иметь более изысканный стол и лучшую обстановку, что, наконец, половыми отношениями и любовным сожителем они могут пользоваться невозбранно, хотя бы и сверх меры. Одни из этих поступков породили в людях зависть и недовольство, другие воспламенили ненависть и неукротимую ярость, вследствие чего царство превратилось в тиранию, положено начало упадка власти, и начались козни против властелинов. Козни исходили не от худших граждан, но от благороднейших, гордых и отважных, ибо подобные люди были наименее способны переносить излишества правителей.

Когда народ нашел себе вождей и стал оказывать им сильную поддержку против властелинов, тогда была упразднена форма царского управления и возникла аристократия. Правители во всех своих действиях выше всего ставили общее благо, все дела, как частные, так и общественные, направляли заботливо и предусмотрительно. И опять, когда такую власть по наследству от отцов получили сыновья, не испытавшие несчастий, совершенно незнакомые с требованиями общественного равенства и свободы, с самого начала воспитанные под сенью власти и почестей родителей, тогда одни из таких правителей отдавались корыстолюбию и незаконному стяжанию, другие предавались пьянству третьи насильствовали женщин и таким образом извратили аристократию в олигархию. Они же вскоре возбудили в толпе настроение, подобное только что описанному;

поэтому и для них переворот кончился столь же бедственно, как и для тиранов.

Вслед за сим по умерщвлении одних и изгнании других граждане не решаются поставить себе царя, потому что боятся беззаконий, не отваживаются также доверить государство нескольким личностям, потому что им памятно безрассудство недавних правителей. Единственная не обманутая надежда, какая остается у граждан, это – на самих себя; к ней-то они и обращаются, изменяя олигархию в демократию... Пока остаются в живых граждане, испытывавшие на себе наглость и насилие, до тех пор сохраняется довольство установившимся строем, и очень высоко ценятся равенство и свобода. Но когда народится новое поколение, и демократия от детей перейдет к внукам, тогда люди, свыкшись с этим благом, перестают уже дорожить равенством и свободой и жаждут преобладания над большинством; склонны к этому в особенности люди, выдающиеся богатством. Когда вслед за сим в погоне за властью они оказываются бессильными достигнуть ее своими способностями и личными заслугами, они растрачивают состояние с целью обольстить и соблазнить толпу каким бы то ни было способом. Лишь только вследствие безумного тщеславия их народ делается жадным к подачкам, демократия разрушается и в свою очередь переходит в беззаконие и господство силы. Толпа выбирает себе в вожди... честолюбца, а сама вследствие бедности устраняется от должностей. Тогда водворяется господство силы, а собирающаяся вокруг вождя толпа совершает убийства, изгнания, переделы земли, пока не одичает совершенно и снова не обретет себе властителя и самодержца».

Приятно иметь дело с эллинами и римлянами, способными видеть мир в динамике самодвижения, сколь это отличает их от представителей буржуазной философии, не смеющих высунуть нос за порог своего века.

События у Полибия изображены точно, в наблюдательности ему не откажешь. В объяснении сути рассматриваемого явления он тоже уловил главное: общественное равновесие нарушается, когда первенство переходит к людям не за их заслуги перед народом, а в силу других, внешних по отношению к их личностным качествам причин, как то: наследование власти или богатство. Однако рассмотрим этот процесс более основательно на примере тех же римлян.

Вторая Пуническая война преобразила римское государство. Впервые римляне получили богатую добычу и поняли, что война может быть прибыльным делом. В то же время их собственное хозяйство пришло в упадок. Италия была разорена в результате ше-

стнадцатилетнего хозяйничанья Ганнибала и его наемников. Дальние походы надолго отрывали крестьян от земли и приучали их жить грабежом. Возвращаясь домой, они уже не находили в себе ни сил, ни желания возродить пришедшее в упадок хозяйство и шли в города, где можно было прокормиться за счет подачек разбогатевшего государства или знати. Кроме того, война дала римлянам сотни тысяч рабов, и дешевая рабская сила составила серьезную конкуренцию тем крестьянам, которые пытались жить по заветам предков. Богачи вкладывали в землю свою военную добычу и сгоняли с нее крестьян. Наконец, война позволила сформироваться в реальную экономическую и политическую силу классу всевозможных предпринимателей. В основном это были представители всаднического сословия. Кто-то из них разбогател на продаже или перепродаже пленных, военной добычи вообще, кто-то – на поставках легионам продовольствия, оружия и прочего снаряжения.

В результате, социальная структура римского населения изменилась. К сословиям крупных землевладельцев-аристократов, средних землевладельцев и мелких собственников добавились категории торгово-финансовых дельцов и практически лишенного собственности городского плебса. Первые из них, нарастив экономический потенциал, стремились обратить его в самый престижный в то время политический капитал, а вторые были озабочены лишь тем, как подороже продать свое единственное достояние – гражданский голос. Одни рвались к власти, прокладывая дорогу к магистратурам деньгами, а другие бросались на форум, в разгул политических бурь, жажда попасть под серебряный дождь. Естественно, эти две силы быстро нашли друг друга и совместными усилиями обрушились на аристократию.

На одном полюсе римского общества развернулась борьба между знатью и сословием разбогатевших дельцов, которая выражалась как в социальных сдвигах внутри властных структур государства, так и в его внешней политике. На другом полюсе пришла толпа, состоявшая из разорившихся крестьян, одичавших легионеров, недавних рабов, отпущенных на волю, теснила с форума коренных римлян. В результате этого процесса народ постепенно вырождался в так называемый плебс, чернь, о представителях которого Сципион Младший говорил, что им Римская республика – не мать, а мачеха. Государственные интересы смутно осознавались этой деклассированной массой, и она действовала, подчиняясь сиюминутным побуждениям, продавая свою любовь и ненависть за мелкую монету любому авантюристу.

Разбогатевшие дельцы сформировали свою политическую партию из верхов всадничества и сенатских середняков. Всадники открыто занимались бизнесом, а вот сенаторам это запрещалось, поскольку торговля и нажива вообще считались занятием презренным. Почиталось только богатство земельных угодий. Поэтому дельцы стремились вложить деньги, добытые во всевозможных спекуляциях вокруг войны, в землю и всеми правдами и неправдами выживали с нее крестьян, усугубляя тем самым кризис государства. Сенаторы второстепенных фамилий, фактически не имевшие доступа к высшей магистратуре – консулату, искали окольных путей к власти и в жажде компенсировать недостаточную знатность богатством занимались бизнесом через подставных лиц.

По законам мироздания любой потенциал стремится к реализации, всякая энергия совершает действие. Богатство, будучи разновидностью социальной энергии, проникло в политику. Дельцы, в конце концов, пробились к власти, оттеснив аристократию, но, достигнув цели, они обратили ее в средство. Это были люди иной породы в сравнении с аристократией. Чтобы влиться в ряды знати, им пришлось использовать деньги. Но, заключив альянс с золотом, они продали этому желтому дьяволу душу, и с тех пор уже не принадлежали самим себе. Когда будто бы свершилась мечта дельцов, они заняли главенствующее положение в государстве, обнаружилась их абсолютная подчиненность собственному бизнесу.

В этой связи еще раз вспомним фильм «Спрут». Должен сказать, что мы будем обращаться к этому великому произведению многократно. Для тех, кто ставит под сомнение познавательную силу искусства, приведем высказывание Аристотеля: «Художественное изображение истории более научно и более верно, чем точное историческое описание. Поэтическое искусство проникает в самую суть дела, в то время как точный отчет дает только перечень фактов».

Итак, «Спрут» представляет зрителям семью банкиров, вначале преуспевающую, мнящую себя пупом земли, но впоследствии «съеденную» конкурентами. Сын основателя благородного клана мечтал стать музыкантом и имел соответствующие способности, но бизнес приковал его к креслу управляющего банком, с которого его, впрочем, тоже скоро потеснили. Будучи богачом, он купил себе роскошный рояль, но тот всегда молчал, исполняя роль мумии в этом доме, где господствовало иное искусство. Как сказал один адвокат в том же фильме: «Когда поют деньги, музыка смолкает». Лишь изредка несостоявшийся музыкант подходил к дорогому инструменту и грустно прикасался к клавишам, не смея, однако, на-

жать на них, не признавая за собою морального права хотя бы на один его звук. Он подавил в себе истинные способности, но однажды его художественная натура все же дала о себе знать: он отказался провести операцию, выгодную для банка, но сулящую смерть и разрушения людям. Тогда бизнес вынес ему смертный приговор. «Необходимо срезать засохшую ветвь с виноградной лозы», – объяснил ситуацию патриарх, матерый, законченный банкир, и отправил сына на свою виллу на острове в Средиземном море.

– Ведь ты не предашь меня, отец? – спросил, прощаясь, сын.

– Езжай на остров, – непреклонно ответил старик.

На острове несчастного банкира с душою музыканта удавили хорошо оплаченные профессионалы и инсценировали самоубийство. «Я не мог спасти его, – объяснял потом отец-убийца своей осиротевшей внучке, – на этом уровне приговор выносится не людьми, а самой системой!»

Римские дельцы были свободны ничуть не больше, чем эти живые придатки мертвых богатств. Едва новая знать, псевдоаристократы, то есть олигархи, дорвались до власти, как тут же обратили ее в служанку своего бизнеса. А их бизнес так или иначе был связан с войною. Латифундии, обрабатывавшиеся рабами, требовали постоянного притока пленных, торговля – расширения рынка, оружейные мастерские ковали новые партии оружия. Но если ружье – как гласит народная мудрость – раз в год само стреляет, то, по видимому, и его старший брат – меч бездействовать тоже не мог. В римском государстве сложилась военная инфраструктура, которая вскормила новые социальные группы. Все это породило государственную потребность в новых войнах, только теперь уже в войнах откровенно захватнических. Более того, римские дельцы осознали, что война может давать не только сиюминутную выгоду, но и долгосрочную прибыль. С этого времени в побежденных странах стали создаваться провинции, территории, политически и экономически подчиненные Риму. Аристократам не было нужды в провинциях, их экономический потенциал заключался в земельных владениях в Италии, но тем, чье могущество основывалось на деньгах, эксплуатация других стран позволяла питать и расширять свой бизнес, а также пополнять государственную казну, обслуживавшую теперь дальние захватнические походы и праздную толпу плебса.

Сначала в провинцию была обращена Испания. Естественно, это породило ненависть к римлянам со стороны местных народов. Если Сципиону за пять лет пребывания в этой стране лишь однажды пришлось столкнуться с противодействием испанцев, то теперь

войны сменяли одна другую, сливаясь в единый непрерывный поток золота, серебра, крови и слез. Следующим крупным шагом на этом пути стало разорение Карфагена. В той же мере, в какой вторая Пуническая война была моральным подвигом римлян, третья — стала их позором как по методам ее ведения, так и по целям и результатам. Одновременно с Карфагеном был разрушен греческий Коринф. Потом была захвачена Македония, далее — Азия, Галлия. Наконец, превратившиеся в хищников римляне стали воевать друг с другом, и после кровавых, по сути мировых войн Римская республика погибла. На ее месте еще несколько столетий смердел пороками разлагающийся труп античной цивилизации в образе гнусной монархии, называемой сегодня империей. Столь долгое существование этого бесформенного образования объясняется, с одной стороны, гигантским экономическим и военным потенциалом, накопленным Республикой, а с другой, отсталостью и разобщенностью соседей. Причем, падение империи произошло не тогда, когда окружающие ее пределы народы догнали римлян в своем развитии, а когда сами римляне пали ниже уровня варварских племен.

12. История людей в зеркале истории цивилизаций

*«Истинный показатель цивилизации – не уровень богатства
и образования, не величина городов, не обилие урожая,
а облик человека, воспитываемого страной»*

Р. У. Эмерсон

Таким оказалось завершение изначально славной истории Рима. Казалось бы, тут все ясно: изменились социально-экономические условия, появились новые категории граждан, заполнившие возникшие экономические ниши, они трансформировали под себя политику, жизнь преобразилась и увела общество от тех основ, на которых зиждились его устои, поэтому оно рассыпалось. Однако эта схема в реальности была наполнена живыми, думающими существами. Как они воспринимали происходящее, почему позволили обстоятельствам господствовать над собою, как допустили разрушение своего мира? Попробуем дополнить историю государства историей людей, чтобы получить историю цивилизации.

Когда Луций Корнелий Сулла пощадил от разгрома Афины, он изрек: «Милую живых ради мертвых». Для римлян была очевидна разница между греками, создавшими эллинскую цивилизацию, и их потомками, готовыми служить любому господину, будь то македоняне, римляне, азиатский царь Антиох или понтийский – Митридат. Эти, последние греки, по мнению римлян, заслуживали жизни только в качестве своеобразного памятника великим предкам. Впоследствии слова Суллы мог бы произнести какой-нибудь готский

вождь, если бы у него хватило культуры на такую фразу, но уже в отношении самих римлян.

Люди меняют общество, а общество меняет людей. Каковы же взаимоотношения и пределы такой взаимной адаптации? Если бы не существовало пределов, цивилизации не гибли бы, следовательно, не всякая адаптация хороша. Чтобы разобраться в этих вопросах, вновь призовем на помощь римлян, как пример, проверенный временем и в некоторой степени избавленный от ярлыков и пропагандистских штампов.

Прежде римляне разделялись на сословия сенаторов, всадников, эзариев (писцов, чиновников), зажиточных крестьян и бедных. Производилось это разделение с единственной целью – определить место того или иного гражданина в структуре войска, однако, тем самым неофициально устанавливались социальные границы личности и в мирной жизни. Основанием для разграничения являлось имущественное состояние, которое зависело почти исключительно от земельной собственности, хотя и измерялось в деньгах. Чтобы быть избранным на государственную должность, необходимо было иметь много друзей, пребывать постоянно на виду, быть популярным. Для рядовых граждан это не представлялось возможным. Исполнение должностных обязанностей сопровождалось большими денежными тратами, что создавало дополнительные преграды на пути к власти для небогатых римлян. Но, как отмечалось ранее, все эти границы были труднопреодолимыми, социальная структура была консервативной, и соперничество между гражданами проходило в основном внутри социальных слоев. Существенным исключением стали плебеи, добившиеся уравнивания в правах с патрициями.

Однако хлынувшие в Рим богатства карфагенян и сирийцев разрушили существовавшие плотины между различными категориями римских граждан и воздвигли новые. Богатство, деньги, собственность вообще заключают в себе труд множества людей. Но, чтобы трудиться, человек должен питаться, одеваться, поддерживать свое физическое и моральное состояние путем взаимодействия с окружающей средой и людьми, то есть жить. В общем случае человеческая жизнь реализуется и запечатлевается в мире трояким образом: в физическом потомстве, в продуктах труда и непосредственно в памяти людей. Процесс труда совместно с функциями по его обеспечению (например, получением образования) составляет наиболее емкую часть жизни. Следовательно, в продуктах труда материализуется человеческая жизнь. Итоги труда какого-либо народа составляют потенциал государства этого народа. Собственность

обобщает продукты труда многих людей и тоже является своего рода резервуаром социальной энергии.

Когда люди пользуются плодами труда совместно, оценка личности внутри сообщества производится по ее реальному вкладу в общее дело, то есть непосредственно по ее заслугам. Но если на арену социальной жизни выходит частная собственность, то все меняется, и пигмей может побороть великана. Пусть, например, человек имеет собственность, содержащую в себе результаты жизнедеятельности десяти человек, это означает, что в глазах окружающих он в одиннадцать раз превосходит силой, умом и способностями среднего человека. А теперь представим социальный масштаб кучки римских дельцов, распорядившихся достоянием целой страны, обращенной в провинцию. Очевидно, что самый ничтожный из них превосходил влиянием самого гениального из числа граждан, живших своим трудом и талантом.

Именно поэтому социальная энергия иноземных богатств извратила все общественные связи в среде римского населения. Граждане республики привыкли к качественным оценкам, но в рассматриваемый нами период в их общество вторглись количественные факторы престижа и разрушили систему ценностей до основания. Овеществленная в деньгах энергия жизнедеятельности карфагенян, испанцев, македонян, сирийцев, проникнув в Рим с обозами добычи под восторженный рев триумфов, сразила победителей – римлян, сведя на нет все их таланты и доблести.

Деньги, аккумулируя в себе результаты жизни людей, в то же время обезличивают их, делают анонимными. Это – голое количество, не имеющее на себе отпечатков своего создателя или породивших их обстоятельств. Данное свойство денег самым лаконичным образом выразили те же римляне: «Деньги не пахнут!» – констатировал император Веспасиан, продемонстрировав сыну Титу монету, добытую в платном туалете. Анонимность денег и богатств вообще уравнивает в правах любые способы их добычи. С точки зрения бизнеса, средства обогащения разделяются только по их эффективности, моральность значения не имеет. Если же где-то правовая сфера налагает ограничения на виды бизнеса, то это – всего лишь дань инертности нравов, искусственный компромисс, противоречащий истинным законам бизнеса. По мере развития бизнеса этот компромисс превращается в покров лицемерия, под которым с помощью отмычек коррупции бизнес проникает в формально запретные сферы. А в дальнейшем с пути жажды наживы устраняется и лицемерие, свобода торговли торжествует над диктатурой совести.

Очевидно, что качественные ценности находятся в антагонистическом противоречии с количественными. Столкновение двух систем ценностей приводит к жестоким общественным катаклизмам и человеческим драмам. Если хитростью или предательством можно получить богатство, так сказать, в тысячу человекожизней, то зачем нужны таланты, доблести и подвиги, дающие лишь некоторое приращение престижа? Возникает и другой вопрос: кто будет ценить самоотверженную доблесть в обществе, ориентирующемся на собственность?

Вернувшись с войны, римляне обнаружили, что их Город принадлежит другим людям, совсем другим, словно бы существам иной природы. Эти пришельцы смеялись над боевыми ранами героев, заглушали их рассказы о подвигах циничным звоном монет, выживали их с родной земли, заселяли Италию рабами, попирали законы, подкупали магистратов, подвергали осуждению и изгнанию лучших полководцев. Мораль этих людей характеризует высказывание Гая Верреса, наместника Сицилии. Он с вызывающей откровенностью сознался на суде в своих злодействах и при этом выразил уверенность в полной своей безнаказанности. «В первый год, пока я еще не освоился в провинции, я воровал для себя, – объявил он, – во второй год – для судей, а в третий, когда уже нечего было терять и можно было действовать открыто, – воровал для высокопоставленных покровителей». Наверное, судей весьма вдохновило это заявление, особенно тех из них, кто мог выступать одновременно в роли судей и покровителей.

Любопытным образом древность пересекается с современностью. Невольно вспоминается сегодняшняя история:

– Подсудимый, почему вы выступаете без адвоката? – строго вопрошает грозный судья.

– Ваша честь, адвокат отказался от меня, когда узнал, что я действительно не крал этих проклятых пяти миллионов.

Кстати, Веррес все-таки был осужден, но только потому, что его обвинителем был Цицерон, не только лучший оратор, но и лучший детектив античности. Однако, чтобы понять, каких усилий это ему стоило, достаточно сказать, что ради спасения Верреса на высшие государственные посты были избраны удобные ему люди, те самые, для которых он трудился весь третий год своего наместничества.

Суд над Верресом проходил приблизительно век спустя после рассматриваемых нами событий, но это не меняет сути дела. В интересующее нас время процесс замены ценностей только набирал ход, и поэтому новая мораль рядилась в старые одежды. Так, на-

пример, Катон Старший, будучи на деле могильщиком римской нравственности, на словах являлся ее ярким защитником, и, между прочим, в качестве такового вошел в историю. Однако, доля лицемерия в разные века различна, но сущность бизнеса одна. «Делай деньги, остальное дребедень», – поется в песенке из мультфильма, которую охотно исполняет сегодняшняя молодежь.

Истинный предпринимательский талант всюду проявляет себя точно так же, как шило в мешке. Уж насколько, казалось бы, скудна для подобных импровизаций должность палача, кроме того, она и сама по себе дает возможность восторжествовать над людьми. Однако греческие исполнители судебных приговоров смогли сделать эту профессию весьма доходной. Приходит, например, палач к родителям приговоренного к казни и объявляет: «Если вы, уважаемые граждане нашего демократического полиса, не дадите мне круглое количество драхм, завтра я возьму зазубренную секиру и буду не рубить, а пилить шею вашего сына». Естественно, этот предприимчивый человек получал желаемое и возвращался после такого визита состоятельным, уважаемым гражданином. В Афинах у палачей не было секиры. Однако топор, меч или настой цикуты – это все только различные формы, а содержание одно. Можно подать жертве разбавленный яд, а когда ее начнут корчить судороги, потребовать платы за добавку, необходимую для нормальной, скоротечной смерти. Следствие – увеличение богатства и повышение веса в обществе.

Римский бизнес со временем тоже достиг столь же филигранного искусства делать деньги. Это продемонстрировал тот же Гай Веррес. Но и в ходе Пунических войн предприниматели изрядно работали головой. Будучи на краю гибели во время нашествия Ганнибала, римское государство старалось использовать все имеющиеся ресурсы и не раз обращалось к частным средствам своих граждан. Сенаторы, например, безвозмездно вносили в государственную казну свои средства, их жены отдавали Республике любимые украшения и прочие предметы роскоши. Но подобные сумасбродства аристократии были чужды деловому духу торговцев и других профессиональных предпринимателей. Они брали у нищего государства подряды в долг под хорошие проценты и благодаря этому, надо признать, становились патриотами, ибо были лично заинтересованы в победе родного Отечества. Рим победил и сполна расчелся с долгами. Особенно преуспели при этом, как всегда, самые ловкие, например, те, кто нагружал рухлядью старые посудины и топил их в море, чтобы теперь, после победы, получить ком-

пенсацию ущерба за трагическую гибель от пунийских боевых кораблей якобы первоклассных судов с дорогостоящими товарами. Высоких результатов добились и те деловые люди, которые с волевым настойчивостью крались за легионами, сопровождая их в дальних походах по всему свету. После сражений они скупали по дешевке добычу у отягченных поклажей воинов и затем втридорога продавали ее в Италии, в конечном итоге семьям тех же самых воинов. Но и тут наибольшего успеха добивались те, кто умудрялся перепродажу скарба дополнить торговлей людьми, скажем, продажей в рабство незащищенных детей погибших героев. В стихийном бизнесотборе побеждали именно последние. Они и задавали тон, являлись ориентирами для молодежи.

В эпоху образования провинций самым доходным делом стали откупа. Увидев своими глазами злоупотребления в Испании и Африке коррумпированных карфагенских чиновников, римляне отказались от создания подобного института для сбора налогов с провинций. Государство просто продавало свое право на получение подати коллегиям бизнесменов. Заплатив цензору в храме Сатурна на Капитолии оговоренную сумму, откупщики отправлялись в провинцию и действовали там по своему усмотрению. Законы наживы, сущность которых состоит в извлечении максимальной прибыли, а также жесточайшая конкуренция требовали от бизнесменов изобретательности, жесткости и настойчивости. Поэтому очень скоро слово «откупщик» (мытарь) стало самым страшным в Средиземноморье. Но это – всего лишь для простонародья, зато откупщики тайно финансировали сенаторов, и те создавали им надежное прикрытие в столице. В те времена римлянами еще владела иллюзия о честном богатстве, о добродетельном предпринимательстве. Такие мнения являлись отголосками крестьянской доблести, в поте лица добывающей хлеб. Однако беспристрастный отбор в виде суровой конкуренции безжалостно изживал всяческие проявления щепетильности и благородных порывов. Государство еще долго противилось нашествию разнузданного бизнеса, однако отступало шаг за шагом. Римское право есть римское право, оно неумолимо к преступникам. Но реализуется это право через людей, и этих конкретных людей можно подкупить или запутать. Дельцы очень скоро смекнули, как им быть, и стали действовать еще энергичнее (помните Верресово: «Во второй год я воровал для судей»?) Поэтому Цицерон говорил, что судьи превратились в соучастников преступлений, а Катон Старший констатировал: «Мелкие воры сидят в тюрьме, а крупные – ходят в золоте и парче».

С относительно честными предпринимателями конкуренты не церемонились во все века. Наглядно судьбу таких «кентавров» показал Бальзак в истории о Цезаре Бирото. Этот парижский парфюмер разбогател благодаря удачному личному изобретению, однако, едва он выдвинулся в элиту, как тут же был разорен более «цельными» бизнесменами. Как и в любой гонке, в бизнесе преуспевают те, кто умеет избавиться от всевозможных пут и реализовать идею получения максимальной выгоды в наиболее чистом виде. Честность, справедливость, великодушие – свойства, порожденные коллективизмом и качественными оценками. Они являются чужеродными для мира индивидуализма и господства количественных ценностей.

Когда государство было общим достоянием всех римлян, они действовали сплоченно, и для любого гражданина его сосед был соратником. В бизнесе все обстоит иначе. У каждого своя собственность, и потому каждый сам себе государство. Эти «государства» постоянно находятся в состоянии войны друг с другом. Иногда между двумя из них заключается договор против третьей стороны, но это всегда только договор, но никак не дружба или любовь. Едва только достигнута цель, ради которой было заключено соглашение, мир сменяется враждой. В сплоченном сообществе тоже идет постоянная конкуренция, но соперничество за славу в корне отличается от конкуренции за прибыль. Славу нельзя украсть или отобрать у соперника силой, а деньги – можно, поскольку они есть обезличенное количество. Данное обстоятельство делает возможным использование нечестных приемов, а конкуренция переводит их в разряд обязательных. Говорят, что подлецы преуспевают потому, что поступают с честными людьми, как с подлецами, а честные ведут себя с подлецами, словно с честными. Тот, кто гнушается эффективных средств обогащения из-за их нечистоплотности, неизбежно будет побежден более предприимчивым и целеустремленным конкурентом. Это – закон, закон естественного отбора, в данном случае, индивидуально-го социально-экономического отбора.

Мы выяснили, что человека создал коллективный отбор, а законы, регулирующие взаимодействие людей в условиях коллективного отбора, выросли в культуру и гены человека в виде морали. Индивидуальный отбор потребовал других взаимоотношений между людьми, так сказать, морали индивидуализма. Однако мы оставим термины мораль и нравственность за их первоначальным содержанием, поскольку они выражают сущность человека как социального явления. А всевозможные трансформации общественного поведения человека, порожденные иными, отличными от исходных условиями

его жизнедеятельности, назовем антиморалью, не в плане осуждения, а лишь сообразуясь с их направленностью. Адаптируясь к условиям индивидуального отбора человек вынужден был изменять свою природу. Те предприниматели, которые не сумели этого сделать, разорились, то есть погибли в социальном плане. Вот почему римляне, вернувшиеся с полей битв второй Пунической войны, обнаружили на форуме засилье существ иной природы.

Эти существа руководствовались совсем другими нормами поведения в сравнении с исконными. Для них не существовало чести, истины, верности, патриотизма, любви и дружбы; все заменял расчет, оборачивавшийся в итоге денежной прибылью или продвижением по лестнице магистратур. Это раздражало римлян традиционного воспитания. Однако дельцы и политики, принявшие на вооружение их методы, преуспевали. Благополучие таких людей озадачивало остальных, порождало сомнения. У добропорядочных граждан возникало ощущение неправильности жизни. Они мучительно гадали, где сокрыт порок: в общественном устройстве, позволяющем добиваться успеха дурным людям, или же в них самих, в их, может быть, устаревшем мировоззрении. Новые нравы завоевывали Рим, вербруя себе все больше сторонников, особенно среди неудачников и молодежи. Люди, лишённые созидательных способностей, вдруг обнаружили, что благодаря деньгам они могут восторжествовать над любым талантом, любым героем. Беспринципная посредственность теперь праздновала победу над честной гениальностью.

Надо отметить, что гениальность не отделима от честности. Людям, обладающим большими способностями, выгодно иметь справедливое общество, в котором они царят естественным образом на радость себе и другим. В нормальных условиях им не надо хитрить и обманывать сограждан, чтобы оказаться на вершине, для этого им достаточно реализовать свое естество, быть самими собою. Но в обществе иного рода таланты могут иметь некоторый успех, лишь поступив в услужение к богатой бездарности.

Помимо агрессивных бездарностей новый образ действий привлекал молодежь. Во-первых, молодые люди поверхностно воспринимают жизнь и поэтому падки на внешние эффекты, а во-вторых, им не терпится поскорее достичь высокого положения, наконец, в-третьих, формальный успех любят женщины как наиболее доступный их пониманию, что также стимулирует молодежь к погоне за легкой удачей.

Не все римляне были дельцами, но нравы бизнеса приносили успех и в других областях жизнедеятельности. Поэтому они все

глубже внедрялись в римское общество, постепенно овладевали политической и военной сферами. Люди все менее были соратниками и все в большей степени становились конкурентами. Поскольку количественный характер факторов престижа позволяет скрыть способ деятельности, которым добывается успех, это обстоятельство устраняет из сферы реальной жизни благородство, великодушие, честность. Все качества, приносившие успех в условиях коллективного отбора, теперь становились обузой в делах. Помните знаменитое «Боливар не выдержит двоих», одинаково убийственное и для дорожных бандитов и в устах банкира? Однако представления о законах коллективного выживания людей укоренились не только в сознании, но и в фундаментальных слоях психики, поэтому отторгнуть их разом невозможно, и отказ от них шел ступенчато. Сначала отрицание морали происходило под прикрытием лицемерия, затем нравственность подвергалась поруганию через насмешки и цинизм, а уж потом ее, униженную, опозоренную, изгоняли из порядков и законов общества. Вместо заслуг перед Отечеством теперь прежде всего ценились деньги или богатство вообще, вместо ума и образования – тоже деньги, уважение сменилось пресмыкательством и завистью, желание быть по достоинству оцененным равными личностями уступило место стремлению восторжествовать над другими, унижить их, поработить. «Когда-то искали дружбы, а теперь ищут добычи», – писал Сенека. А в итоге получалось, по Платону: «Сколько рабов, столько врагов».

Трансформация личности рядового римского гражданина в середине II века до н. э. проявилась в поведении римского войска во время Нумантинской кампании.

В ходе второй войны с Карфагеном Сципион Старший с тридцатитысячным войском в течение пяти лет овладел всей Испанией, разгромив четыре карфагено-иберийских армии. А внуки тех героев, будучи также в количестве тридцати тысяч, потерпели поражение всего лишь от одной испанской общины города Нуманции. Четыре тысячи нумантийцев привели к капитуляции консульское войско! Испанцы отнюдь не стали сильнее, а вот римляне изменились. Прежде легионы на весь мир славилась дисциплиной, а теперь доблесть войска пожирала саранча проституток и торговцев. Солдаты в лагере жили своей частной жизнью, находившейся в противоречии с задачами военной кампании.

Интересы государства ныне оказались чужды обнищавшим крестьянам и избалованному столичной жизнью плебсу, составлявшим большую часть войска, потому что это были интересы олигархии.

В это время войны велась уже не за свободу Отечества и не за обеспечение его долгосрочной безопасности и процветания, а ради наживы кучки военачальников и дельцов. Измельчание интересов вело к мельчанию личностей, каковые тем легче поражались грибом обывательской морали, чем меньше в них оставалось стремления к великому. Наступление на людские души велось одновременно и сверху и снизу: государство отторгало массы, отчуждалось от них, превращаясь в исключительно олигархическое, а победившие частнособственнические нравы душили их пошлостью в повседневном быту.

Лишь кратковременный принудительный возврат к прежним порядкам в легионах под Нуманцией, осуществленный сохранившим аристократический дух Сципионом Младшим, позволил римлянам одолеть свободолюбивый испанский городок. Сципион изгнал из лагеря две тысячи проституток, бесчисленных торговцев и подверг солдат лечению трудом и дисциплиной, вслед за чем и пришел успех.

Через два десятка лет после событий под Нуманцией другая война отчетливо выявила деградацию не только римского плебса, но и знати.

Один из многочисленных отпрысков нумидийского царского рода Югурта решил вступить в борьбу за власть со сводными братьями, чтобы установить единоличную власть над страной. Нумидия была давним союзником Рима, который надежно контролировал ее внутренние дела через своих ставленников. Югурта тоже относился к их числу. Он воспитывался в Риме и, между прочим, был в римском войске под Нуманцией. Однако его сверхэнергичная деятельность по укреплению своего могущества несла угрозу римскому влиянию в Африке. Набрав силу, он вышел из повиновения Риму. Началась война. При взгляде со стороны, вступивший в конфликт с могущественным властелином Средиземноморья Югурта казался безумцем. Но он отдавал себе отчет в своих поступках, так как знал Рим изнутри. «В Риме все продажно! – утверждал нумидиец. – Этот город продан бы весь целиком, если бы ему нашелся покупатель!» Такой характеристики удостоилась некогда самая нравственная община.

Свое громкое заявление Югурта успешно доказывал делом. Он подкупал римских офицеров и даже полководцев, потому война шла вяло. В присутствии римского войска самозванный царь безнаказанно расправлялся с нумидийскими сторонниками Рима и даже с римскими гражданами, жившими в Африке. Возмущение римлян в конце концов превысило их продажность, и армию возглавил

честный полководец. Югурта потерпел поражение и прибыл в Рим в роли обвиняемого. Но там он произвел чудо метаморфоза, рассыпав перед сенаторами свои сокровища, благодаря чему возвратился в Африку узаконенным царем преступно захваченной страны. Тут же поправ все договоренности с римлянами, Югурта вновь вступил в войну. Многократно он уходил от ответственности с помощью подкупа сенаторов, офицеров и полководцев, проплаченные пропагандисты в Риме проводили идеологические и политические кампании в его защиту и даже организовывали заговоры против его конкурентов. Лишь тогда, когда африканскую кампанию возглавили Марий и Сулла, чьи амбиции были гораздо выше тяги к богатству, Югурта оказался побежден окончательно.

Эти события показали, что еще не все в Риме было продажно. Оставались личности истинно-римского масштаба, но общество прибегало к их помощи лишь под давлением внешних обстоятельств, в критических ситуациях. Большей частью в Риме хозяйничали уже люди корыстно-индивидуалистского типа.

Вытесняемая из реальной жизни мораль с некоторым запаздыванием покидала и умы людей. Девальвация морали повлекла за собою обесценивание человеческой жизни, что оказалось весьма кстати в условиях конкуренции сограждан. Презрение к естественным законам человеческого общежития, выработанным коллективным отбором, привело к потере уважения и к государственным законам, сформированным сознательным творчеством данного общества.

Эти изменения сознания римлян способствовали обострению классовой и сословной борьбы в Риме, приданию ей жестокого характера. Попытки братьев Гракхов – внуков Сципиона Старшего, возродить основную силу Римской республики – крестьянство натолкнулись на яростное сопротивление захватившей землю олигархии. Вначале богачи оборонялись деньгами, подкупая должностных лиц, а когда это перестало помогать, прибегли к открытому насилию. В свалке на Форуме погибли триста человек, в том числе магистраты, чьи персоны прежде были священны. Следующий этап борьбы за землю принес уже три тысячи жертв. Ни освященная религиозным обрядом власть должностных лиц, ни слава и заслуги героев, ни ум не вызывали почтения у римлян. Были убиты народные трибуны Тиберий и Гай Гракхи, отравлен Сципион Младший, изгнан последний внук Сципиона Старшего Публий Назика, ранее удостоенный прозвища «Разумный». Так алчность справила свои торжества по случаю победы над личностью и обществом. Однако на ее следующем пиршестве Рим вовсе захлебнулся в крови.

Учтя, с одной стороны, опыт неудач последних войн, а с другой, нежелание крестьян участвовать в завоевательных кампаниях на благо олигархии, римляне реорганизовали армию на профессиональной основе. Вместо полноценных граждан в легионы стали принимать наемников из числа бедняков и всяческих проходимцев. Естественно, что таким воякам не было никакого дела до политических и моральных аспектов войны, их интересовала только нажива. Материальный успех кампании в большой степени определялся качествами полководца, от него же зависело распределение поощрений и наказаний. Поэтому профессиональные воины фактически служили уже не Республике, а полководцу. Таким образом римская верхушка получила инструмент для реализации своих личных амбиций за счет государства и теперь могла распространить собственную испорченность в масштабах всего Средиземноморья.

Обратный эффект реформы армии испытал на себе сам ее зачинатель Гай Марий. Его политический соперник Луций Сулла повернул римское войско против самого Рима и, растоптав Отечество солдатской каллигой, силой утвердил свои порядки. Марий не замедлил с ответом. Собравшись с силами, он овладел Римом после настоящей осады. Разразилась гражданская война. Италия стала красней от крови, чем в годы нашествия Ганнибала. В конце концов, победил Сулла и воцарился в Риме в образе бессрочного диктатора. Тогда те, кто уцелел в войне, позавидовали мертвым, ибо грянул террор. Было уничтожено около трех тысяч только представителей высших сословий.

За головы политических противников диктатор назначил награду. И тогда деньги в полной мере показали свое господство над людьми. Они цинично попирали гордость и честь, разрывали узы дружбы и родства, низвергали господ и вводили в порфирные дворцы рабов. Жены доносили на мужей, сыновья – на отцов, брат охотился на брата. Диктаторская длань поражала людей на столичных улицах и в поместьях, в общественных местах и на супружеском ложе, за пиршественным столом и в туалете. Головы казненных выставлялись на Форуме, и одичавшая толпа сходилась к прославленным Рострам, чтобы поглазеть на обезображенные мертвые лица своих вчерашних кумиров. Пользуясь сумбуром в государстве, удалые сподручные диктатора присваивали имущество казненных и сколачивали гигантские состояния. Самые ловкие устраивали казни на заказ, исходя уже не из политических, а исключительно материальных соображений. Больше всех на этом поприще преуспел по сей день знаменитый Марк Красс. Он ухитрился казнить

столько людей, что сделался первым богачом своего века. В дальнейшем его предпринимательская деятельность стала более разнообразной. В мирное время он скупал в Риме трущобы бедняков, устраивал пожары, сжигая целые кварталы, а потом застраивал их доходными домами, лоббировал в сенате интересы откупных коллегий, покупал беспринципных политических деятелей, таких как Цезарь, и с их помощью пытался обратить политику в золотой дождь. В общем, это был бизнесмен с большой буквы. Впрочем, сегодня подобным забавным словосочетанием никого не удивишь, поскольку на слуху такие нравственно-лингвистические перлы как «Прославленный убийца», «Великий злодей», «Гении и злодеи» в одном ряду и еще того интереснее – «Порнозвезда с большой буквы». (Казалось бы, при чем тут буква?)

Однако для римлян все это было внове, и, пережив вакханалию междоусобицы, во время которой по законам общественной химии из крови выплавлялось золото и серебро, а из грязи жадности и предательства возникали герои нового толка, они, римляне, уже никак не могли мыслить себя Сципионами и Камиллами.

После столь обильного кровопускания наступило некоторое затишье. Римляне всячески старались сохранить свое государство в неприкосновенности, уберечь его от порчи, исходящей от людей нового типа. Однако ни одно государство не может быть лучше своих граждан так же, как и граждане в основной массе не могут быть лучше породившего их общества. Несоответствие между качеством государства и его граждан наблюдается лишь в переходные эпохи, когда будущее мучительно вылущивается из закорюченного кокона прошлого, независимо от того является ли это будущее легкокрылой яркой бабочкой или отвратительной ползучей гусеницей.

Римляне тогда переживали как раз такой переходный период, и на крутом изломе государства масса его граждан распалась на причудливый спектр лиц и характеров. Герои и антигерои всех видов и уровней каждый день сходились на Форум или в сенатскую Курию на очередной раунд бесконечной политической схватки. Здесь встретились все времена и народы, в мозаике римской толпы можно было разом узреть портрет всего человечества, безмерно восхититься, впасть в отчаянье, испытать ужас или чудовищное отвращение.

О Крассе уже говорилось. В его лице в чистом виде представлен тип грязной личности. Его можно считать цельной натурой, законченным дельцом, однако эпоха несколько отстала в деградации

нравов и не готова была в полной мере вместить в себя этот стяжательский талант. Римляне наряду с деньгами все еще ценили славу и власть законных магистратур. Правда, если прежде власть употребляли на завоевание славы и уважения народа, то теперь она все более использовалась для наживы и достижения еще большей власти. Тем не менее, непомерного богатства Крассу не хватало для того, чтобы стать первым лицом Рима. Он знал все о деньгах и их кислотном воздействии на людские души. Он умел управлять рабами, ссоря их друг с другом, создавая конкуренцию, благодатную для бизнеса атмосферу всеобщей подозрительности, слежки, предательства. Столь же эффективно, как в личном хозяйстве, Красс управлялся с предпринимателями всего Средиземноморья. Однако бизнес еще не был абсолютным владыкой общества. Поэтому Крассу пришлось вкладывать деньги в политику, чтобы посредством заговора обрушить обветшалый свод государства и из его обломков смастерить себе нечто вроде трона, но безуспешно. Ему не доставало военной славы. Он победил Спартака, однако этого было мало, чтобы соперничать с Помпеем Великим. В погоне за военной славой Красс и сложил свою голову к стопам парфянского царя, а заодно принес в жертву несколько десятков тысяч солдат из числа сограждан, голосовавших за этого консула. Его голову парфяне действительно бросили на потеху царю в театре во время представления греческой трагедии, а обезглавленное тело долго таскали колесницей по пыльной азиатской степи.

Самым наглядным примером противоречивости характеров людей той эпохи является Помпей Великий, не понятый историками до сего дня именно потому, что его тщатся оценить в отрыве от противоречий своей эпохи.

Гней Помпей с юных лет служил в войске своего отца и в отличие от него был любим солдатами. Во время гражданской войны он, не имея никаких государственных полномочий, только за счет личного авторитета собрал немалое войско и выступил на стороне Суллы, возглавлявшего консервативные силы Республики. Однако он присоединился к полководцу не раньше, чем выиграл несколько битв. Поэтому Сулла был вынужден приветствовать его стоя и в дальнейшем считаться с ним. Позднее Помпей добился триумфа, причем, требуя этой официальной в Риме почести, пригрозил всемогущему диктатору составить ему конкуренцию. «Имей в виду, больше людей поклоняется восходящему солнцу, чем заходящему», – сказал он. В дальнейшем Помпей многократно получал экстраординарную власть от сената для выполнения каких-либо осо-

бых поручений в сложных для государства условиях. Он всегда блестяще справлялся с любыми делами, будь то война с Митрида-том или пиратами, хозяйничавшими на Средиземном море, пока римляне были заняты междоусобицей, либо обеспечение продовольствием разоренной войнами Италии. Так он стал первым человеком государства, не являясь, однако, даже сенатором. Но его слава принципиально отличалась от славы героев былых эпох. Во времена расцвета Республики народ, даря свою любовь победоносным полководцам, в равной мере радовался и за них и за себя, поскольку их победы были общими, лидеры были едины с массами, по крайней мере, в плане внешней политики. Помпей же держался особняком, стоял вне общины. Он сражался будто бы за Суллу, потом за сенат, но по существу каждый раз за самого себя. Даже триумф он получил, будучи частным человеком, тогда как по законам и согласно традициям триумфатором мог быть только магистрат в ранге претора или консула. Слава Помпея носила частный характер, но и сам он и сенат делали вид, будто не понимают этого, и продолжали заигрывать друг с другом. А плебс и впрямь ничего не понимал, поскольку с отчуждением от государства лишился гражданского сознания. Однако в глубине души Помпей оставался республиканцем, он хотел быть первым среди равных, а не господином над рабами. Ему нравилось, когда его, шествующего по Италии во главе войска, встречала толпа счастливых простолюдинов, а девушки осыпали цветами, он любил похвалы друзей, любил получать подарки, но еще больше – одаривать других. Он предпочитал проявления искренних чувств, а не навязанное силой почитание. В то же время Помпей не желал бесследно раствориться в сенатской массе. Обретя гигантский политический вес личными заслугами, он никак не мог реализовать его в рамках традиционных государственных порядков, тем более что измельчавшие душою сенаторы завидовали ему, боялись его, и старались оградиться от него. Не собираясь превращаться в тирана, Помпей не мог принять и участь рядового гражданина. Поэтому он чурался независимых личностей, последовательных республиканцев, которые свои принципы ставили выше его авторитета, и вынужден был довольствоваться окружением льстецов, которых почитал за порядочных людей на том основании, что они говорили ему сладости. Но, как известно, лесть – это агрессия на коленях, и в конце концов Помпей попал под влияние лиц, несших разрушительный потенциал, и был втянут ими в процесс развала Республики. Позднее он прозрел и пытался выправить положение, но было уже поздно.

Будучи первоначально оцененным по своим личным достоинствам, Помпей оказался введенным в заблуждение относительно свойств общества, в котором он жил. Ему было невдомек, что качественные оценки в Риме уже уступили главенство количественным, и его собственный пример являлся исключением, а не правилом. Поэтому он мнил лучшими людьми тех, кто находился на верху социальной иерархии. Помпей верил в доблесть сенаторского и всаднического сословий, верил в свое государство. Проблемы, с которыми ему приходилось сталкиваться, казались ему следствием злонамеренной зависти отдельных испорченных сенаторов. Лишь на исходе жизни, когда социальная буря встряхнула общество, сорвала с людей маски и обнажила их безобразную суть, он прозрел. Сначала Помпей столкнулся с расчетливым предательством того, кого считал другом, потом в ходе войны с этим самым другом увидел, сколь никчемна и мелочна римская знать, а в Фарсальской битве ему открылась трусость всаднического сословия. Только тогда он понял, что римляне проиграли битву не Цезарю с его галльскими и германскими наемниками, а самим себе, своим порокам, исподволь поразившим их сознание и характер. Именно ввиду этого всеобъемлющего, глубинного разочарования в самих основах римского мира опытный и всегда побеждавший полководец покинул поле Фарсальского сражения.

Пример Помпея показывает, что даже очень талантливый человек положительной для общества направленности интересов не может найти себе места в распадающемся социуме и при благих стремлениях лишь усугубляет ситуацию.

Индивидуализм болезнетворным червем гнезвился в сердцевине характера этой личности и лишал ее цельности. Поэтому и законченные индивидуалисты и последовательные республиканцы считали его чужаком. «Я знаю от кого бежать, но не знаю – к кому», – говорил Цицерон, оказавшись перед выбором: примкнуть ли к Цезарю или к Помпею. «Если победит Цезарь, я умру, если – Помпей, уйду в изгнание», – заявил Катон перед решающим сражением гражданской войны.

Другим носителем подобного «полуфабрикатного» сознания, порожденного раздвоением ценностей в обществе, является Марк Туллий Цицерон. Этот человек больших дарований, доброго нрава и безусловно преданный государству, к недостаткам которого можно было отнести разве только чрезмерное тщеславие, впрочем, весьма безобидное, также не сумел стать спасителем Республики. Хуже того, он нередко служил инструментом в руках разрушитель-

ных сил. Цицерон не хотел видеть антагонистических противоречий своего времени и пытался примирить противоположности, свести вместе добро и зло, коллективное с индивидуалистским. Он выдвинул девиз «согласие сословий», и последовательно проводил в жизнь политику компромиссов. Компромиссы не были следствием его трусости или слабости характера, как считают многие историки, они являлись его принципом. Причем, с заведомо враждебными Республике силами он на сделки не шел, а старался найти контакт с теми политическими фигурами, в которых предполагал наряду с отрицательным также и созидательный потенциал.

Однако тактика лавирования между противоположными социальными силами никогда не приносит в политике победы, она может дать лишь кратковременный успех. У идеи Цицерона об абстрактной, надклассовой и надсословной Республике не было конкретной социальной опоры, слепленное им единство оказалось рыхлительно и быстро распалось.

Умом, душой и всеми силами стремясь к возрождению Республики, Цицерон в конечном итоге способствовал торжеству диктатуры, сначала в лице Цезаря, а затем – Октавиана. Соответствующим было и его духовное самочувствие: как и все честные люди той эпохи, он был беспредельно несчастен. Когда умер видный сенатор, Цицерон позавидовал ему белой завистью. «Он любил Отечество так, что кажется мне, он по какой-то милости богов вырван из его пожара, – написал Цицерон другу, – ибо что может быть более гадким, чем наша жизнь, особенно моя? Если я говорю о государственных делах то, что следует, меня считают безумным; если говорю то, что требуется, – рабом; если молчу – побежденным и пленником; какую же скорбь я должен испытывать?»

Увы, одному человеку не под силу произвольно управлять социальной стихией. Лишь тот политик достигнет успеха, который узреет тенденции общественного процесса, определит социальную силу, выражающую эти тенденции, и придаст ее действиям организованный характер. Цицерон, естественно, не смог подчинить реальность своему сознанию и сам сделался игрушкой обстоятельств. Когда те, кого он считал соратниками, получили от него все, что им требовалось, они казнили его и мертвую голову выставили на Рострах, откуда, будучи живой, она взывала к согражданам с благими призывами.

Двойственность сознания и морали являлись характерным свойством людей той эпохи, впитавшим эту двойственность из самой жизни. Один друг и воспитанник Цицерона выражался примерно

так: «Пока борьба идет на уровне споров, надлежит поддерживать честных, но когда дело доходит до оружия, следует как можно скорее примкнуть к той стороне, которая сильнее». Свой принцип он успешно реализовал на практике и получил по заслугам. Пространно рассуждая о добродетели в Курии и на светских раутах, он переметнулся к Цезарю, едва только тот напал на Италию. Впоследствии он оказался недостаточно послушным, и это стоило ему жизни.

Нравственная раздвоенность людей того периода выражалась и в вовсе анекдотических поступках. Например, консул из аристократического лагеря Эмилий Павел не устоял перед соблазном гигантской взятки и продался Цезарю, но полученные деньги направил на общественные нужды и построил базилику у Форума.

Гораздо последовательнее в своих действиях были солдаты новой, практически наемной армии. Неслучайно легионы стали главным средством индивидуалистов в борьбе с обществом. Цельность характера продемонстрировал убийца Помпея Великого легионер Септимий. Когда-то он сражался под империем выдающегося полководца на благо Отечества и был участником многих славных походов. Не раз он восторженно приветствовал своего полководца, Затем с легионами Габиния он попал в Египет и осел там, сделавшись наемником царя. Именно ему царский приспешник доверил предательское убийство Помпея, которого заманили на лодку якобы для доставки в царский дворец. Помпей узнал Септимия и, назвав соратником, обратился к нему по имени. Однако Септимий не мог быть чьим-либо соратником, ибо являлся наемником. В данном случае ему платил Птолемей, поэтому он, не моргнув, зарезал человека, бывшего гордостью и славой его Отечества.

Наибольшего результата, по историческим меркам, достигли те личности, мировоззрение которых в чистом виде выражало одну из сторон общественного противоречия. Это были Гай Юлий Цезарь и Марк Порций Катон Младший.

Цезарь представлял собою абсолютно аморальную личность... Тяжело звучит. Скажем по-другому, современным языком: он был свободен от комплексов. Каково теперь? Вот она, магия терминологии, ныне прирученная, обузданная и поставленная на службу рекламе и ее разновидности пропаганде. Однако воздержимся от аплодисментов свободе и независимости Цезаря, наша задача – не плясать на руинах человечности, а разбираться в сути явлений.

Цезарь имел три выигрышных свойства, обусловивших его успех: он не умел краснеть, был хитер и обладал лихим вдохновением авантюриста. Благодаря хитрости, он ловко мастерил ловушки друзьям и

конкурентам, тщательно рассчитывал свои операции. Третье качество придавало его действиям стремительность, непредсказуемость, осеяло их налетом талантливости. А первое свойство избавляло его от тормозов и позволяло в полной мере раскрыться второму и третьему; он не видел вокруг себя людей, двуногие воспринимались им лишь как орудия производства его благополучия. Лучшее, на что, по мнению Цезаря, были способны другие люди, это служить ему пьедесталом и восхищаться его талантами.

На фундаменте такого мировосприятия он, конечно же, не мог строить свою жизнь в согласии с обществом, не мог жить в других людях и питать дух их любовью и уважением. Исходная нравственная позиция с неизбежностью толкала его в погоню за формальными, осязаемыми факторами престижа. Высшим уровнем здесь выступала власть. Будучи свободным от республиканских иллюзий соотечественников, Цезарь очень скоро разобрался в рычагах интересовавшего его механизма. «Есть две вещи, укрепляющие и умножающие власть, – говорил он, – войско и деньги, и друг без друга они не существуют». Конечно же, Цезарь не сразу замахнулся на диктаторский жезл. Подобно тому, как томимый неутолимой алчностью бизнесмен в бесконечной погоне за наживой не ставит себе задачи стать непременно самым-пресамым богатым существом во Вселенной, но из каждой сделки стремится выйти с приращением капитала и таким путем постепенно достигает сумасшедшего богатства, Цезарь тоже старался выжать максимальную политическую прибыль из любого общественного мероприятия. В конце концов он зашел так далеко, что обратной дороги уже не было: ему оставалось либо понести наказание за преступления перед государством, либо самому вынести смертельный приговор Республике.

Родственная принадлежность к противникам Луция Суллы смолоду определила политическую ориентацию Цезаря. Он стал врагом знати и, следовательно, сторонником народа, популяром, хотя в принципе все могло быть наоборот, поскольку принципов как раз и не существовало. Стараясь обратить на себя внимание масс, Цезарь встречал во все конфликтные ситуации в государстве и рекламировал себя как противника существовавшего аристократического строя. Попутно он ловил всяческие удовольствия, причем, будучи апологетом количественных ценностей, и в личной жизни полноценной любви предпочитал многочисленность интрижек. Римляне брезгливо называли его: «муж всех жен, жена всех мужей». Были высказывания и порезче.

Вначале карьеры Цезарь пристроился к Крассу. Он питался его

серебром и отработывал гонорар политическими авантюрами, которые, впрочем, не принесли патрону реальной выгоды. Одновременно Цезарь подкармливал крассовыми деньгами плебс, закладывая фундамент для всенародной любви. Когда слава Помпея на политических весах перевесила денежный сундук Красса, Цезарь переметнулся к тому, против кого интриговал прежде. Чутко улавливая политические веяния, он ловко лавировал между различными силами. Удачно Цезарь распоряжался и женской любовью. Он соблазнял жен друзей, благо, это было нетрудно в тот развращенный век, а другим дарил собственных любовниц. Особенно выгодным оказался альянс Цезаря с любовником его жены Клодием. В нужный момент Цезарь сумел помирить Помпея с Крассом, и, опираясь на авторитет одного и деньги другого, приобрести политический вес, а самое главное, стать во главе войска. Намертво вцепившись в императорские фасцы, Цезарь развязал противозаконную, по римским понятиям, войну с Галлией, затем с Германией и Британией, Правдами и неправдами он в несколько раз увеличил армию и фактически приватизировал ее. Грабя галлов, Цезарь давал гигантские взятки сенаторам и тем самым откупался от правосудия.

В этих условиях проявились высшие способности Цезаря. Он был великолепен как полководец, хитер в роли политика, внося разлад в галльские народы и истребляя их порознь. Через продажных сенаторов он контролировал политическую жизнь в Риме, держал Помпея на привязи брачных уз, выдав за него свою дочь. В качестве орудия идеологической защиты Цезарь использовал облеченные в художественную форму доклады сенату о своих военных кампаниях. Имея целью самооправдание перед законопослушными римлянами, он придал «Запискам о Галльской войне» форму исторического труда и в целях создания эффекта объективности писал о себе в третьем лице.

Когда Цезарь достаточно окреп, он, как некогда Ганнибал, вторгся в Италию, неся разрушения и смерть. Всем известна фраза «пусть будет брошен жребий», однако не многие знают, что прежде, чем объявить войну римлянам, Цезарь высказался более основательно перед своим окружением: «Если я воздержусь от этого перехода, друзья мои, это будет началом бедствий для меня; если же перейду – для всех людей». И он перешел Рубикон, навязав Средиземноморской цивилизации многолетнюю войну.

Быстро овладев беззащитным Римом, Цезарь встретил ненависть патриотически настроенных сограждан. Большая часть сената, включая всю верхушку, отправилась в эмиграцию, народ тоже

перестал верить демократическим лозунгам кровавого воителя. Его покинул даже ближайший сподвижник Тит Лабийен. Тогда Цезарь вдруг разом сделался милосердным. Он начал прощать побежденных врагов и зазывать их в свой лагерь. «В этих условиях будем сражаться милосердием, – заявил Цезарь, – пусть милосердие станет нашим новым оружием!» Аристократы знали цену лозунгам диктатора, но солдаты охотно переходили на его сторону, так как он был очень успешен как полководец и щедр. Кстати, за убийство сограждан Цезарь платил legionерам вдвое больше, чем за галлов.

При всех своих достижениях Цезарь, тем не менее, оказался в чрезвычайно сложном положении, поскольку Помпей переиграл его стратегически. Будучи гражданином республики, Помпей берег сограждан и стремился выиграть войну с минимальными потерями. Цезарь же похвалялся величиною урона, нанесенного им римской армии, и в мемуарах завышал потери республиканцев. Такой настрой стал одним из факторов его успеха. Победив при Диррахии, Помпей остановил избиение побежденных, тогда как Цезарь в Фарсальском сражении, наоборот, усилил элемент жестокости войны, приказав своим ветеранам направлять копыя прямо в лицо римским новичкам.

Принеся Отечеству чудовищные беды, Цезарь прекрасно чувствовал себя в обстановке всеобщего горя и страдания. Он принудил к сожительству полностью зависимую от него семнадцатилетнюю Клеопатру, бравировал легким успехом в столкновении с Фарнаком. Каково-то было читать утопающему в крови Риму его заливчатое: «Пришел, увидел, победил»?

Так Цезарь в конце концов воцарился в Риме, но вскоре был убит, точнее растерзан сенаторами из числа как своих исконных соратников, так и милосердно прощенных врагов. Увы, даже чрезвычайно успешное паразитирование на людских бедах не принесло ему счастья.

Цезарь в концентрированном виде воплощал в себе человеческие свойства, затребованные разлагающимся обществом, потому лучше других сумел реализовать в своей деятельности основные тенденции времени, благодаря чему и победил. Однако римское общество не было однородным, агрессивно наступавшая античеловечность еще не стала абсолютной владычицей и достигала побед лишь благодаря эксплуатации идейно, а значит, и нравственно оскопленных масс. Абсолютная однополярность Цезаря, с одной стороны, облегчила ему путь к успеху, но с другой, заставила временно прозреть и возмутиться отмирающую нравственность римлян.

«Я победил Цезаря, – сказал перед смертью Катон, – то, что раньше видел я один, теперь увидели все, теперь все граждане поняли, кто есть Цезарь». Поэтому даже после истребления лучших из римлян, самые слабые, самые трусливые и раболепные, первоначально согласившиеся угодничать перед диктатором, все-таки воспряли духом и уничтожили тирана. Однако римляне уже не могли возродить республику, потому монархия вновь вернулась в их Город, чтобы силой удержать то, что распалось по существу, только в дальнейшем она действовала под прикрытием лицемерия, используя как бы мумию республиканской формы правления.

Катон являл собою противоположный полюс политического спектра последних десятилетий Римского государства, это был республиканец в чистом виде.

В отличие от Помпея или Цицерона Катон «не хватал звезд с неба», но благодаря цельности своей личности в итоге превзошел всех на избранном поприще. Его главным достоинством было чувство истины. Он легко разгадывал все интриги врагов, и тот же Цезарь был для него прозрачен, как медуза.

Еще подростком Марк Катон бросил вызов тому, перед кем раболепствовали самые видные мужи всего Средиземноморского мира. На форуме при большом стечении народа он подступил к Луцию Корнелию Сулле и объявил его преступником. Далее Марк обстоятельно обосновал свое заявление. Сулла вынужден был молча проглотить все упреки. Ответить ему было нечего, поскольку обвинения являлись справедливыми, а применять силу против мальчика – значило в худшем виде подтвердить его слова. И тогда непобедимый диктатор, одолевший могущественнейших царей Азии и Африки, вождей Германии, Италии и самого Рима, впервые потерпел поражение, нравственное поражение.

С того дня Катон поставил себе целью не допустить появления в Риме новых Сулл и начал готовить себя к соответствующей деятельности. Как сказал о нем Сенека, он сражался не за то, чтобы быть свободным, а для того, чтобы жить среди свободных. Сулла реализовывал свои амбиции через войско и террор, Помпей – через славу, Цезарь использовал войско и деньги, Цицерон направлял свои таланты в политику и красноречие. Катон должен был найти собственное оружие, которое могло бы успешно противостоять и деньгам, и войску, и непомерному авторитету отдельных лиц, и двучленной риторике. Он обрел такое оружие. Катон узрел общественное зло в порче нравов и решил победить порок нравственностью. Для того, чтобы морально воздействовать на других, он пре-

жде всего должен был сам стать воплощением морали, ее источником. Честность отвечала его жизненным установкам и воспитанию, теперь же она стала для него смыслом жизни.

Многие современники Катона, как и люди последующих цивилизаций на стадии их упадка, не могли понять и принять эту цельность характера именно в силу своей собственной раздвоенности. Катон представлялся им некой идеализированной абстракцией. «Где-то он должен был схитрить или украсть», — думали они, и это позволяло им снисходительнее относиться к самим себе. Такое лицемерное средство самооправдания подобно темным очкам, которые надевают, чтобы увидеть солнце тусклым и маленьким: увы, кротовые души страшатся яркого света. Тем не менее, приведем некоторые пояснения. Задумаемся, мог ли, скажем, тот же Красс на какой-нибудь пирушке забыться до такой степени, чтобы при игре в кости поставить все свои богатства против грошового перстня простолюдина? А мог ли Цезарь, увлекшись какой-либо галльской пленницей, в угоду ей отказаться от всех своих завоеваний и, соответственно, от перспектив на будущее? А как выглядел бы современный спортсмен, тридцать лет шедший к олимпийскому старту и напившийся в стельку накануне решающего состязания? Все это представляется абсурдом. Так почему же кто-то полагает, будто в отличие от стяжателя и властолюбца Катон мог погубить дело всей своей жизни из-за позыва мелочной слабости?

Честность Катона являлась его войском, его богатством, славой, той силой, которой он преобразовывал мир. Причем, его честность была зрячей и сознательной, она зиждилась на фундаменте передовой философии того времени. Именно Катон прославил в веках стоическое учение, своим примером он материализовал и сделал крылатым выражение «жить по-стоически».

Будучи в низшей сенаторской должности квестора, Катон занимался государственной казной и за год сумел резко оздоровить финансовое состояние государства. Он объявил войну коррупции, очковтирательству, фальсификации и победил, хотя ему противостояли могущественные в Риме люди. Много раз его запугивали, пытались шантажировать или запутать в бухгалтерских джунглях. Однако, поскольку он добросовестно и честно выполнял свои обязанности, противникам не за что было зацепиться, он был неуязвим. Отбив наскоки врагов, Марк перешел в контрнаступление и развернул кампанию против пособников Суллы. Он взыскал с них деньги, выплаченные диктатором за убийство сограждан, а самое главное, такими действиями подверг их моральному осуждению,

после которого они стали предметом открытой ненависти и гонений со стороны общественности. «Катон придал квестуре консульское достоинство», — говорили в Риме.

В звании военного трибуна молодой Катон командовал легионом на Балканах и сделал свое подразделение лучшим в армии. Он не только усилил его боеспособность, но и излечил солдат от разврата и мародерства, повысил их интеллект. Они охотно слушали его философские речи.

Устраивая традиционные представления и угощения народу, Катон приучил избалованный столичный плебс ценить искусство и истинное человеческое общение больше денежных подарков и дорогих яств. В то время народ предпочитал его общественные мероприятия самым помпезным и дорогостоящим шоу своих бывлых любимцев.

Так уже в самом начале своего пути Марк Катон показал, что законы Республики начинают эффективно действовать, едва только люди снимают с себя оковы корысти и возвращаются к своему естеству, он доказал силу философии и нравственности. Казалось, будто реализовалась заветная мечта Платона о мудреце у власти.

Но, увы, все успехи Катона были кратковременными. Мораль покинула римлян ввиду объективных экономических и политических условий эпохи. Поэтому даже необыкновенный нравственный талант Катона мог направлять людей на путь истины лишь до тех пор, пока они видели его перед собою. Они были подобны зрителям в театре, которые сладко плачут над высокими страданиями героев на сцене, а по возвращении домой злобно грызутся из-за хлебной корки.

Агрессивность в обществе нарастала, и антиреспубликанские силы под прикрытием демократических лозунгов стали прибегать к открытому насилию. Но Катон добивался побед и в этих условиях. Когда наемники Цезаря изгоняли неугодных политиков с форума дубинами и камнями, они терялись перед стоической сосредоточенностью Катона и в замешательстве отступали перед ним. Его силой стаскивали с трибуны и волокли по мостовой, а он продолжал держать речь к народу, и это оказывало на людей большее впечатление, чем деньги Цезаря или кинжалы ветеранов Помпея. Лишь после того, как все антиреспубликанские силы объединились и стали действовать откровенно противоправными средствами, им удалось преодолеть сопротивление. Но это уже означало гражданскую войну, в которой так или иначе погибли все действующие лица тех событий.

В какой-то период жизни Катон понял, что его дело обречено на

неудачу, но не из-за предательских происков денег Красса или разрушительной силы наемного войска Цезаря, а потому, что ему не на кого опереться. У Республики уже не было граждан. Ее населяли владельцы дворцов, вилл, рабов и денег, авантюристы, промотавшие отцовские состояния и жаждущие дворцов, вилл, рабов и денег, готовые на все наемники, плебс, поглощающий даровой хлеб, кровавые зрелища и продающий голоса на выборах. Все это были паразиты, разъедающие чрево больного государства. Единственным классом, реально заинтересованным в сохранении республиканского правления, оставались сенаторы. Однако они сделались придатками своих богатств, масштаб их личностей сократился до размеров частной собственности, и они уже не могли объять все государство. Они не мыслили себя хозяевами всей Республики, как то было с их отцами и дедами. Нравственный пример Катона лишь на краткий миг озарял тусклые души этих людей, подобно воспоминаниям молодости, проносящимся сладостным видением в угасающем сознании дряхлого старца. Их высокого порыва хватало лишь на то, чтобы восхищаться Катоном, но не идти за ним.

Поняв, что с такими согражданами победить невозможно, что они в принципе не способны быть победителями, Марк Катон простер взор в будущее. Вопреки торжествующему пороку и пессимистическому цинизму своего века он решил доказать величие человеческой природы и из своей жизни создать нравственный монолит цельной личности, руководствующейся разумом и честью и попирающей корысть во всех ее разновидностях. Он понимал, что в прежнем виде общество пребывать уже не может, а значит, — думал он, — людям вскоре придется от разрушительного индивидуализма перейти к созидательному коллективизму. Полноценное сотрудничество без нравственной основы невозможно, и вот тогда-то, по мысли Катона, его безукоризненная жизнь должна будет послужить добрым уроком потомкам, незапятнанное имя должно стать флагом всех бойцов за возрождение Республики. На этом поприще Катон преуспел и действительно вошел в историю в качестве истинного, последнего республиканца. Запаковать его имя оказалось не под силу никому, тот же Цезарь в своих попытках оклеветать Катона просто смешон. Правда, пример Катона не спас Римскую республику. Цезарь, как он и предполагал, был свергнут, но республиканцы все равно потерпели поражение. Зато нравственная слава Катона всю последующую историю человечества вдохновляла борцов с тиранией, и будет вдохновлять, пока существуют тираны.

Подводя итог рассмотрению этой жизни, следует сказать, что

Катон безусловно добился духовной победы над пороком, но не благодаря обществу, а вопреки ему, противостоя окружающему миру. Чтобы остаться в таких условиях чистым, он превратил свою жизнь в абстракцию, сотворил из нее символ. Этот человек как никто другой тяжело переживал трагедию разрушения римской цивилизации, но свою боль переплавлял в нравственный эликсир на пользу будущим поколениям.

Таковы были полюса личностного спектра, а основную массу составляли люди иного толка. Здесь хорош в качестве иллюстрации сподвижник Цезаря Марк Антоний, который унаследовал от патрона войско, Клеопатру, все его пороки, но отнюдь не достоинства.

Сразу после фарсальской победы Антоний потребовал такой награды, что даже щедрый в распоряжении награбленным добром Цезарь не сумел оплатить его дружбу. Тогда Антоний бросил любимого императора и отбыл в Рим, дабы самостоятельно взыскать с сограждан то, что жаждала его сребролюбивая душа. В столице он первым делом купил дом погибшего Помпея по бросовой цене, однако и ту выплатить отказался. Но жилище первого человека государства не удовлетворило взыскательный вкус римлянина нового типа, поэтому Антоний незамедлительно под аккомпанемент стонов и плача жертв гражданской войны приступил к его реконструкции. Смыслом жизни этого человека были дворцы, способные вместить целое войско, роскошные носилки (античные «Мерседесы»), дорогие рабы, посуда из золота и серебра, гарем проституток. Ночи он проводил в пиршествах и разврате, отчего днем его рвало прямо на форуме, и он блевал в народ с ораторской трибуны.

Сенаторы в стане республиканцев выглядели несколько скромнее, но лишь пока опасались Цезаря. Зато после победы под Диррахием они явили миру свою суть. Величавые патриархи, цвет государства, забыв сенаторскую грацию и достоинство, ругались, как торговцы у мясных лавок, и едва не дрались, оспаривая друг у друга право на должности и имущество Цезаря и его приближенных. А позднее, когда республиканцы потерпели поражение в Африке и их положение сделалось совсем безнадежным, собравший жалкие остатки разбитого войска Октавий начал переговоры с Катоном об объединении сил с обсуждения условий командования. На это Катон сказал: «Можно ли удивляться тому, что погибло наше государство, если даже на пороге смерти нас не покидает властолюбие?» Эти слова Катона лучшим образом подытоживают рассмотрение характеров римлян закатной эпохи.

Тот же трагический путь разложения личности прошли и греки

в период, позднее названный эллинизмом. Когда афинские цезари и антонины сфабриковали судебное дело против греческого прообраза Катона Аристида, народ действительно проголосовал за осуждение и изгнание самого справедливого и честного гражданина своего государства. Один из гонителей объяснил свое решение так: «Мне надоело слышать о его честности и справедливости». Такие вот мотивы руководят массами в эпоху упадка гражданственности. Казнили греки и самого безобидного своего соотечественника Сократа, чтобы неповадно было людям становиться мудрецами. И впрямь: «Где глупость образец, там разум – безумие».

Когда ум, доблесть и честь на вершине иерархии общественных ценностей заменили богатство и низость, лучшие люди Эллады ушли с Агоры, где бурлили пошлые страсти, и углубились в свой внутренний мир, который называли философией. Именно тогда в ответ на упрек в отказе от государственной деятельности Платон сказал: «Афинская демократия безнадежно больна, спасти ее невозможно». Позднее в аналогичных условиях Катон Младший, наставляя своего сына на будущее, говорил ему, что заниматься политикой так, как должно Катону, невозможно, а по-другому – постыдно. Греческие философы попытались осмыслить мир, но, не найдя рационального пути для спасения общества, почили в умирительной созерцательности некоего высшего блага – абстрактной мудрости.

Все три основные философские школы: стоицизм, кинизм и эпикуреизм схожим образом критиковали пороки существующего общества. Относительно укоренившейся в обществе установки на наращивание собственности философы говорили: «Богатство – что морская вода, чем больше пьешь, тем сильнее жажда». «Ни в богатом доме, ни в богатом государстве не может быть добродетели. Стяжатель не может быть хорошим человеком. Богатство по сути своей аморально, – гласила их мудрость. – Люди находятся в рабстве у своих желаний, моральное же рабство хуже физического, оно надевает цепи на всех».

Впечатляющую картину морального разложения изобразили поэты философского направления кинизма: «Людей покинула Совесть, и они из каждого камня готовы выдавить прибыль. Всякий ищет, где бы пограбить, и бросается стремглав в воду и плывет к своей добыче, готовый утопить на пути друга, брата, жену. Для этих людей нет ничего святого, они, не задумываясь, превратят море в сушу, а сушу – в море ради низкой выгоды. Эти люди перевернули нашу жизнь. Ведь некогда священная Справедливость ушла и

никогда больше не вернется. Процветает неверие, а вера покинула землю. Бесстыдство стало сильнее Зевса. Низость господствует над людьми. Будь проклята нынешняя жизнь и презренны все люди, живущие такой жизнью. Они тащат откуда только могут, и нет для них ни близкого, ни дальнего. Закон их не страшит. Как люди могут жить среди таких зверей...»

«Народу много, а людей нет, – говорил философ Диоген и, пробираясь белым днем с зажженным фонарем в руках сквозь городскую толпу, возвещал: «Ищу человека». – Чудовищный приговор! История не знает более жестокого и горького упрека людям, забывшим о самих себе и подчинившимся вещам.

Верно определив, что пороки и несчастья приходят к людям через неразумные потребности, которые деформированной психологией вырождающегося общества возводятся в ранг главных целей и удовольствий жизни, греческие философы, тем не менее, не сумели отделить искусственные потребности, привнесенные в мир людей из хлама вещей, от естественных, духовных ценностей.

Киники, например, отрицали все подряд: и материальные богатства, которые искажают взаимоотношения между людьми, выхлащивают их жизнь, и богатство человеческого общения, радости совместного созидания. Чем меньше желаний, тем меньше связей, тем свободнее человек! – решили они, не подумав при этом, что идеальной свободой при таком подходе будет смерть, действительно избавляющая от всяческих связей. Абсолютизируя свободу, киники лишились доброго и злого и как бы самоустранились из общества и жизни. Не имея возможности преобразовать мир, они преобразовали свои взгляды и оценки, а это явилось своего рода приспособленчеством. По сути, философия кинизма была лишь бегством от жизни, трусостью пред социальными бедами, безвольным протестом самоубийцы.

Стоицизм, при такой же резкой критике пороков зашедшей в тупик цивилизации, какая проводилась киниками, все же не отвергал целиком общественную жизнь и государство. Идеология стоиков казалась будто специально созданной для всех оскорбленных и несправедливо изгнанных. Мыслящие люди той эпохи и впрямь чувствовали себя изгнанниками в опьяненном жаждою наживы обществе, где жизнь проходила в хмельном чаду разнузданной вакханалии алчности.

В идейном противостоянии чуждому обществу стоик взрастил в себе высокий дух и во всех житейских невзгодах находил опору в самом себе, он умел довольствоваться собою, что делало его не зави-

симым от окружающих условий. Стоик постиг космическую мудрость, и все желания, влечения и удовольствия обывателей виделись ему ничтожными. Он не отрицал таких ценностей как сила, здоровье, стремление к продолжению рода, любовь к детям, но смотрел на них свысока, считая животными ценностями, поскольку они присущи и животным. Истинно же человеческим качеством, в его понимании, является способность различать добро и зло и, исходя из этого, исполнять свой долг, который состоит в том, чтобы жить в согласии с природой. Все человеческие страсти, по мнению стоиков, порочны, так как порочна всякая неумеренность, нарушающая плавность все-ленского движения. Стоик, на первый взгляд, выглядел сильной, самодостаточной личностью, осененной знанием высшего смысла бытия. Его не способны были вывести из равновесия беды и радости человеческого муравейника, ибо душа его парила высоко над землей и касалась лучей божественного разума.

Этот идеологический Олимп стоической личности основывался на соответствующем мировоззрении. «Вселенная – одно большое живое существо, – учили стоики, – ее душа – бог, а сердце – солнце. Бог – активная составляющая Космоса, творческая, разумная сила природы. Эта сила формообразует косную, аморфную материю, подчиняет ее собственной разумной воле. Бог же всемогущ. Он все знает, все предвидит и сознательно ведет мир к благой цели».

Таким образом, Космос движется к прогрессу, Вселенная постоянно совершенствуется. Именно это убеждение позволяло стоикам равнодушно взирать на людские беды и мириться с окружающей неустроенностью. В самом деле, если все в целом превосходно, то стоит ли страдать из-за несовершенства отдельных частей? Кроме того, человек мал, ему не постичь божественный замысел, и то, что на земле воспринимается как зло, с небес, с глобальных позиций Вселенной, возможно, видится благом, и даже должно выглядеть благом, коль конечный итог – торжество добра.

Из такого представления о мире с неизбежностью следует пассивное, созерцательное отношение к жизни. Видимое зло ничтожно, да к тому же обречено, бог всемогущ и не нуждается в помощи людей, а сами люди являются игрушкой судьбы, ибо все заранее предопределено замыслом творца. Вот такими взглядами и объясняется неземное спокойствие стоиков, такие мысли одурманивали их ум и усыпляли сердце, благодаря чему они равно презрительно смотрели и на суемящегося в грошовых заботах торгаша, и на отстаивающего справедливость оратора, и на спасающего Родину героя. Увы, стоицизм – философия уставших духом. По сути, отли-

чие стоиков от киников невелико: хотя те вели себя, как собаки, а эти – как боги, одни смотрели на жизнь со стороны, другие – сверху, однако и первые, и вторые находились вне ее, вне жизни, они самоустранились.

Кроме того, в учении стоиков легко обнаружить и формальные противоречия. Так, если Вселенная идет по пути прогресса к совершенству, то почему по истечении мирового года, исчисляемого стоиками в десять тысяч восемьсот лет, мир гибнет в хаосе космического пожара, чтобы затем возродиться вновь? Где справедливость, если гибнет совершенное, и почему мир гибнет, если он достиг совершенства, ведь разрушение начинается там, где есть изъяны? И зачем богу наделенные сознанием и душою люди, если он всемогущ? Зачем создавать столь изощренные существа, если не использовать их в своих целях, то есть в утверждении всемирного добра? И зачем, вообще, всемогущему что-то упорядочивать и совершенствовать, если он в силу своего могущества сразу способен создать совершенное?

Анализируя стоицизм в совокупности с породившими его условиями, следует сделать вывод, что отвлеченные умопостроения, основанные на задействовании вселенского разума, поиски так называемого высшего смысла затеваются тогда, когда теряется смысл реальной жизни.

Эпикуреизм, будто бы наоборот, призывал найти радость в земной жизни, и отстранился от божественного вмешательства. Материализм Эпикура в какой-то степени являлся реакцией на разочарование в идеализме стоиков и Платона. В условиях неумолимо нарастающего общественного и нравственного кризиса в эллинском мире продолжать уповать на космический разум или божественную волю уже было невозможно. Потому Эпикур предпринял попытку объяснить мир, исходя из него самого. Он сказал, что Вселенная состоит из предметов, пустоты, где они движутся, и их свойств. Человек через свои ощущения воспринимает свойства предметов и таким путем получает представление о предметах в виде их образов. Дополнительно он ввел в рассуждения несколько критериев, в той или иной мере характеризующих предварительный опыт в отношении воспринимаемых явлений. Богам же в его мире места не осталось, но он освободился от них весьма остроумно. Учитывая религиозную основу мировоззрения своих современников, Эпикур не стал отрицать наличия богов, а просто объявил их в высшей степени счастливыми. Гнев, страх, забота, милость несовместимы с блаженством, – заявил он, – а, значит, боги не мо-

гут участвовать в земных делах и делить с людьми их труды и несчастья. Цицерон охарактеризовал позицию Эпикура с римской проничательностью и прямоотой: «По мнению Эпикура, никаких богов нет, а то, что он сказал о бессмертных богах, сказано им для отвращения негодования... Божество у него нечто слабое и презренное, ничего никому не уделяющее, ничего не дарящее, ни о чем не заботящееся, ничего не делающее. Но такого существа совершенно быть не может, и Эпикур, видя это, на деле отвергает, на словах же оставляет богов».

В отношении к существовавшему тогда обществу и господствовавшим в нем ценностям Эпикур в принципе разделял свойственную всем мыслящим людям позицию неприятия и отторжения. Идол золотого тельца, столь любезный нраву маленьких людей, вызывал у него такое же презрение, как и у стоиков и киников. Он отлично понимал чужеродность денежного критерия человеческой природе. «Если вы хотите сделать Пифокла богатым, – то не прибавляйте ему денег, а убавьте его желания», – говорил он об одном из своих знакомых. «Беден не тот, у кого мало что есть, а тот, кто хочет иметь больше, – пишет Сенека, пересказывая и развивая мысль Эпикура. – Разве ему важно, сколько у него в ларях и закромах, если он зарится на чужое и считает не приобретенное, а то, что надобно еще приобрести? Ты спросишь, каков предел богатства? Низший – иметь необходимое, высший – иметь столько, сколько с тебя довольно». Сенека приводит и другие высказывания Эпикура на эту тему, например: «бедность, сообразная закону природы, большое богатство»; «Кому не кажется верхом изобилия то, что есть, тот останется бедняком, даже сделавшись хозяином всего мира»; «Если в жизни ты сообразуешься с природой, то никогда не будешь беден, а если с людским мнением, то никогда не будешь богат»; «Многие, накопив богатство, нашли не конец бедам, а другие беды».

Итак, Эпикур, как и философы других школ, не мог и не желал жить в кротовом мирке стяжательства. Он пребывал вне государственных дел и философствовал с друзьями в скромном доме с садом, который впоследствии прославился проходившими там диспутами – «Сад Эпикура». Будучи последовательным материалистом, Эпикур не мог, подобно стоикам, утешаться грядущим даром Вселенского разума, и отвлеченно мудрствовать, взирая в небеса. Он должен был найти смысл жизни на земле, и узрел его в стремлении к счастью, блаженству. Термины «счастье» и «блаженство» сразу недобро возбудили человеческую моль, порхающую по поверхности жизни, которая, словно на свет лампочки, слетелась на имя

Эпикура и заслонила его мысли для многих людей. На самом деле философ под блаженством понимал независимость от страстей и страхов, основанную на познании мира, и следование природе.

Надо признать, все это созвучно нашим рассуждениям и хотелось бы согласиться с Эпикуром, вот только природу человека он выводил не из общества, которое в его время окончательно деградировало, а, наоборот, из условия отстранения от общества. Поэтому в итоге его постигла участь, отведенная им богам. Объявив богов абсолютно счастливыми существами, Эпикур тем самым устранил их из мира. Они же наказали его за непочтительность, уготовив его «безмятежному счастью» ту же судьбу небытия. Неспроста впоследствии Лукреций называл богом самого Эпикура. Кстати сказать, судьба обошлась с ним цинично и жестоко: он, учивший не страшиться смерти, умер в жестоких мучениях от тяжелой болезни.

Впрочем, Эпикур сам ощущал ущербность счастья автономной личности, поэтому на деле стремился возродить человеческое общество, свободное от корысти, в кругу своих учеников. «Каждый из нас для другого стоит битком набитого театра», – говорил он, тем самым выражая значимость общения.

Учение Эпикура развил римлянин Тит Лукреций, создавший эпическую философскую поэму «О природе вещей». Однако в рамках нашей темы Лукреций интересен нам не столько теорией об атомах или о возникновении сложных физических тел из простых и даже не гипотезой об атомистическом строении души, а мироощущением, которым окрашена вся поэма. Он жил в I веке до н. э, то есть во времена Помпея, Цицерона и Катона, в эпоху развала Республики. Поэтому он не только развил философию Эпикура, но и с римской беспощадностью высветил, обострил сокрытый в ней, как и во всем эллинистическом, а теперь и римском мировоззрении пессимизм. Размашисто рисуя мать-природу во всей ее животворящей мощи и красоте, Лукреций противопоставил ей изменившего своему естеству человека как «жалкое, глупое, самонадеянное существо, жизнь которого полна ошибок, пороков и преступлений и которому надлежит быть уничтоженным целиком, раз и навсегда в бездне космических становлений» (Античная литература, Москва, «Просвещение», 1986, стр. 307). Зревшее, как гроза, по ходу поэмы предчувствие конца света, очистительной катастрофы, которая стерла бы с лица Земли утопшее в пороках, безнадежно больное алчностью индивидуализма человечество, наконец разрешилось в финальной сцене поэмы, где изображена картина чумы в Афинах во времена Перикла. Вот как выглядит эта сцена в прозаическом

переводе (там же):

«У людей поднимается огромная температура, наливаются глаза кровью, гортань изрыгает черную кровь, затекает шершавый язык. От человека исходит смердящий запах падали. Безысходная тоска соединяется с мучительными стонами. Мышцы схватываются судорогой, тело покрывается язвами, распяляются внутренности нестерпимым огнем. Иные бросались в воду, чтобы охладить раскаленное тело. Многие низвергались вниз головой в колодцы. Люди бессильно корчились на своих ложах, а врачи, видя перед собой дико блуждающие взоры больных, что-то бормотали про себя и немели от страха. А люди, у которых уже путались мысли, хмурили брови, имея дикое и свирепое выражение лица, в ушах у них раздавался несмолкаемый шум, прерывалось дыхание, и тело покрывалось потом. С хриплым кашлем брызгала соленая слюна шафранового цвета. У несчастных тряслись руки и ноги, а после жара их охватывало холодом. С наступлением смерти разевался рот, заострялся нос, растягивалась кожа на лбу, впадали глаза и виски, твердели и холодели губы. Люди мучались по восьми или девяти дней, а если кто и выживал, то язвы по всему телу и черный понос все равно приводили больного к роковому концу. Болела голова, из ноздрей текла гнилая кровь, люди лишались рук, ног и других частей тела, а иной раз и зрения. Люди валялись на улице, издавая такой смрад, что к ним не решались приближаться даже хищные звери и птицы. Родные покидали друг друга, спасаясь от болезней, но это ни к чему не приводило. Умерших хоронили кое-как и вовсе не хоронили. Прекратились все работы на полях и в самом городе. Все было завалено трупами, не исключая и храмов, и часто один труп лежал на другом. Весь город был набит стекавшимися отовсюду людьми; и все они погибали от грязи, смрада и скученности жилья. Везде пылали похоронные костры, из-за которых обреченные люди дрались, желая сжигать своих, а не чужих».

Так через внешние признаки была изображена внутренняя, моральная и интеллектуальная деградация человечества. Чем не Апокалипсис, тем более что это произведение наряду с другими и вместе с самой действительностью предвещало христианство?

Это настроение римлян в канун гибели Республики. А каково было их мироощущение в императорское время? С утверждением принципата, то есть политической гегемонии одного, первого лица в государстве, в столице установилось спокойствие. Все войны и гражданские волнения откатились к периферии огромной империи. Сенат превратился в декоративный орган. Идеи из политики ушли,

и мысль более не тревожила обывательский сон населения разбогатевшего Рима. Наступила эпоха материального благополучия, сытости, развлечений, когда сенаторам уже не нужно было заботиться о государстве и все свои силы они тратили на роскошь и разврат, а столичный плебс бесплатно вкушал дары всего Средиземноморья и половину дней в году проводил в цирках и театрах на всевозможных шоу, наслаждаясь зрелищем, так сказать, боевиков и триллеров в живую. И вот как эту эпоху сытого «благоденствия» представляет римский аристократ, консул Корнелий Тацит.

«Я приступаю к рассказу о временах, исполненных несчастий, изобилюющих жестокими битвами, смутами и распрями, о временах диких и неистовых даже в мирную пору, — пишет он, — четыре принципса, погибших насильственной смертью, три гражданские войны, ряд внешних и много таких, что были одновременно и гражданскими, и внешними, удачи на Востоке и беды на Западе — Иллирия объята волнениями, колеблется Галлия, Британия покорена и тут же утрачена, племена сарматов и свебов объединяются против нас, растет слава даков, ударом отвечающих Риму на каждый удар, и даже парфяне, следуя за шутом, надевшим личину Нерона, готовы взяться за оружие. На Италию обрушиваются беды, каких она не знала никогда или не видела уже с незапамятных времен: цветущие побережья Кампании где затоплены морем, где погребены под лавой и пеплом; Рим опустошают пожары, в которых гибнут древние храмы, выгорел Капитолий, подожженный руками граждан. Поруганы древние обряды, осквернены брачные узы; море покрыто кораблями, увозящими в изгнание осужденных, утесы запятнаны кровью убитых. Еще худшая жестокость бушует в самом Риме, — все вменяется в преступление: знатность, богатство, почетные должности, которые человек занимал или от которых он отказался, и неминуемая гибель вознаграждает добродетель. Денежные премии, выплачиваемые доносчикам, вызывают не меньше негодования, чем их преступления. Некоторые из них в награду за свои подвиги получают жреческие и консульские должности, другие управляют провинциями императора и вершат дела в его дворце. Внушая ужас и ненависть, они правят всем по своему произволу. Рабов подкупами восстанавливают против хозяев, вольноотпущенников — против патронов. Если у кого нет врагов, его губят друзья».

Следует отметить, что это взгляд человека, способного видеть дальше ограды своей виллы и текущего дня. В то же время разбогатевшие вольноотпущенники были довольны сложившимся положением, когда они, представители примитивных, побежденных народов, получили возможность посредством серебряных кругляшей господ-

ствовать над потомками победителей. Закон преуспевания для них состоял всего лишь в том, чтобы нещадно душить слабых и пресмыкаться перед сильными, лелея тайную надежду в подходящий момент сделать подлость кому-либо из сильных и занять его место. Кроме этих «пресмыкающихся», на первый взгляд, выглядел довольным и столичный плебс. Казалось, что может быть проще его жизни? Льсти патронам, получай даровой хлеб от государства, неистовствуй в цирке в толпе «фанов» «зеленых» или «синих», требуя крови неудачливых гладиаторов, да вкушай прелести многочисленных проституток, «настоящих профессионалок»! Большая часть этих людей действительно не могла жить по-другому. Все их способности атрофировались, потребности претерпели искажение, кругозор сузился. Те трагедии, о каких писал Тацит, представлялись им чем-то вроде «Чечни», «Югославии» или «Ирака», воспринимаемых сегодняшними обывателями как абстрактная «страшилка» в калейдоскопе телевизионной рекламы и боевиков, где живая кровь ничем не отличается от обильно разливаемой на телеэкране красной краски. Однако жизнь этих людей сродни фантазмагорическому существованию пьяницы, который полдня озабочен поиском бутылки, а остальную часть суток страдает с перепоем, но менять в своей жизни ничего не хочет.

Но кто-то же должен был чувствовать себя счастливым в Империи, если так много людей стремилось развалить Республику? Наверное, Империя в первую очередь должна была осчастливить самих императоров?

О Цезаре мы говорили. Он достиг единодержавия и получил двадцать три раны – участь хуже, чем у свиньи, которую обычно стараются зарезать одним ударом. Самый благополучный принцепс Август прожил долго, но тоже как-то безрадостно: с любимой женой беседовал по конспекту, пасынку говорил об отношении к ним народа: «Пусть говорят о нас дурно, лишь бы не могли сделать нам дурного», а перед смертью простился с человечеством греческим стихом:

*«Коль хорошо сыграли мы, похлопайте
И проводите добрым нас напутствием».*

Видимо, ему было просто недосуг быть счастливым; все время приходилось интриговать и играть роль. Ну, ладно, Август был озабочен становлением новых форм государства, а вот Тиберий получил Империю в готовом виде, сильной, богатой и замиренной. Живи себе да радуйся.

Тиберий стал принцепсом, то есть, по-нашему, императором, в

возрасте 55-56 лет. Большую часть жизни он провел в военных походах, руководя боевыми операциями против германцев – в то время самых сильных врагов римлян. Довелось ему побывать и правой рукой Августа в управлении делами государства, и пережить скрытую опалу императора. Находясь у подножия трона, Тиберий наблюдал со стороны лицемерие и низкопоклонство знати императорской эпохи. Обладая истинной римской гордостью, он с равным презрением относился и к раздутому лестию величию, и к раболепью нобилей перед более могущественными.

Естественно, что, получив власть, этот опытный, умный, давно сформировавшийся муж, имевший за плечами немало реальных достижений, предпринял попытку оздоровить придворные нравы и поднять самосознание сената.

«Поначалу он повел себя как хороший гражданин и едва ли не проще, чем частный человек, – пишет о нем античный биограф Гай Светоний. – Из множества высочайших почестей принял он лишь немногие и скромные... Запретил он называть сентябрь месяц «Тиберием», а октябрь – «Ливием». Звание императора, прозвище отца Отечества... он отверг... Угодливость ему была так противна, что он не подпускал к своим носилкам никого из сенаторов ни для приветствия, ни по делам. Когда один консуляр, прося у него прощения, хотел броситься к его ногам, он так от него отшатнулся, что упал навзничь. Даже когда в разговоре или пространной речи он слышал лесть, то немедленно обрывал говорящего, бранил и тут же поправлял. Когда кто-то обратился к нему «государь», он тотчас объявил, чтобы более его так не оскорбляли... Но и непочтительность, и злословие, и оскорбительные о нем стишки он переносил терпеливо и стойко, с гордостью заявляя, что в свободном государстве должны быть свободны и мысль, и язык... Он вставал перед консулами с места и уступал им дорогу... Нравы общества, пошатнувшиеся от нерадивости или дурных обычаев, он пытался исправить. На театральные представления и гладиаторские бои он сократил расходы, убавив жалованье актерам и сократив число гладиаторов».

Борясь с роскошью и неумеренностью пиршеств, он, по словам Светония, собственным примером побуждал народ к бережливости, он сам на званных обедах подавал к столу вчерашние и уже початые кушанья, например, половину кабана, уверяя, что на вкус половина кабана ничем не отличается от целого... Развратных матрон, на которых не находилось общественного обвинителя, он велел по обычаю предков судить близким родственникам».

«Я не раз говорил и повторяю, отцы-сенаторы, что добрый и благожелательный правитель, обязанный вам столь обширной и полной властью, должен быть всегда слугою сенату, порою – всему народу, а подчас – и отдельным гражданам», – заявил Тиберий в одной из первых речей в звании наследника Августа.

Однако вскоре монаршая власть проявила свой норов и стала властвовать над самим монархом. Господин сделался рабом. Перемена была столь разительной, что ее отметили современники и отразили в своих трудах античные историки.

«Нравы его в разное время были... несхожи, – писал Корнелий Тацит. – Жизнь его была безупречна, и он заслуженно пользовался доброю славой, пока не занимал никакой должности или при Августе принимал участие в управлении государством; он стал скрытен и коварен, прикидываясь высокодобродетельным, пока были живы Германик и Друз (приемный и родной сыновья Тиберия); он же совмещал в себе хорошее и дурное до смерти матери; он был отвратителен своей жестокостью, но таил ото всех свои низкие страсти, пока благоволил к Сеяну или, быть может, боялся его; и под конец он с одинаковой безудержностью предался преступлениям и гнусным порокам, забыв о стыде и страхе и повинувшись только влечениям».

Поистине этот человек являет собою портрет целой цивилизации в ее развитии, расцвете и деградации. По мере продвижения по жизни он подвергался влиянию различных общественных связей, которые словно вытягивали из него на свет то одни, то другие качества. Под действием круто меняющихся общественных условий у него словно попеременно вырастали то слоновий хобот, то хвост кенгуру, то олени рога, то ослиные уши.

Вознесшись на вершину искусственно созданной, противоестественной общественной пирамиды, Тиберий взглянул вниз, и голова его закружилась, а сердце похолодело от страха: у ног его разверзлась пропасть. Он оказался вырванным из естественной сети общественных связей и очутился в человеческой пустыне, в непроглядном мраке, в котором ему мерещились хищно светящиеся пассти всевозможных химер, сродни тем, что населяют океанские глубины. «Я держу волка за уши», – говорил Тиберий, характеризуя свое положение властелина мира.

Вытащите глубоководную рыбу из морской пучины, и она раздуется как шар, превратится в чудовище и лопнет. Подобное происходит и с нравом человека, когда он оказывается вне давления социальной атмосферы.

Гигантский потенциал римского государства, втиснутый в императорский титул, задавил личность Тиберия и похоронил его под собою. Ни для себя самого, ни для других он не был человеком, а являлся лишь носителем власти. Эта власть всех пугала и у всех вызывала зависть. Металлический блеск короны манил авантюристов разного толка, которые слетались к трону, как мухи на огонь, обжигаясь сами и жая других. Вокруг Тиберия бурлили нездоровые страсти, и не было ничего истинного, настоящего, прочного, за что можно было бы ухватиться. Почва уходила у него из-под ног, превращаясь в смертоносную топь. Власть источала жар, размягчавший самые твердые характеры, испускала ядовитые пары, помрачавшие высочайшие умы, заражала воздух бактериями алчности и предательства. Кто бы ни приближался к монарху: герой ли, гений, родственник или соратник – каждый, попадая в чумной барак тронного зала, лишался рассудка и, одержимый неизбывной страстью, впадал в порок, неистовствуя в вакханалии преступлений, пока сам не становился жертвой.

Угодив в клоаку абсолютной власти, умудренный опытом, добропорядочный, пожилой человек за несколько лет превратился в то, что грязной кляксой запечатлелось в истории. Для полноты образа приведем некоторые высказывания Светония.

«На Капри, оказавшись в уединении, он дошел до того, что завел особые постельные комнаты, гнезда потаенного разврата. Собранные толпами отовсюду девки и мальчишки... наперебой совокуплялись перед ним по трое, возбуждая этим зрелищем его угашающую похоть».

«С течением времени он перешел к открытому вымогательству... Гнея Лентула Авгура, очень богатого человека, он угрозами и запугиваниями довел до самоубийства в надежде стать единственным его наследником... В Галлии, в Испании, в Сирии и в Греции он у местных правителей отбирал имущество по самым пустым и бесстыдным наговорам».

«Ливия, мать его, стала ему в тягость: казалось, она притязала на равную с ним власть... Он и потом не посетил ее, когда она заболела, и заставил напрасно ждать себя, когда она умерла, так что тело ее было погребено лишь много дней спустя, уже разлагающееся и гниющее».

«От Германика у него было трое внуков – Нерон, Друз и Гай... Тиберий сам написал на них обвинение (первых двух), полное самых ядовитых нареканий, и, когда они были объявлены врагами Отечества, умертвил их голодом, Нерона – на острове Понтии, Друза – в подземелье Палатинского дворца».

«Дня не проходило без казни, будь то праздник или заповедный день... Родственникам казенных запрещено было их оплакивать. Обвинителям, а часто и свидетелям назначались награды, никакому доносу не отказывали в доверии».

«Из тех, кого звали на суд, многие закалывали себя дома, уверенные в осуждении, избегая травли и позора, многие принимали яд в самой курии, но и тех с перевязанными ранами, полуживых, еще трепещущих, волокли в темницу... в один день двадцать человек были сброшены в Тибр, среди них – и женщины, и дети. Девственниц старинный обычай запрещал убивать удавкой, поэтому несовершеннолетних девочек перед казнью растлевал палач. Кто хотел умереть, тех силой заставляли жить. Смерть казалась Тиберию слишком легким наказанием».

«Еще сильнее и безудержней стал он свирепствовать, разъяренный вестью о смерти сына своего Друза... Когда он узнал, что его погубило отравой коварство жены его Ливиллы и Сеяна, то не было больше никому спасенья от пыток и казней. Дни напролет проводил он, целиком погруженный в это дознание».

«Но среди этих злодеяний, окруженный ненавистью и отвращением, он не только вечно трепетал за свою жизнь, но даже терзался оскорблениями».

«Его мятущийся дух жгли еще более бесчисленные поношения со всех сторон. Не было такого оскорбления, которого осужденные не бросали бы ему в лицо или не рассыпали подметными письмами в театре».

«Даже Артабан, парфянский царь, позорил его в послании, где попрекал его убийствами близких и дальних, праздностью и развратом, и предлагал ему скорее утолить величайшую и справедливую ненависть сограждан добровольной смертью. Наконец он сам себе стал постыл: всю тяжесть своих мучений выразил он в начале одного письма такими словами: «Как мне писать вам, отцы-сенаторы, что писать и чего пока не писать? Если я это знаю, то пусть волей богов и богинь я погибну худшей смертью, чем погибаю вот уже много дней».

«Тиберия – в Тибр!» – кричал народ, когда он наконец-то нашел избавление от власти в смерти.

Итог этой жизни емко подвел Корнелий Тацит: «Так обернулись для него казнью его собственные злодеяния и мерзости! И недаром мудрейший из мудрых (Сократ – по определению Дельфийского оракула) имел обыкновение говорить, что, если бы удалось заглянуть в душу тиранов, то нам предстало бы зрелище ран и язв,

ибо как бичи разрывают тела, так жестокость, любострастие и злые помыслы – душу. И действительно, ни единовластие, ни уединение не оградили Тиберия от душевных терзаний и мук, в которых он сам признался».

Итак, порок и преступление налицо, но кто же истинный преступник?

«Всяк грешен смертный царь, грех его – престол!» – отвечает нам классик.

Следующие императоры попадали в лапы власти с юных лет, поэтому она без труда управлялась с ними и, в краткий срок запятнав всеми мыслимыми и немыслимыми пороками, отправляла на тот свет, предавая тела земле, а имена – вечному позору.

Калигула, например, быстро вычерпал все удовольствия, предоставляемые роскошью и вседозволенностью на Земле, и возжелал небесных наслаждений. По словам Светония, «по ночам, когда сияла полная Луна, он неустанно звал ее к себе в объятья и на ложе, а днем разговаривал наедине с Юпитером Капитолийским».

Снова предоставим слово Светонию, дабы не брать себе грех на душу, да и невозможно это пересказать своими словами.

«Со всеми сестрами жил он в преступной связи... Говорят, одну из них, Друзиллу, он лишил девственности еще подростком... Остальных сестер он любил не так страстно и почитал не так сильно: не раз он даже отдавал их на потеху своим любимчикам. Тем скорее он осудил их за разврат и за участие в заговоре против него».

«Собираясь казнить брата, который будто бы принимал лекарства из страха отравы, он воскликнул: «Как? Противоядие против Цезаря?»»

«Казнить человека он всегда требовал мелкими частыми ударами, повторяя свой знаменитый приказ: «Бей, чтобы он чувствовал, что умирает!»».

«... он рассыпал огромные кучи золотых монет по широкому полу и часто ходил по ним босыми ногами или подолгу катался по ним всем телом».

Не удивительно, что: «По ночам он не спал больше трех часов подряд, да и то беспокойно... не в силах лежать без сна, он большую часть ночи проводил то сидя на ложе, то блуждая по бесконечным переходам и вновь и вновь призывая желанный рассвет».

В конце концов Калигулу зарезали его же стражники. С криком: «бей еще!» они нанесли ему тридцать один кинжальный удар, побив рекорд людской ненависти к тиранам до тех пор принадлежавший Юлию Цезарю.

Еще один образчик «избранника богов» император Нерон, получив хорошее воспитание, смолodu пытался выглядеть добропорядочным правителем.

«Когда ему положили на подпись указ о казни какого-то уголовного преступника, – пишет Светоний, – он воскликнул: «О если бы я не умел писать!» Граждан из всех сословий он приветствовал сразу и без напоминаний. Когда сенат воздавал ему благодарность, он сказал: «Я еще должен ее заслужить»... В гладиаторской битве... он не позволил убить ни одного бойца, даже из преступников».

Однако недолго тигрица-власть игралась с этим мышонком.

«Ни одного платья он не надевал дважды... Рыбу ловил позолоченной сетью из пурпурных и красных веревок. А путешествовал не меньше, чем с тысячей повозок: у мулов были серебряные подковы», – свидетельствует Светоний.

«Когда он пел, никому не дозволялось выходить из театра, даже по необходимости. Поэтому, говорят, некоторые женщины рожали в театре, а многие, не в силах его более слушать и хвалить, перебирались через стены, так как ворота были закрыты, или притворялись мертвыми, чтобы их выносили на носилках».

«А собственное тело он столько раз отдавал на разврат, что едва ли хоть один его член остался неоскверненным. В довершение он придумал новую потеху: в звериной шкуре он выскакивал из клетки, набрасывался на привязанных к столбам голых мужчин и женщин и, насытив дикую похоть, отдавался вольноотпущеннику Дорифору: за этого Дорифора он вышел замуж, как за него – Спор, крича и вопя как насилуемая девушка... Он твердо был убежден, что нет на свете человека целомудренного и хоть в чем-то чистого, поэтому тем, кто признавался ему в разврате, он прощал и все остальные грехи».

«... он выстроил дворец, назвав его... Золотым... площадь его была такова, что тройной портик по сторонам был в милю длиной; внутри был пруд, подобный морю, окруженный строениями, подобными городам, а затем – поля, пестреющие пашнями, пастбищами, лесами и виноградниками, и на полях – множество домашней скотины и диких зверей. В остальных покоях все было покрыто золотом, украшено драгоценными камнями и жемчужными раковинами; в обеденных палатах потолки были штучные, с поворотными плитами, чтобы рассыпать цветы, с отверстиями, чтобы рассеивать ароматы; главная палата была круглой и днем и ночью безостановочно вращалась вслед небосводу; в банях текли соленые и серные воды. И когда такой дворец был закончен и освящен, Нерон

только и сказал ему в похвалу, что теперь наконец он будет жить по-человечески».

Увы, ничего человеческого Золотой дворец в его жизнь не привнес, как и все золотые дворцы всех эпох — своим узникам-владельцам, заточенным в их камень и металл.

Свою мать Нерон когда-то называл «лучшей матерью». Но то был другой Нерон: тогда он только хлебнул власти, но еще не захлебнулся ею. Позднее Агриппина стала мешать ему в его великих начинаниях, поскольку «строго судила его слова и поступки». Далее снова обращаемся к Светонию. «Три раза он пытался отравить ее, пока не понял, что она заранее принимает противоядия. Тогда он устроил над ее постелью штучный потолок, чтобы машиной высвободить его... и обрушить на спящую, но соучастникам не удалось сохранить замысел в тайне. Тогда он выдумал распадающийся корабль... он самым нежным письмом пригласил ее в Байи... А когда он узнал, что все вышло иначе, что она ускользнула вплавь... он, не в силах ничего придумать, велел... мать умертвить, как будто она, уличенная в преступлении (якобы покушении на сына), сама наложила на себя руки».

Народ и сенат, вполне достойные своего правителя, восхвалили сей славный подвиг императора и объявили благодарственные молебствия богам.

«Женат после Октавии он был дважды... Жизнь с Октавией быстро стала ему в тягость... После нескольких неудачных попыток удавить ее он дал ей развод... потом он ее сослал и, наконец, казнил по обвинению в прелюбодеянии — столь нелепому и наглому, что даже под пыткой никто не подтвердил его, и Нерон должен был нанять лжесвидетелем своего дядьку».

«Поистине никого из близких не пощадил он в своих преступлениях. Антонию... которая отказалась выйти за него замуж, он казнил, обвинив в подготовке переворота. За ней последовали остальные его родственники и свойственники: среди них был и молодой Авл Плавтий, которого он перед казнью изнасиловал... Сенеку, своего воспитателя, он заставил покончить с собой, хотя не раз, когда тот просил его уволить и отказывался от всех богатств, Нерон священной клятвой клялся, что подозрения его напрасны, и что он скорее умрет, чем причинит наставнику зло».

«С не меньшей свирепостью расправлялся он с людьми чужими и посторонними... он казнил уже без меры и разбора кого угодно и за что угодно».

«Был один знаменитый обжора родом из Египта, который умел есть и сырое мясо и что угодно — говорят, Нерону хотелось дать

ему растерзать и сожрать живых людей. Гордясь и спесивясь такими своими успехами, он восклицал, что ни один из его предшественников не знал, какая власть в его руках».

Однако надменная богиня извращенных душ – Власть, развалив эту личность, утратила к ней всякий интерес и презрительно отвернулась. Тогда Нерон для всех стал тем, кем он был в действительности.

«... среди ночи, проснувшись, он увидел, что телохранители покинули его. Вскочив с постели, он послал за друзьями, и, ни от одного не получив ответа, сам пошел к их покоям. Все двери были закрыты, никто не отвечал; он вернулся в спальню – оттуда уже разбежались и слуги, унеся даже простыни, похитив и ларчик с ядом. Он бросился искать гладиатора Спикула... или любого другого опытного убийцу, чтобы от его руки принять смерть, – но никого не нашел. «Неужели нет у меня ни друга, ни недруга?» – воскликнул он».

В конце концов ему помогли зарезаться, хотя перед этим он долго стонал, причитал и всхлипывал, должно быть, вызвав тем самым презрение самой смерти.

После таких «счастливых» уже, пожалуй, некого призвать на нашу трибуну для оправдательного слова эпохе.

В массах выросло понимание того, что с утратой основ морали человечество существовать не может. Сколько бы золота, мрамора, парчи и жирных телес ни накопила цивилизация, сколько бы в ней ни было господ и рабов, а ее жизненная сила определяется людьми. В такой духовной атмосфере ожидания конца света Средиземноморская цивилизация могла уповать лишь на чудо, и это чудо явилось с Востока, из бедной каменистой страны Иудеи в образе христианства.

Иудейский народ в силу своей истории вынужден был искать средство консолидации в духовной сфере. Не имея такого характера, как у римлян, сплотившихся вокруг понятия «Отечество», иудеи искали помощи у небес. Поэтому их высшей идеей стала вера в бога, ведущего их к великой цели. Причем, в отличие от пантеона греков, римлян и народов других республик, еврейский бог был един и всемогущ. Во всех культурах божественный мир является отражением земного. Иудеям в эпоху становления их государства требовалось жесткое единоначалие, потому и на небесах у них воссиял один бог – царь всего сущего. Будучи основным культурообразующим элементом, религия глубоко укоренилась в психике иудейского народа. Вследствие этого в Иудее всегда было много все-

возможных проповедников и претендентов на роль мессии, стремившихся использовать религиозный потенциал масс в личных, либо политических целях.

В кризисной ситуации краха Римской республики, в которую окзалось втянутым все Средиземноморье, одна из таких иудейских историй получила широкое распространение именно ввиду духовной потребности большого общества в трансцендентном вмешательстве. Трудно сказать, каковы были конкретные цели Иисуса, но уже сам факт его протеста против жестокой и порочной власти и торгашества, пронизавшего все общественные сферы, включая религиозную, привлек к нему симпатии людей, причем, не столько иудеев, в своем пиетете перед официальной религией обратившихся против него, сколько греков и римлян. А жестокая расправа осенила его ореолом мученика. Грекоязычное население Иудеи, отмежевываясь от ортодоксальных религиозных кругов, соединило проповеди Иисуса с проникшими в массы отголосками учений стоиков и Платона и создало из них простой, доступный массам идеологический эликсир. Поскольку Средиземноморская цивилизация жила предчувствием конца света, то трагическая участь Иисуса была воспринята ею как символическое выражение собственной судьбы. Очищение от скверны этой жизни через катастрофу, воскресение из небытия через гибель казалось единственно возможным выходом из тупика бездушной цивилизации. Причем, сам Иисус от имени бога уже будто бы совершил самопожертвование за всех людей, собственными страданиями расплатился за грехи человечества и открыл ему путь к новой жизни. Такое созвучие судьбы Иисуса с духовными исканиями общества позволило христианству быстро распространиться по всей Империи. Однако это лишь верхний, эмоциональный уровень явления. Глубинная причина успеха христианства, его истинная сила состояла в том, что оно возвратило людям нормы морали, вытесненные из жизни индивидуализмом. Практически все заповеди христианства выражают правила человеческого взаимодействия, выработанные коллективным отбором. После того, как нравственность перестала обеспечивать успех индивидам в обществе, она стала отмирать в соответствии с законами естественного отбора. Но оказалось, что вместе с нравственностью умирала и душа людей. Достигая ложных целей, заданных искаженной ценностной установкой общества, добиваясь престижа, люди, тем не менее, ощущали себя опустошенными и несчастными. И вот тогда человечество попыталось искусственно вернуть в свою среду нравственность, декларируя ее божественную обусловленность.

Теперь античная цивилизация испробовала уже все, на что была способна, однако безуспешно. Христианство тоже не принесло обществу обновления, поскольку пыталось искусственно привить людям то, что отторгалось жизнью. Побунтовав какое-то время, оно было приручено церковью и превращено в дополнительное идеологическое средство подчинения масс господствовавшим классам.

Все это материал, хорошо проверенный временем, однако, как известно, умные учатся на чужих ошибках, а остальные предпочитают совершать собственные. В иные эпохи этих, остальных, бывает большинство, так как даже названные первыми теряют себя, низводя ум до уровня хитрости. Таким кажется, что все, сказанное о греках и римлянах, не про них; уж больно давно те отжили и пострадали свое, а сегодня и Земля стала круглее, и солнце светит по-другому, и люди о трех головах ходят, наконец, сегодня – техника! Но техника есть продолжение человеческих глаз, ушей и, самое главное, рук и является лишь интенсификатором деятельности человека. Она придает размах его делам, но не влияет на нравственный уровень, а потому порою не столько помогает людям, сколько усугубляет их проблемы, те проблемы, которые исходят из недр самого человека.

Так что же изменилось по существу? Как выглядит портретная галерея нынешней цивилизации?

Активное формирование нравов сегодняшнего человека началось вместе с бурным прогрессом капитализма. Эпоха свободы торговли и предпринимательства стремительно преображала нашу планету и производила опустошения в человеческих душах. Она взрастила промышленность, города и породила мировые и колониальные войны, уничтожившие целые народы на зависть самой свирепой эпидемии. Однако наша задача скромнее, нежели изучение общественных сдвигов в результате утверждения тех или иных производственных отношений, нас интересуют сдвиги в сознании и нравах самого человека, а также степень полноты его жизни. Наилучшей иллюстрацией к данному вопросу будет «Человеческая комедия» Оноре де Бальзака. Нет, дело не только в разоблачительном названии этого масштабного произведения, оно является беспримерным по объему и значимости художественным исследованием процесса воспитания обществом интересующей нас в данной главе разновидности человека.

Итак, Бальзак приглашает нас во Францию первой половины девятнадцатого века. Как всякие путешественники, мы первым де-

лом, естественно, желаем посетить Париж. Последуем же туда вместе с амбициозным молодым провинциалом Люсьеном, родом из «Утраченных иллюзий». Люсьен будет нам превосходным проводником, поскольку он стремился в столицу не созерцать ее, а брать интеллектуальным штурмом; действие же, как известно, есть самый эффективный способ познания. Отметим, что Люсьен имел основания для своих грандиозных планов: он был талантлив, остроумен и хорош собой.

Первое впечатление героя от Парижа походило на то, которое оказывает сегодня калейдоскопическое мелькание пестрой пошлости рекламных роликов на четырехлетнего ребенка. Но вскоре ему довелось заглянуть за яркие витрины, и город предстал ему в истинном виде.

«Трудно сохранить в Париже какие-нибудь обольщения, – делает вывод Люсьен. – Тут со всего взимают дань, тут все продается, все фабрикуется, даже успех». «Все прощается и все оправдывается в наш век, когда добродетель обращена в порок, как многие пороки обращены в добродетель», – обобщает наблюдения Люсьена автор. И впрямь: «Ремеслом наемного убийцы идей и репутаций, деловых, литературных и театральных, я зарабатываю пятьдесят экю в месяц», – откровенничает перед Люсьеном журналист, типичный продукт своего времени. «Тайна литературного успеха не в том, чтобы самому работать, а в умении пользоваться чужим трудом... И вот, чем человек ничтожнее, тем он быстрее достигает успеха», – говорит далее этот журналист, заново открывая общие законы бизнеса применительно к своей профессии. Однако стоит ли почитать за счастье «успех» такого человека, если ради него «он готов глотать самые горькие пилюли, сносить любые обиды, потворствовать низким страстишкам литературных султанов»?

«Все, что Люсьен слышал ... сводилось к деньгам. В театре, как и в книжной лавке, как и в редакции газеты настоящего искусства и настоящей славы не было и в помине. Удары пресса для чеканки монет неумолимо обрушивались на его голову и сердце». Увы, денежный мир есть плоская серая степь посредственности без гор, лесов, синего неба и океанских глубин. За деньги гением не станешь, за деньги можно быть только ремесленником – следует вывод. Любопытно, что эту мысль две тысячи лет назад высказал Сенека. «За деньги богом не станешь, у бога денег нет», – написал он.

Человека породил коллективный отбор, каковой, в свою очередь, имел в истоках отбор стадный. В стаде или в стае велика роль вожака. Именно волчий инстинкт подчинения вожаку сделал соба-

ку верным другом человека. Люди также носят в недрах своей психики этот инстинкт, гораздо более древний, чем социальные образцы поведения. В упадочных социумах, когда разрушаются высшие достижения человеческой эволюции, личность мелеет, как пересыхающая река, и на поверхность каменистыми порогами выступают животные инстинкты и потребности. Средства массовой информации как раз и эксплуатируют стадный инстинкт подчинения воле вожака, ибо благодаря своему всеобъемлющему характеру выдают себя за глас вождя. Совершается это таким образом, чтобы обыватель не мог идентифицировать голос господствующего класса и принимал его за голос всего общества. А ведь «овца и волк по-разному понимают слово свобода», – предупреждал А. Линкольн.

Отсюда становится понятным порочное могущество прессы, выявленное Бальзаком. «В вашей власти провалить хорошую пьесу и поднять весь Париж на ноги ради скверной... Вот преимущество профессии журналиста», – поучает Люсьена бывалая «акула пера». А другой «кашалот от литературы» возвещает: «Газета, вместо того, чтобы возвыситься до служения обществу, стала орудием в руках партий; орудие обратили в предмет торговли; и, как при любом торгашестве, не стало ни стыда, ни совести. Всякая газета... это лавочка, где торгуют словами любой окраски по вкусу публики. Издавайся газета для горбунов, и утром и вечером в ней доказывались бы красота, доброта и необходимость людей горбатых... недалек час, когда все газеты станут вероломны, лицемерны, бесчестны, лживы и смертоносны; они станут губить мысль, доктрины, людей и в силу этого будут процветать... Ежели газете случится понести наказание, заплатить слишком крупный штраф, она представит жалобщика врагом свободы и просвещения».

Рассуждая таким образом, эти журналисты, тем не менее, кичатся своим могуществом, однако каждый понимает, что «когда же он, подобно тысяче других, растратит свой прекрасный талант на потребу пайщиков газеты, эти торговцы ядом предоставят ему умирать от голода, если он будет жаждать, и от жажды, если он будет голодать».

Мы помним, что самая человеческая из всех человеческих способностей – способность к общению. Если у этих людей не все ладно с реализацией их творческих сил и самого права на обеспечение своей жизни, то, может быть, они находили утешение в дружеском общении? «Мы все друзья либо враги в зависимости от обстоятельств, – разбивал очередную иллюзию Люсьена другой его парижский знакомый. – Мы, не задумываясь, поражаем друг друга

оружием, которое должно служить лишь против врагов». Далее он учит юношу правилам достижения успеха в личных отношениях: «Добрыми чувствами ничего не добьешься... Ежели вы добры, станьте злым... Желаете быть любимым, никогда не расставайтесь со своей возлюбленной, не заставив ее поплакать; желаете быть удачливым в литературе, постоянно всех оскорбляйте, даже друзей, бейте по их самолюбию, доводите их до слез, и вы будете всеми обласканы».

Призывая Люсьена к двуличию в его деле литературной критики, друзья-журналисты учили его: «Опровергни свою прежнюю аргументацию, доказав, что мы ушли далеко вперед против восемнадцатого века. Сошлись на прогресс (отличная мистификация для мечан!)»

В итоге: «Трудолюбивая – эта прекрасная молодежь жаждала развлечений; артистическая – она жаждала сокровищ; праздная – она жаждала возбуждения страстей». Вот и Люсьен в конце концов променял свои способности на потребности. Жизнь не замедлила наказать его за подмену, низкий подлог, направленный против собственной личности, и он лишился не только иллюзий, но и любви, уважения, работы. Чтобы добыть двести франков на погребение его убитой несчастьями юной возлюбленной, Люсьен был вынужден у ее гроба под бессмысленное бормотание священника сочинять развеселые застольные песенки.

Однако здесь же у Бальзака звучит и будто бы оптимистическое высказывание: «Прожигатели жизни почти все были люди высоких дарований, одни погибли в этой развращающей атмосфере, другие устояли». Значит, все же были другие? «Самый известный среди них, самый остроумный, Растиньяк...» – сообщает нам автор, и мы устремляем светлые надежды к этому персонажу Бальзаковского Парижа, Парижа, в своем роде более значимого, чем тот, который послужил ему моделью. Так произведение великого живописца превосходит в человеческом воздействии изображенный на полотне исходный пейзаж, ибо художник влагает душу в то, что изначально являлось лишь сцеплением молекул.

Начало большого пути Растиньяка показано в книге «Отец Горю». Тогда это был «молодой человек, приехавший в Париж... изучать право... Эжен де Растиньяк... принадлежал к числу тех молодых людей, которые приучены к труду нуждой». Все это звучит перспективно. «Эжен первоначально собирался окунуться с головой в работу», – читаем мы дальше и удовлетворенно потираем руки: все идет как надо, только слегка настораживает слово «пер-

воначально». Однако Растиньяк оказался дальним родственником аристократической парижской семьи, и «мечты Эжена, прикованные к высшим сферам парижского общества, внушили ему много дурных помыслов, сделав покладистее ум и совесть. Мир предстал ему теперь таким, каков он есть: в бессилии своей морали и закона перед богатством». «Поступайте со светом так, как он того заслуживает, — поучает его самая умная, благородная и утонченная представительница «высшего света». — Исследуйте всю глубину испорченности женщин, измерьте степень жалкого тщеславия мужчин... чем хладнокровнее вы будете рассчитывать, тем дальше вы пойдете. Наносите удары беспощадно, и перед вами будут трепетать. Смотрите на мужчин и женщин, как на почтовых лошадей, гоните, не жалея, пусть мрут на каждой станции, — и вы достигнете предела в осуществлении своих желаний... Если в вас зародится подлинное чувство, спрячьте его, как драгоценность, чтобы никто даже и не подозревал о его существовании, иначе вы погибли. Перестав быть палачом, вы превратитесь в жертву».

Другим учителем жизни для Растиньяка стал беглый каторжник, который сознательно поставил себе целью бунтовать против навязанного ему эпохой общества. «Я много размышлял о современном строе вашего общественного неустройства, — говорит этот человек. — Мне никогда не кончить, если я вздумаю излагать вам, какие сделки заключаются ради тряпок, любовников, детей, ради домашних нужд или тщеславия, но, будьте уверены, редко — по добрым побуждениям. Вот почему честный человек всем враг... Вот жизнь, как она есть. Все это не лучше кухни — вони столько же, а если хочешь что-нибудь состряпать, пачкай руки, только потом умей хорошенько смыть грязь; вот вся мораль нашей эпохи». Далее этот философ практической жизни делится своими планами. Он намерен поехать в Мекку наживы — за океан, купить там двести рабов и сколотить состояние в четыре миллиона. «Когда же я разбогатею, — заявляет он, — меня не спросят: «Кто ты такой?» Я буду господин Четыре Миллиона, гражданин Соединенных Штатов». (Одной этой фразы достаточно, чтобы развеять иллюзию о значимости человека в мире наживы). Париж, по его мнению, не много уступает в этом плане: «В то время как гордые аристократы других столиц Европы не допускают в свою среду миллионера-подлеца, Париж раскрывает ему свои объятия, бегают на его пиры, ест его обеды и чокается с его подлюстью». «Принципов нет, а есть события; законов нет — есть обстоятельства», — такова философия этого мира.

«Он грубо, напрямик сказал мне то же самое, что говорила в

приличной форме госпожа де Босеан», — делает вывод Растиньяк, устанавливая идентичность мировоззрения «высшего» и «низшего» миров и выявляя таким образом условность общественного деления, фиктивность общественных оценок. «Ты хочешь стать большим человеком или богачом, а разве не значит это идти сознательно на то, чтобы лгать, сгибаться, ползать, снова выпрямляться, льстить и притворяться? Разве это не значит добровольно стать лакеем у тех, кто сам сгибался, ползал, лгал?» — рассуждает Растиньяк. «Свет представлялся ему океаном грязи, куда человек сразу уходит по шею, едва опустит в него кончик ногтя». «Люди с тонкой душой не могут долго оставаться в этом мире», — сделал заключение молодой человек.

Помимо прямых нравоучений, Растиньяк внимал и самой жизни, дававшей ему яркие иллюстрации к теории, проповедоваемой философами дворцов и тюрем. На его глазах развернулись три драмы: аристократки, пострадавшей из-за проявления истинных человеческих чувств; вновь выслеженного каторжника, попавшего в заключение опять-таки в наказание за великодушный поступок, а не за преступления, совершенные им ранее; и отца, проклятого светом за любовь к дочерям. Две первые драмы достаточно прослеживаются в приведенных высказываниях соответствующих героев, упомянем лишь прощальное обращение к окружающим арестованного каторжника: «Разве вы лучше нас? То, что заклеило нам плечо, не так позорно, как то, что заклеило душу вам, дряблым членам пораженного гангреной общества; лучший из вас не устоял против меня». Теперь обратим внимание на третью из этих трагедий.

«Этот отец роздал все. Свою душу, свою любовь он отдал в течение двадцати лет, а свое состояние он отдал в один день. Дочери выжали лимон и выбросили его на улицу», — говорится о том, чьим именем названа книга. В этих словах вся суть драмы. Действительно, в мире, где человек оценивается числом, Горио, некогда бывший «господином Полтора Миллиона», отдав богатство дочерям, превратился в нуль. Естественно, что жизнь человека в качестве социального нуля воспринимается как трагедия. Но, может быть, его очаровательные дочурки, разом получившие материальный фундамент для успеха, счастливы? «Богатая красавица Дельфина де Нусинген, жена финансового дельца, умирает от огорчения, ее снедает зависть: графиня де Ресто поднялась выше ее на сто голов; и сестер больше нет, они отрекаются друг от друга, как отреклись от отца. Поэтому госпожа де Нусинген готова вылизать всю грязь от улицы Сен-Лазар до улицы Гренель, чтобы проникнуть ко мне в дом», — говорит о них

аристократка де Босеан. «Брак – самое ужасное разочарование в моей жизни, – признается сама Дельфина, жена одного из богатейших людей Франции, – я выбросилась бы из окна, если бы мне пришлось жить с Нусингеном не на разных половинах». «Вот какова жизнь у половины парижских женщин: снаружи блеск, в душе – жестокие заботы, – делится она своими наблюдениями с Растиньяком. – Я лично знаю страдалиц еще несчастней меня. Одни вынуждены просить своих поставщиков писать ложные счета, другим приходится обкрадывать своих мужей, у одних мужья думают, что шаль в пятьсот франков стоит две тысячи, у других – что шаль в две тысячи стоит лишь пятьсот. А можно встретить и таких женщин, что морят голодом своих детей, выгадывая себе на новое платье».

«Она пустила в оборот все, даже смерть своего отца», – сказал Растиньяк о другой дочери, и мы сочувствуем этой знатной и богатой даме вместе с ним.

В качестве закономерного итога этой истории отец Горио, будучи на пороге могилы, заявляет: «Только умирая узнаешь, что такое дети. Вы им дарите жизнь, они вам – смерть. Вы их производите на свет, они вас сживают со свету!» После этого он требует, чтобы его любимых, столь уважаемых в парижском обществе дочек с помощью жандармов привели к его смертному одру проститься с отцом. «Ах, кабы я... не отдал им свое богатство, а сохранил у себя, они были бы здесь, у меня щеки лоснились бы от их поцелуев, – делится предсмертными прозрениями Горио. – За деньги купишь все, даже дочерей». А далее он делает очень значительный вывод: «Когда любят бедняка, он может быть уверен, что любим сам по себе». Это означает, что личные качества людей начинают играть роль лишь тогда, когда из системы оценок изымаются деньги.

Только, пройдя такую школу, став свидетелем жестоких драм и искалеченных судеб, Растиньяк решил вступить на тот путь, который вел к успеху в этом обществе. Исполнив похоронный обряд в отношении Горио вместо его дочерей, студент не сразу покинул свежую могилу. Он прошел к высокой части кладбища, откуда был виден центр города. «Эжен окинул этот чудовищный улей алчности взглядом, как будто предвкушая его мед, и высокомерно произнес:

– А теперь – кто победит: я или ты!

И, бросив обществу свой вызов, он, для начала, отправился обедать к Дельфине Нусинген». Вот такими «великими» делами он стал добывать успех. Однако, что при этом осталось от него самого? Можно ли считать счастливым человека, сознательно уничтожившего в себе лучшие чувства и способности, превратившего

свою жизнь в схему в угоду низости общества?

Здесь представлены судьбы наиболее заметных персонажей столичного мира, но «одним из преимуществ славного города Парижа является возможность в нем родиться, жить и умереть так, что никто не обратит на вас внимания». И вообще, в этом городе «истинны одни страдания, а радости нередко ложны».

Впрочем, Париж – это еще не вся Франция, и Бальзак тщательно исследует жизнь небольших городов и сел. Однако везде он обнаруживает все ту же «социальную болезнь». Здесь «все развратители или развращенные... все изъедено эгоизмом, этой ужасающей современной проказой». Мир, воссозданный Бальзаком, включает в себя представителей всех классов и слоев населения: предпринимателей различных категорий от финансистов до дельцов от искусства, дворян, вымирающих как класс в результате проигрыша конкуренции буржуазии, людей творческих, ученых, изобретателей, священников, врачей, крестьян и даже завсегдатаев каторги. Причем, все действующие лица этой трагической комедии показаны в динамике развития, усугубления своих страстей.

При этом Бальзак чуть ли не с документальной точностью показывает, что все стремления и страсти в таком мире в конечном итоге сводятся к деньгам как к универсальному фактору престижа. В результате сами страсти, а также порождающие их способности и таланты становятся вторичными, вспомогательными средствами в достижении материального успеха. Следовательно, вторичным становится и сам человек со своими мыслями и чувствами. О каком счастье тут можно говорить, разве что о денежном?

Ближе всех к «денежному счастью», естественно, финансисты. Ростовщик Гобсек довел свою страсть к стяжательству, так сказать, до совершенства. И чем сильнее он богател, тем более скромный образ жизни вел. В самом деле, если смысл существования в накоплении богатств, то любые желания и потребности идут вразрез с главной целью, так как требуют растраты денег. Поэтому Гобсек подавил в себе все желания, свел до минимума биологические потребности, и в конце концов стал походить на бомжа. Он умер как червь в навозной куче своих богатств, которые действительно превратились в навоз, поскольку среди золота и драгоценностей в его заваленных всевозможным дорогостоящим хламом комнатах валялись и залежалые, разлагающиеся продукты, с которыми ему было жаль расстаться.

Огромное наследство в семь миллионов франков Гобсек оставил своей единственной дочери. Однако поскольку при жизни ему бы-

ло недосуг разыскать ее, да и не мог он расстаться с деньгами, пока хрипело дыхание в его зловонной глотке, то эта дочь с десяти лет стала проституткой и, истерзанная такой жизнью, покончила с собой, так и не узнав о существовании гобсековских миллионов.

Другой, так сказать, «финансовый слон», Гранде, был еще более велик в своих дерзаниях. Он воровал и грабил с такими великолепными коварством и беспринципностью, что сколотил аж девятнадцать миллионов. Однако у него была семья и большой дом. Чтобы уберечь сокровища от домашних расхитителей, Гранде прикидывался бедняком и держал домашнее хозяйство в крайней скудости. Его холодный мрачный дом топился лишь по особым дням. В образе бедняка ему, помимо прочих преимуществ, было удобнее обманывать коллег по деловым операциям. Неправда ли, здорово придумано: быть отъявленным богачом, но влачить существование нищего, чтобы и самому ничего не тратить, и других не искушать, а только копить втихаря, копить и копить! И все было бы хорошо, если бы не мешались ему под ногами родичи. Аскетически воспитанная дочь не умела преклоняться перед деньгами и допустила некоторую растрату, а жена посмела заступиться за нее. Тогда Гранде проклял дочь и довел до смерти жену. Деньги не любят делить власть, они требуют полного повиновения от своих рабов!

Однако это как бы переходный тип дельцов, которые средневековую сосредоточенную страсть влагали в прокрустово ложе буржуазных ценностей. А вот банкир Нусинген является представителем блестящего, цивилизованного мира финансистов. Он ведет будто бы роскошный образ жизни, изливается жирными телесами в удовольствиях, однако постоянно проводит строгий учет и жесточайшим образом отмеряет себе радости в зависимости от прибыли той или иной операции. Шире его размах и кругозор, но суть остается той же: его жизнь – строгий расчет, баланс прихода и расхода. Человеческие чувства не поддаются расчету, поэтому у Нусингена их нет. Его семья существует лишь номинально: муженек несколько не покушается на права любовников своей жены, а собственную плотскую надобность удовлетворяет с танцовщицами подешевле. Эта ходячая схема разорила и довела до гибели множество людей – первоначальный капитал был добыт в результате трехкратного спланированного банкротства с перекачкой денег в подставные фирмы – однако как личность Нусинген смешон и не вызывает ничего, кроме презрения.

Под конец жизни природа отомстила ему за подавление естественных чувств, и он по-настоящему влюбился в ту самую несчаст-

ную дочь Гобсека. И тут выяснилось, что ничего истинного нельзя обрести за деньги. Нусинген купил тело, но не любовь, и в итоге принес смерть той, которую любил.

Участь таланта показана в уже рассмотренных судьбах Люсьена и Растиньяка, а также многих других персонажей «Человеческой комедии». Результат таков: либо талантливый человек отказывается от истинного творчества и идет в услужение к нечистым дельцам, либо губит свои способности, сам становясь дельцом, либо влачит жалкое существование в какой-нибудь конуре доходного дома и, будучи изгоем в реальной жизни, уповает на признание потомков. В искусстве также преуспевает серая посредственность как человеческая разновидность, наиболее склонная к приспособленчеству. Успех посредственности в буржуазном искусстве обусловлен еще и тем фактором, что в роли потребителя, а значит и заказчика этого искусства, выступает буржуа – существо изначально бесталанное, либо подавившее свой талант в угоду формальному успеху. А каков спрос, таково и предложение!

Карьера подобного функционера в искусстве показана в работе «Пьер Грассу». Ее герой, Грассу, прибыл в Париж, чтобы поступить приказчиком к торговцу красками, но вдруг стал рисовать. Он был добросовестным трудягой, но бог дал ему абсолютную свободу от таланта. Грассу стал хорошим копиистом, подражателем, но был напрочь лишен созидательной творческой мысли. Люди искусства смеялись над ним, но он сносил все насмешки и продолжал портить холст и краски. Ориентиром для Грассу являлись не художники, а торговцы художественными произведениями. Эти же люди были ему куда как понятнее. «Все вы очень уж много о себе мните, – говорит ему один такой специалист. – На картине красок на шесть су, а вам подавай за нее двести франков». Грассу был «славный малый», покладистый, с которым дельцам удобно иметь дело. Потому они охотно с ним взаимодействовали и создали ему имидж модного художника. Увидев ярлык, обыватели тут же бросились к Грассу заказывать ему портреты, дабы увековечить свои румяные мясистые физиономии. «У буржуа есть веский довод, побуждающий их обращаться именно к этому художнику: «Что ни говори, а он ежегодно вносит двадцать тысяч франков своему нотариусу», – объясняет Бальзак. – Напав наконец на золотую жилу, Грассу подтвердил своим успехом то жестокое правило, благодаря которому во всех слоях общества процветают жалкие посредственности, получившие право избирать по своему вкусу выдающихся людей; они, понятно, избирают себе подобных и ведут ожесточенную войну с подлин-

ными талантами».

В частной жизни тоже нет отдохновения страждущим душам. Брак, как и все в этом мире, превращен в торговую сделку. Собственность, состояния, поместья, деньги сводят и разводят мужчин и женщин, а не их чувства. Закономерным следствием этого стало полное отделение чувств от семейной жизни. Любовные утехы – на стороне, а в семье – ложь, скрытая ненависть и бесконечные интриги вокруг собственности, интриги между мужем и женой, родителями и детьми, сестрами и братьями. В книге «Полковник Шабер» юрист говорит: «Чего я только не нагляделся, выполняя свои обязанности! Я видел, как на чердаке умирал нищий отец, брошенный своими дочерьми, которым он отдал восемьдесят тысяч ливров годовой ренты; видел, как сжигали завешания, видел, как матери разоряли своих детей, как мужья обворовывали своих жен, как жены медленно убивали своих мужей».

Совершив честный поступок, связанный с денежной потерей, граф д' Эспар прослыл чудачком, а жена с помощью интриг добилась признания его слабоумным и получила право распоряжаться собственностью.

Бальзак показывает, что брачный контракт превращает брак в проституцию. В книге «Тридцатилетняя женщина» говорится: «Вы предаете позору несчастные существа, продающиеся за несколько экю первому прохожему: голод и нужда оправдывает эти мимолетные союзы; но общество терпит, поддерживает союз еще более ужасный – союз молодой невинной девушки с мужчиною, которого она не знает и трех месяцев: она продана на всю жизнь. Правда, цена очень велика!.. Такова наша судьба, если смотреть на нее с двух сторон: проституция публичная и позор, проституция тайная и несчастье... красота, добродетель не являются ценностями на нашем человеческом базаре, и вы еще называете обществом это логово эгоизма!»

Сила художественной формы познания состоит в том, что она позволяет привести в движение не только сознание, но и душу, воздействовать с помощью логики и образа, идеи дополнять чувствами. В книге «Шагреневая кожа» Бальзак использовал метод фантастики и символизм, чем еще сильнее обострил восприятие той человеческой драмы, которую назвал комедией. Он прибег к трансцендентному вмешательству в судьбу героя потусторонних сил, которые по сути, однако, представляли собою лишь символическое выражение его внутренних стремлений, дезориентированных ложной системой ценностей. Действующие лица и сцены этого произведения являются обобщениями, символами социальных явлений и

типов, потому они подаются читателю в полуфантастической, импрессионистской раскраске на фоне лихорадочно-ярких цветов окружающей обстановки, будь то картины природы, разнузданная оргия глумящейся над людьми роскоши, или лавка древностей, предстающая кладбищем человеческой культуры, со всеми поисками истины и красоты на протяжении многих тысячелетий.

Главный персонаж этого фантазмагорического и в то же время схематически-строого в представлении идеи произведения – молодой человек Валантен. Этот бедный потомок знатного рода в отношениях с Парижем уповал опять-таки на свой талант. Три года он вел аскетический образ жизни, работая над неким научным трудом. Однако, как он сам признался: «Я посвятил свою жизнь науке, но она неспособна была даже прокормить меня». Дело в том, что он «обладал сокровищами, не имевшими хождения». В отношениях с друзьями и женщинами он был так же искренен в чувствах, как в мыслях своих трудов, поэтому тоже потерпел неудачу. Увы, женщины парижского света, привыкшие жить в условном мире среди искусственных ценностей, носящих престижный, а не сущностный характер, жить напоказ, с маской на лице, не имели понятия о настоящей любви. Настоящая страсть вызывала у них недоумение и отталкивала их, так как требовала ответного напряжения душевных сил. Как богачи-мужчины утратили способность к реализации своих талантов, увлекшись удовлетворением потребностей, так и эти дочери роскоши уже не были женщинами, а являлись лишь изображениями женщин на полотне светских салонов.

Разочаровавшись в любви, как и в науке, Валантен решил покончить с собой. Однако судьба завела его в лавку древностей и там вручила ему загадочную шагреновую кожу, которая якобы могла выполнять любые желания своего владельца. Потерпев неудачу на поприще созидательной жизни, герой ухватился за представившуюся возможность жить ради удовлетворения желаний. Долгое время терпя нужду, он, едва появилась возможность, первым делом возжелал пира, а затем богатства, и шагреновая кожа «выполнила» все, что он хотел.

Валантен погрузился в океан роскоши и развлечений, он стал властелином парижского общества. «Господа, выпьем за могущество золота, – предлагает устроитель пира. – Став шестикратным миллионером, господин де Валантен достигает власти. Он король, он все может, он выше всего, как все богачи. Слова: французы равны перед законом – отныне для него ложь, с которой начинается хартия. Не он будет подчиняться законам, а законы ему. Для мил-

лионеров нет ни эшафота, ни палачей!»

«К черту смерть! – восклицает Валантен, упоенный своим могуществом. Теперь я хочу жить! Я богат, – значит обладаю всеми достоинствами! Ничто не устоит передо мною... Кланяйтесь мне, свиньи, развалившиеся на коврах, точно на навозе! Я богат, я всех вас могу купить, даже вон того депутата, который так громко храпит. Ну что ж, благословляйте меня, великосветская сволочь! Я папа римский... Я слишком долго молчал в жизни. Теперь я отомщу за себя всему миру!.. В малом виде я буду повторять свою эпоху, буду пожирать человеческие жизни, умы, души, Вот она, роскошь настоящая».

Однако наступает утро, и происходит отрезвляющее пробуждение после оргии, совершившей превращение Валантена. Дневной свет выявляет истину, которую ночь скрывала под покровом богатства, брызгами шампанского и блестками пустого острословия. Парижское общество предстает взору, как оно есть, без парадного лоска. Женщины, перед красотой которых накануне «меркли все чудеса этого дворца», теперь «представляли собой отвратительное зрелище: волосы висели космами, черты приобрели совсем другое выражение, глаза, прежде такие блестящие, потускнели от усталости». «Мужчины, видя, как увяли, как помертвели их ночные возлюбленные, – точно цветы, затоптанные процессией молящихся, – отреклись от них. Но сами эти надменные мужчины были еще ужаснее. Каждый невольно вздрогнул бы при взгляде на эти человеческие лица с кругами у впалых глаз, которые остекленели от пьянства, отупели от беспокойного сна... что-то дикое, холодно-зверское было в этих осунувшихся лицах, на которых физическое вожделение проступало в обнаженном виде, без той поэзии, какую приукрашивает их наша душа». Это было: «Пробуждение порока, представшего без покровов и румянца, как скелет зла, ободранный, холодный и пустой, лишенный софизмов ума и очарований роскоши».

«Картина получилась завершенная. То была грязь на фоне роскоши, чудовищная смесь великолепия и человеческого убожества, образ пробудившегося разгула после того, как он алчными своими руками выжал все плоды жизни, расшвыряв вокруг себя лишь мерзкие объедки – обманы, в которые он уже не верит. Казалось, что Смерть улыбается среди зачумленной семьи: ни благовоний, ни ослепительного света, ни веселья, ни желаний, только отвращение с его тошнотворными запахами и убийственной философией».

Другим и не мог быть итог этого пиршества, устроенного дельцом, который начал путь к денежному успеху с того, что «убил... одного

немца и еще двух человек, как говорят, своего лучшего друга и мать этого лучшего друга». По-иному не могло завершиться действие сборища, где «молодые писатели без стилия стояли рядом с молодыми писателями без идей, прозаики, жадные до поэтических красот, – рядом с прозаичными поэтами», где «девицы были тонкой подделкой под невинных робких дев... красавицы аристократки с надменным выражением лица, но, в сущности, вялые, в сущности, хилые, тонкие, изящные склоняли головы с таким видом, как будто еще не все королевские милости были ими распроданы... Парижанка... сирена бессердечная и бесстрастная, но умеющая искусно создавать все богатство страсти и подделывать все оттенки нежности...»

Все это нагромождение искусственных чувств, надуманных «истин», фальшивых талантов, важничающих пустословов, гордящихся убийц, нарисованной красоты, вся эта размазанная богатством в пестрые цвета серость предстала утреннему взору пресытившегося роскошью Валантена. Теперь, когда он смотрел на этот мир не снизу вверх, как раньше, а видел его изнутри, обман рассеялся. Валантен с ужасом осознал, сколь чудовищна такая растрата жизни. И шагреновая кожа, физически выражавшая взаимосвязь между губительными желаниями и жизненными силами, показала ему, сколь велика потеря, сократившись в размерах после пиршества. «Круг ваших дней, очерченный этой кожей, будет сжиматься соответственно силе и числу ваших желаний», – было сказано ему, когда он впервые взял в руки талисман. «Человек истощает себя безотчетными поступками, – из-за них-то и иссякают источники бытия».

«Я ничего лучшего не нашел, как изнурить себя в наслаждениях, – поучал некогда молодого Валантена вездесущий Растиньяк. – Погрузившись в глубочайший разгул, ты убьешь свою страсть... или самого себя... Это длительное самоубийство». И вот теперь Валантен по-настоящему проник в суть этих слов, прочувствовал их всем своим существом и даже кожей... шагреновой кожей, которая подстерегала каждое желание и зловеще уменьшалась, гипнотизируя его взор неумолимо надвигающейся бездной.

Валантен оказался в тупике. Созидательная жизнь не принималась обществом, отторгалась и осмеивалась, а то, что ценилось, являлось лишь «длительным самоубийством». Оказавшись лишенным каких-либо ориентиров и целей, Валантен впал в глубокую апатию. У него не осталось ничего, кроме тупого, животного страха смерти. Часами и днями он неподвижно сидел в кресле и замороженно смотрел на «грозный талисман», висящий на стене. «Шагреновая кожа стала для него чем-то вроде тигра, с которым приходится жить в близком сосед-

стве под постоянным страхом, как бы не пробудить его свирепость».

А ведь у каждого человека есть своя «шагреновая кожа», только не каждый может ее видеть, и потому он не слышит шагов смерти, ежеминутно крадущейся к нему. Но Валантен видел и слышал, однако ничего не мог поделать. Он с ужасом наблюдал, как тает его жизнь, и не знал пути, на котором его усилия могли бы принести нетленные плоды, придающие человеку бессмертие, осеняющие смыслом его существование. Не совладав с жизнью, он пытался спрятаться от нее, затаиться.

Сбылось предсказание одного из его друзей. «Богатство скоро наскучит тебе, поверь, – сказал он Валантену, когда на того свалилось наследство, – ты заметишь, что оно лишает тебя возможности стать выдающимся человеком». И вот теперь: «Мир принадлежал ему, он все мог – и не хотел уже ничего». В ответ на заявление устроителя пира, что «для миллионеров нет ни эшафота, ни палачей», Валантен сказал: «Да, они сами себе палачи!»

Когда шагреновая кожа выявила тщетность его попыток спрятаться от смерти и сделалась совсем маленькой, он вострепнулся и решил привлечь на помощь науку и технику. Он показал талисман ученым различных направлений, выслушал много мудрых речей и обрушил на зловещую кожу всю техническую мощь своего века. Однако эту ослиную кожу не брали ни пламя, ни химические реактивы, мощнейший пресс лопнул и разлетелся на куски при столкновении с нею. Она была тверже камня, прочнее металла и лишь в руках самого Валантена обретала упругость и мягкость обычной кожи. «Бессилие механики и огня не удивляло его; но гибкость кожи, которую он ощутил, когда взял ее в руки, а вместе с тем несокрушимость, которую она обнаружила, когда все находившиеся в распоряжении человека разрушительные средства были направлены против нее, – вот что приводило его в ужас». Увы, судьба подвластна лишь самому человеку, техническими средствами ее не исправишь, как не исправишь техникой и саму личность. Обратился Валантен и к врачам, но эти карикатуры на ученых мужей лишь усугубили его отчаянье.

Он понял, что «обладание могуществом, как бы ни было оно безгранично, не научает пользоваться им». Он «мог все, но не совершил ничего».

Лишь на самом пороге смерти Валантен прозрел. Оказалось, что счастье все время находилось рядом с ним в образе девушки из простой и бедной семьи, чьи чувства были так же чисты и естественны, как ее жизнь. Именно она помогала ему бороться с трудностями, ко-

гда он в героических усилиях творил свое произведение. Однако его взор, искаженный ложными ценностями, навязанными людям развращенным обществом, не проник в ее душу, он просмотрел ее. Впрочем, была ли в действительности эта девушка? Мог ли существовать идеал в том мире, в котором жили Валантен и Бальзак? Увы, у Бальзака она – лишь зыбкая, ускользающая мечта, плод прекрасной, но несбыточной фантазии. «Здесь, на земле, ничто не осуществляется полностью, кроме несчастья», – говорит автор.

На правах экспериментального подтверждения высказанных ранее положений наряду с трудом Бальзака можно использовать романы Э. Золя, Т. Драйзера и других реалистических писателей. (Отметим, что символизм Бальзака в некоторых его философских этюдах есть лишь художественно-заостренная форма реализма). Почему мы говорим о реалистической литературе? Назначение искусства – расширять пределы жизни человека за счет его привлечения к судьбам других людей путем сопереживания. Реалистическое произведение – то, которое правильно воспроизводит реальность. Воспринимая его, человек как бы проживает частицу чужой жизни, расширяет область своей личности на эту новую совокупность связей (вспомним схему на рисунке 8.2). Помимо реалистичности, произведение искусства, естественно, должно обладать художественностью и иметь идею. Только в этом случае оно глубоко укоренится в системе интеллектуально-эмоциональных связей личности. Но применительно к нашей задаче первостепенное значение имеет именно реализм. Если некое произведение надумано, оторвано от жизни, апеллирует к каким-то внешним проявлениям действительности, без вскрытия причин происходящего, то оно не затронет душу, оно не станет вновь прожитой жизнью читателя или зрителя, так как не является отражением жизни. Это будет только «мыльная опера», жвачка для души и ума.

Особой разновидностью такой «жвачки», заставляющей черстветь души, является современный детектив. Некогда Эдгар По, желая показать холодную расчетливость, бездушие, все более проникавшие в общество вместе с прогрессом денежной цивилизации, изобразил героя, для которого человеческие беды и даже гибель людей являются всего лишь интеллектуальным развлечением, своеобразным ребусом. Первый литературный детектив появился на свет как сарказм, издевательски-насмешливое предупреждение об опасности аморального рассудка, но душевнобольная цивилизация восприняла этот жанр всерьез: предупреждение запоздало.

Строго говоря, любое искусство является реалистичным, так как

всегда выражает нрав автора и характеризует публику, определяющую спрос на такое искусство. Если литературное произведение называется «Тошнота» и при чтении вызывает соответствующее чувство, то, сколь бредовым ни было бы там словоблудие, оно совершенно определенно характеризует такую жизнь как тошнотворную. Если на холсте «рисуют», извините, навозом, и у этой «живописи» находятся поклонники, то она свидетельствует о состоянии общества так же точно, как черный понос – о состоянии кишечника больного. Карикатура – тоже своеобразный портрет, однако после высокой трагедии «Человеческой комедии» не будем опускаться до пошлого шаржа.

Все-таки, прежде, чем перейти к последнему акту драмы, подкрепим наши силы оптимизмом самого гуманистического из всех гуманистических писателей, самого остроумного и самого печального из юмористов – Уильяма Сидни Портера, ввиду грустных обстоятельств своей судьбы скрывавшего имя под псевдонимом О' Генри. В новеллах этого писателя действуют обычные, рядовые люди, часто неудачники, часто представители низов общества. Но автор дает неожиданный зигзаг их судьбам, ставит своих героев в экстремальные ситуации, и те преображаются, душа их начинает сверкать ярче бриллиантов, они действительно становятся героями. Сколь ни был бы человек унижен убогой жизнью, задавлен обстоятельствами, в недрах его души дремлет истинная человечность. О' Генри умеет пробудить лучшие свойства людей и показать, сколько доброго сокрыто в первозданном человеке. Творчество этого писателя требует отдельного исследования, поэтому здесь мы ограничимся только констатацией того факта, что человеческая природа, именно как социальная, а не антропологическая природа, содержит в себе широкий нравственно-интеллектуальный спектр, и, следовательно, преобладание в ту или иную эпоху дурных людей является приговором конкретному социальному устройству, а не человеку как таковому.

После эпохи Бальзака минуло полтора столетия. За это время многое произошло, но в итоге изменения оказались незначительными. Человек продвинулся далеко по пути освобождения от нравственно-интеллектуального багажа, обретенного на предшествующих исторических стадиях. По сравнению с обществом, представленным нам Бальзаком, сегодняшнее стало более целеустремленным. Оно полностью избавилось от таких пережитков феодализма как аристократическая честь, гордость, чувство собственного достоинства. Оно в открытую смеется над понятиями «справедливость», «принципиальность», «идейность», оно пропагандирует проституцию и стоит на пороге ле-

гализации наркотиков. А что поделаешь, если это самый доходный бизнес! Конечно, захватническая война еще доходнее, потому-то она уже не только легализована, но и встречает радостный одобрямс во всем «цивилизованном» мире. Однако это уже бизнес в особо крупных размерах. Ну, что еще изменилось? Если прежде капитал стремился проникнуть в политику, то теперь сама политика стала отраслью бизнеса, и президентов назначают предприниматели, естественно, демократическим путем. Да, вот еще: в девятнадцатом веке неотъемлемым свойством лучших людей был собственный выезд с четверкой холеных лошадей и скрипучей каретой, а теперь в качестве свидетельства достоинств буржуазной личности выступает выезд на «джипе» со многими сотнями смертоносных лошадей, замурованными в металле. Все это изменения количественные, а к новому качеству они приведут в тот день, о котором написано в «Откровении» Иоанна.

Для лучшего выявления интересующих нас черт в характерах героев сего дня, обратимся к последнему великому художественному произведению – фильму «Спрут». (Последнему, потому, что эта цивилизация уже миновала стадию, когда она еще способна сознавать и анализировать свою болезнь. Сейчас лучшие образцы искусства уже ничего «не понимают, а только чувствуют», они выражают состояние беспредельного пессимизма и душевного опустошения. Скоро уйдет и это, наступит полная духовная анемия.

Фильм «Спрут» представляет нам молодого, амбициозного и честного человека (двадцать лет назад это еще не выглядело беззастенчивым вымыслом). Надо сказать, что честность комиссара полиции Катани (или Каттани) являлась суммарным итогом его внутренних качеств, а не привнесенным извне элементом доисторического воспитания. Этот человек был умен и талантлив, то есть имел качества, достаточные для того, чтобы преуспевать естественным путем. Хитрость, интриганство лишь обеднили бы его существо, потому он даже инстинктивно чурался любого компромисса.

Комиссар получает назначение в небольшой сицилийский городок. Там у него есть друг, который вводит его в курс относительно жизни этого городка. Внезапно их голоса заглушаются истерическим воплем. «Что это за фильм?» – спросил комиссар, заглянув в телевизор. Там кого-то рвали на куски. Лица персонажей изображали животную злобу и животный ужас, в зависимости от того, кому какая досталась роль. «А, американский», – брезгливо заметил Катани. Друг подошел к бесстрастному аппарату и хлопнул выключателем. Экран погас, очистившись от однообразных голливудских художеств, но действительность, открывшаяся вскоре комиссару, оказалась не лучше.

Комиссар раскрыл истину об убийстве своего предшественника, более того, он добрался до банковских афер местной верхушки с подставными счетами и инициировал масштабный судебный процесс. Против него были обращены все средства из арсенала при-служников капитала: попытка подкупа, административное давление, запугивания, клевета, травля, была организована ненависть простого люда, который лишился работы якобы из-за проклятой справедливости комиссара. Наконец, оскорбленным в лучших чувствах бизнесменам удалось найти его слабое место. У Катани похи-тили дочь.

Катани проиграл битву, пошел на уступки, претерпел чудовищ-ные унижения, принял на себя роль преступника, и все-таки не спас дочь.

Поскольку дело происходило в Сицилии, то весь этот бизнес по традиции именовался мафией, хотя границы перехода мафиозного и легального бизнеса просматривались плохо, а в дальнейших се-риях и вовсе исчезли. В конкуренции побеждает тот, кто использует самые эффективные средства, поэтому согласимся с одним вид-ным представителем руководства Москвы, с жизнеутверждающим апломбом объяснившим с телеэкрана, что в условиях рынка такое понятие как мафия отсутствует.

Так Катани лишился семьи, друзей, гордости. Однако мафии этого оказалось мало. Она засадила его в тюрьму, в ту тюрьму, куда он отправлял убийц, воров, торговцев наркотиками.

Сцена второй серии «Спрута 2», в которой арестованного Ката-ни вводят в холл тюрьмы, словно выпускают гладиатора на арену, а вокруг в несколько ярусов, как на трибунах цирка, беснуются уг-рожающе-ликующие толпы уголовников, в чьих злобных выкриках угадывалось знакомое: «Распни его!», и эпизоды дальнейшего пре-бывания Катани в тюрьме могут служить художественным выра-жением участи правды в сегодняшнем мире. Однако эти сцены со-общают зрителю сильнейшую потребность восстать против низо-сти, в чем проявляется сила истинного искусства: отрицать порок даже через демонстрацию его торжества. Зарядили они на борьбу и самого Катани. Мафия уничтожила все существовавшие связи это-го человека с миром и тем самым сделала его жизнь бессмыслен-ной, но она же выявила для него новую цель, сама сделавшись его целью, мишенью для приложенья его сил.

Решив, во что бы то ни стало, победить, Катани пошел на компро-мисс и ему удалось посадить часть дельцов на скамью подсудимых. Но если раньше, в «Спруте 1», он действовал с помощью официаль-

ной власти государства и проиграл, то теперь, в «Спруте 2», комиссар воспользовался могуществом самой мафии, обратив разрушительную силу одной группировки против другой. Только, вклинившись между конкурирующими кланами и умело раздувая конфликт, он сумел одолеть их. Однако его победа не была полной. Дельцы ускользнули, откупились и получили чуть ли не символические наказания по сравнению с тяжестью их преступлений.

По-другому и быть не могло. «Вы собираетесь перевернуть весь наш образ жизни, основу нашего общества? – с циничной усмешкой спрашивает комиссара адвокат Терразини. – Вы, что же, думаете, ваш моралистический жест будет оценен? Вы наивный человек. Возможно, списки и будут опубликованы, но пройдет слух, что это фальшивка, что это политические интриги. Не стройте иллюзий».

Однако речь у нас не о комиссаре. Наивно было бы искать преуспевающего героя нашего времени в борце за правду. Даже друзья говорят ему, что лучший выход для него – получить пулю в лоб. Это изгой, гонимый отовсюду. Он является лишь связующим звеном в гигантской мозаике лиц сегодняшнего мира. Переходя от расследования одного дела к другому, совершая бесконечное восхождение по иерархической лестнице порока в погоне за преступниками, он проникал во все более высокие социальные сферы. И наконец, в третьем «Спруте» мы встречаем людей, мнящих себя «пупом земли». Вот за ними мы и понаблюдаем.

Современные титаны – это уже упоминавшаяся нами семья крупного банкира: Николо Антинари – основатель клана, создатель банковской империи, ныне почивающий на лаврах после своих выдающихся свершений, его сын – Карло, сегодняшний владелец банка, жена и две дочери: взрослая – Джулия и совсем маленькая, лет шести Грета. Они сказочно богаты, даже имеют личный остров в Средиземном море, уважаемы, пропорционально их миллионам, и абсолютно уверены в своем праве на владение тем, что у них есть. Однако это демонстративное благополучие пробуждает алчность других деловых людей подобно тому, как вид упитанного лося на лесной опушке пробуждает аппетит волка. Но волк сразу не бросается на лося: это слишком крупное животное. Хищник идет по следам своей будущей жертвы и изучает ее. По запаху мочи волк определяет состояние здоровья лося, по остаткам шерсти на кустах угадывает его возраст, по размеру шага – степень усталости. Лишь выявив слабые места намеченной добычи, хищник идет в атаку. Так же любители денег подкрадывались и к могущественному клану Антинари. Изъян найдется всегда, у всякого Ахилла есть своя

пята. Уязвимым звеном в банковской империи оказались личные качества Карло. Увы, Карло не был конченным банкиром, как его отец.

— Мне так хотелось посвятить себя музыке! — откровенничает он с женой. — Столько учился! Но потом все бросил. Отец решил, что мой долг — оздоровить финансовую ситуацию в Италии. Но это же не мое, я мечтал о другом.

— Если хочешь достичь высокого положения, нужно платить, — отвечает на это собеседница.

— Ну, да. Я принадлежу к числу тех, кто решает, быть войне или миру, жить народам в нищете или благоденствии. Но меня это не радует.

Некоторые сомнения относительно добродетельности наживы любой ценой сделали Карло слабым противником в битве за золотой престиж. Этим воспользовался генеральный директор банка Дино. Он постепенно прибрал банк к рукам, затем вытеснил Карло и с супружеского ложа. Такова уж природа этих людей: хватать все, что удастся схватить. Затем, возжелав окончательно избавиться от Карло, он поставил на грань катастрофы Гонконгский филиал банка и тут же предложил операцию по спасению ситуации. Предлагалось профинансировать тайную сделку по торговле оружием. Затеявая это дело, Дино знал, что Карло откажется от преступной операции, и не ошибся. Но даже если бы Карло согласился, он бы так запачкался, что с той поры все равно оказался бы «на крючке» у лихого ген. дир-а.

— Если прогорит банк в Гонконге, рухнет все! — предупреждает Дино. — Ведь это не первое наше дело.

— Неправда, — отвечает Карло, — такого не было. Оно будет стоить миллионы жизней. Я на это не пойду.

— Ты стоишь на краю пропасти, а думаешь черт знает о чем. Ты прислушиваешься к голосу совести в мире, где никому это не позволено: ни твоему слуге, ни секретарше, ни шоферу! Берегись, Карло!

— Не пугай меня, Дино, я знаю кое-что такое, от чего тебе не поздоровится.

— Мы с тобой похожи на рабов, прикованных к одной лодке. Если я утону, то и ты — тоже со мной.

— Знаешь, Дино, есть у тебя одна черта, которую я терпеть не могу: когда ты говоришь о деньгах, у тебя руки трясутся.

— А ты сам всю жизнь трясешься... Подпиши, Карло. Подписывай или тебе конец, тебе и твоей семье!

(Диалоги приводятся согласно версии Главной редакции кинопрограмм, осуществлявшей озвучивание фильма на русский язык по заказу Общественного российского телевидения, с незначительными сокращениями).

Неправда ли, трогательные взаимоотношения у этих близких коллег, много лет улыбавшихся друг другу!

Размышляя над создавшейся ситуацией, Карло смотрит документальный фильм про голод в Африке, возникший в результате войны. «Мы-то знаем, кто сегодня является инициатором войн, – говорит голос за кадром. – Торговцы оружием, дельцы, люди без чести и совести. За каждым военным конфликтом – гигантские прибыли, личные интересы. Вся информация хранится в бесстрастных компьютерах. В их шифрах любая война обозначена всего лишь закодированной строчкой, разрушительная сила – номером контракта, геноцид – цифрой с массой нулей. На дисплее вы никогда не увидите числа или знака, обозначающего эти лица, эти ноги, опустошенные глаза», – на экране идут кадры, запечатлевшие растерзанные трупы.

После всего увиденного Карло, этот вершитель судеб мира, обитающий на «Олимпе» богатства, предпринял попытку отравиться, но его успели спасти.

– Почему ты сделал это? – спрашивает его дочь Джулия.

– Потому, что нельзя всю жизнь прожить с маской на лице, – отвечает излишне много размышляющий Карло. – Проходят годы, и понимаешь, что она не снимается: маска стала твоим лицом... Я не такой, как ты думаешь. Банк поглотил меня мало помалу.

В поисках выхода Карло обращается за помощью к отцу – материному дельцу на заслуженном отдыхе.

– Весь мир торгует оружием. Идет непрерывная борьба, и все закрывают на это глаза, – утешает его Николо. – Ты руководишь предприятием по обороту денег, а деньги вне морали! Разве мы виноваты, что политики поощряют развитие военной промышленности? Что делать, если сегодня это самая прибыльная отрасль экономики? Мы не святые и не дьяволы, мы нотариусу чужих сделок и иногда свидетели коррупции.

– Я больше не желаю санкционировать миллионы смертей, – возражает Карло на эти лицемерные доводы.

– Наше участие – чистая формальность, мы не можем нести ответственность, – не унимается отец.

– То, что ты говоришь, – вранье. Наши деньги убивают.

Не взяв хитростью, Николо пошел в лобовую атаку. Он стал упрекать сына в ошибках, которые якобы и привели к необходимости

применения крайнего средства. Карло оправдывается: так называемые ошибки являлись следствием его желания доказать, что банкир может быть честным человеком. В глазах Николо сын выглядит полным ничтожеством, конченным человеком. Тогда-то он и отправляет его на остров.

– Отец, ведь ты не предашь меня, правда? – спрашивает Карло, просяще глядя в глаза банкиру.

– Езжай на остров, – твердо отвечает старик. – Ты должен верить мне. Я с тобой.

После этой лжи крепкий старик на всякий случай поинтересовался у Дино, есть ли какой-нибудь шанс спасти положение без неэстетичных мер. Услышав, что такого шанса нет, он дал ген. дир-у все полномочия, но вдогонку еще раз напомнил:

– Не забывай, что он мой сын.

Вместо ответа Дино ободряюще похлопал старика по плечу. Николо был несколько огорчен таким исходом, хотя и мужественно скрывал это. В ту ночь, когда на роскошной вилле острова Семио повесили его сына, инсценировав самоубийство, Николо плохо спал, о чем поведал нам утром.

Едва вынув голову удушенного Карло из петли и уложив тело в гроб, деловые люди Николо и Дино тут же в соседнем зале принялись обсуждать свои важнейшие проблемы.

– По-моему, самое время поговорить о моем участии в делах банка, – объявил Дино.

– Какая сумма тебе полагается, чтобы отблагодарить за все, что ты сделал для нас? Три, четыре, пять процентов? – по-деловому реагирует Николо.

– Я прошу одиннадцать.

– Это слишком много.

– Это единственная возможность спасти тебя и твою семью, – привычно повторяет Дино свою традиционную угрозу. – Итак, одиннадцать процентов! Я это заслужил. Если корабль не пошел ко дну, так это только благодаря мне. Твой сын оказался слабаком.

– Ты прав. Чтобы выжить в этих джунглях, нужно быть диким зверем, как ты.

– Или, как ты! – не замедлил с ответом Дино.

– Хорошо, ты получишь одиннадцать процентов.

После этого успеха хватательный рефлекс Дино стал вовсе неудержимым, и он тут же отправился лапать вдову. Видимо, помимо прочего, ему не давали покоя лавры Ричарда III. Кстати, на тему чувств тоже есть примечательное высказывание нашего героя.

«Любовь – это капитал: умножает радость и смягчает боль», – изрек он в поощрение Катани.

Однако дед загрузил. Дино превысил меру – решил он, и вскоре преуспевающего молодца расстреляли в упор. Увы, Дино был хотя и диким, но недостаточно хитрым зверем. Он проиграл конкуренцию. На его место для проведения экстравагантных сделок был поставлен Терразини. Но нам уже ясно, что и этот герой получил всего лишь эпизодическую роль. Очевидно, главным действующим лицом здесь является сам патриарх Николо Антинари. Поэтому взглянем на него более пристально.

Этот крепкий старик с выражением лица Мефистофеля уверенно шагает к цели (Если кто-то не знает, как выглядит Мефистофель, или вовсе сомневается в его существовании, пусть он посмотрит «Спрут 3» – сомнения исчезнут). Узловыми станциями на пути к успеху Николо Антинари являются предательства. Сей герой без колебаний предает всех подряд, надменно попирая славу гестаповских агентов. Сразу видно большого человека. Он отдал сына на растерзание Дино, отделавшись лишь дурными сновидениями. Расшаркался с Дино и тут же подыскал ему замену, чем обрек его на гибель. Затем он умудрился еще раз, теперь уже по-смертно, предать сына, позволив Терразини безнаказанно расстрелять и опозорить вдову Карло. Потом, когда Терразини сыграл свою роль, Николо предал и его: труп адвоката был найден в грязи на обочине дороги. Далее Николо предал внуку, выдав мафии добро на убийство Катани, которого любила Джулия. В дальнейшем усилиями Катани цепь предательств этого выдающегося бизнесмена прервалась, но он успел выкормить в своем гнезде кукушонка Тано Корриди, который взялся довершить процесс уничтожения семьи Антинари.

Однако будет весьма поучительно вернуться назад, чтобы еще послушать старика Николо.

– Как красиво море осенью! – восхищается он сицилийской природой, когда нужно было уйти от расспросов внуки о гибели ее отца – Карло. Оказывается, ему не чужда красота, когда есть резон заметить ее.

– Чувствую, что в один из таких дней, – продолжает Николо романтические откровения, моя старая тыква перестанет соображать. Навсегда!

Любопытно, что жизнь он выражает понятием «соображать», то есть придумывать все новые спекуляции, предательства, подставы и т. д.

Вновь приняв дела после убийства Карло и Дино, Николо приехал в банк и, войдя в один из залов, увидел свой портрет.

– Уберите-ка этого святого, я пока еще жив, – приказал он. – И вообще, снимите картины, искусство отвлекает от дел.

А вот как он обучает Джулию банковским операциям.

– Ты понимаешь, что мы делаем? – спрашивает он ее у большого табло, отображающего ход сделок.

– Да, мы скупаем акции на всех рынках и, по-моему, платим за них слишком дорого.

– Точно. Платим вдвое дороже, потому что мы одновременно и продавцы, и покупатели... Мы теряем деньги в центральном отделении, но наращиваем капитал в зарубежных отделениях. Зачем?

– Чтобы не платить налога за вывоз капитала из страны, – сообщила смышленная внучка смекалистого деда.

– Совершенно верно.

– Но, по-моему, это незаконно.

– А что же делать? – наивно удивляется финансовый гений.

В самом деле, не теряя же деньги на какие-то налоги, если недоумки-политики еще не отрегулировали законодательство в полном соответствии с желаниями сильных мира сего. А старик Николо хорошо знает свое место в этом обществе.

– Многие думают, что обладают ключами от власти. Например, промышленники, владельцы газет, политики, военные, – просвещает он Джулию. – Но реальная власть – это мы, подлинная власть – де-е-еньги! Она вот здесь, в этой комнате, у президента нашего банка. Власть будет и у тебя. Но, чтобы ее удержать, ты не должна походить на своего отца.

– Я не думаю, что смогу стать похожей на тебя, – сомневается Джулия.

– Я уже стар. Пройдет время, и ты станешь владелицей наших богатств. Ты будешь жить в мире, который для других закрыт, в мире, о котором пресса предпочитает помалкивать. Входи туда немногие. Они живут в этой невидимой Вселенной, повелевающей судьбами наций. Это похоже на шахматную доску с несколькими фигурами, среди которых пешек нет. А ты будешь ферзем, королевой, моя дорогая! – проникновенно выговорил Николо, для убедительности тыча Джулии в нос шахматной костяшкой с хохолком на верхушке.

Но женщину продолжают мучить сомнения относительно банковского счастья. Дело в том, что в отличие от ее несчастного отца у нее есть выбор. Она любит Катани, представителя иной Вселенной. И эта другая Вселенная манит ее душу, влечет ее разум. При

взгляде оттуда, из того мира, фигура Николо с его ферзями в руках выглядит неубедительно. Она старается разобраться и вновь допытывается у старика о сути происходящих вокруг банка событий.

– Ты знал об отце? Знал, что его должны убить? – в упор спрашивает она. – Почему ты не помешал?

– Я оказался бессилён. Существуют правила, это они убивают. На таком уровне приговор выносится самой системой, безжалостной, более сильной, чем чье-то желание.

– А Дино?

– Дино погиб потому, что... просто необходимо было закрыть одну финансовую брешь, которая образовалась по его вине. Это напоминает заседание административного совета банка. Вырабатывается решение, и срезается ненужный пассив.

– А этот административный совет не мог принять решение раньше? – раздражается Джулия, – и спасти жизни моему отцу и моей матери?

– Нет, даже ценой своей жизни я не мог этого добиться, – поясняет Николо и переходит к той теме, которая его интересует: – Власть моя велика, совсем скоро я передам ее тебе.

Банкир даже не подумал, что вторая его фраза противоречит первой: он только что признался в собственном бессилии и тут же заявляет о своей власти! Но для него противоречия нет: первое относится к миру людей, которого для него не существует, а второе – к сфере обращения денег, каковая и является его жизнью и... смертью.

– Не нужна мне такая власть! Она замешана на крови и грязи. Твои руки по локоть в крови! – кричит Джулия и уходит прочь.

Она предлагает Катани уехать и начать новую жизнь.

– Я не могу прятаться. Это несправедливо по отношению к тем, которых уже нет на свете, которые погибли, но остались несломленными, – отвечает Катани. – Мир, в котором ты живешь, несет беды и несчастья людям. Твоя семья – это воплощение зла, против которого я всю жизнь боролся. Я не могу закрыть глаза на этот факт.

Таким образом, и Джулия, подобно своему отцу, не смогла освободиться от кандалов собственного общественного положения и осталась в темнице банковской конторы.

– Я вернулась на свое место, – сказала она банкиру.

– Поцелуй деда, – запросто предложил Николо, не понимающий, что человек, только что утративший шанс попасть на волю, не может радоваться черному подземелью тюрьмы.

Джулия с презрением отвернулась и ушла.

До финиша банковской сделки, которая вращала вокруг себя всех

этих людей, дожили немногие. Чем ближе к вершине Олимпа, тем теснее богам. Был убит видный государственный деятель, стоявший у истоков дела, но потом потесненный адвокатом Терразини. Застрелили и самого Терразини. Убили током, отравили, задавили еще нескольких человек. И все это для того, чтобы расчистить путь деньгам.

Однако междоусобица оставила много следов. Комиссар Катани снова раскрыл аферу господ бизнесменов и воспрепятствовал удачному завершению операции. Правда, и в этот раз победа оказалась неполной. Противники успели замести основной след и отделались сравнительно легко. Но Николо Антинари увяз крепко, и был выдан ордер на его арест.

– Я ожидал вас, – твердо сказал он Катани. – Вы уверены в своей победе?

– Не знаю, есть ли здесь победители, знаю только, что вы проиграли, – задумчиво произнес комиссар.

– Победило нечто более сильное и значимое, нежели вы или я, – деньги! – с необычным для него пафосом возопил старик Николо и гордо проглотил таблетку яда.

Итак, единственный кандидат на звание счастливого во всем этом блистательно-смертоносном мире – Николо Антинари. Других претендентов просто нет, ибо все остальные персонажи сошли с дистанции, погибнув насильственной смертью. Однако, обратив взор к этому герою, до конца верившему в значимость своей миссии, мы обнаруживаем, что его на самом деле нет, человека нет: он уступил статус личности своим деньгам, а у денег не спросишь, счастливы ли они. Вопрос снимается сам собою.

Фильм («Спрут 3») заканчивается символической сценой. Один из друзей Катани справляет свадьбу. Здесь собрались все борцы за справедливость, все, кто еще уцелел в этой войне без шансов на победу. Они празднуют свой день, и происходит это за мрачными стенами во дворе полицейской казармы. Уже давно судья, его жена, дети, комиссар Катани и их основные сподвижники жили в этой казарме – единственном месте в городе, где справедливость была хоть как-то защищена от злобы хозяев мира.

Успехи Катани, хотя и частичные, но великие для условий этого общества, объясняются тем, что он стал как бы центром кристаллизации всего доброго, что еще осталось в людях. Встречаясь с человеком, лишенным корысти, люди вспоминают свои истоки, освобождаются от пут искусственных страстей и расправляют грудь, ощущая человеческое достоинство. Аналогичен и секрет его успеха у женщин из элитной среды. Они видят в нем естественного мужчину, чувствуют

щего и действующего, что выгодно отличает его от тех мумий в золотых саркофагах, которые обычно окружают этих женщин.

Выступая на свадьбе в серой казарме, куда преступный мир заточил честность и справедливость, Катани говорит:

— Мы живем здесь, хорошо или плохо, но живем и пытаемся поправить то, что у нас плохо, боремся с теми, кто стремится заткнуть нам рот. Считаю, что очень важно продолжать говорить даже тогда, когда тебя не желают слушать. Кто-то все равно тебя услышит, потому что по ту сторону этих стен тоже есть настоящие люди. Мы их не видим, но они есть. Простые люди молчат о своих чувствах и желаниях, но это не значит, что у них нет желаний. Вечером человек приходит с работы, включает телевизор и приходит в ужас от разоблачений коррупции, шумных скандалов и преступлений, совершаемых сильными мира сего, неподвластными правосудию. Человек чувствует одиночество и забвение. Но есть еще мы, и каждый из нас ведет свою борьбу.

Напоследок комиссар пожелал молодым, чтобы настало время, когда они, честные люди, могли бы выйти из заточения на свободу и без страха за свою жизнь влиться в людскую толпу.

«Спрут 4» показывает нам еще более высокий уровень иерархии общества, еще большее богатство дворцов и ледяной холод пустых душ, еще большие деньги и преступления. Главный герой «Спрута 4» зародился в недрах третьего «Спрута». Это скромный секретарь Николо Антинари, поправлявший подушку под его головой, смотревший ему в рот и ловивший каждое слово, это — Тано Корриди. Тогда он был подобен Калигуле, который «желая властвовать, вел себя как раб». Дино так и сказал ему: «У тебя душа раба».

Тано, скупой на слова, жесты, мимику, в угрюмой сосредоточенности зорко высматривал свой шанс, и в расчетный момент времени смело вышел из тени. Он лично застрелил Дино, когда это было нужно Николо, он же противопоставил себя Терразини, когда тот перестал устраивать старика.

Однако Терразини был ставленником подпольного сицилийского бизнеса, поэтому его нельзя было уничтожить, как Дино, у которого имелся только один хозяин. И Тано отправился на поклон к мафии, чтобы просить голову знаменитого адвоката.

— Терразини — хороший мальчик, я выпестовал его как собственного сына, — признался глава клана, но простой арифметический подсчет показал, что «хорошим мальчиком» нужно пожертвовать.

В этой сцене мы встречаем еще один «пуп земли». Этот упырь безвылазно сидит в погребке, своеобразном бункере, и мнит себя

новым фюрером.

– Кажется, что мы далеки, на другой планете, – говорит он, – но по сути мы в центре земли. Сюда стекается информация со всего света, о тех же судьбах, которые охотятся за мной.

Он по достоинству оценил Тано, приветствовал его размах в делах и согласился:

– Мы должны инвестировать наши капиталы по всему миру. Когда-то все было по-другому. Чтобы стать уважаемым человеком, достаточно было обладать силой и отвагой. А чтобы тебя уважали сегодня, нужны деньги, большие деньги. Много денег – больше уважения...

Тано покорно преклонил колени и приложился к руке этого фюрера. Почему бы и не стать на колени перед серийным убийцей, если это сулит большие денежные вливания в его будущий банк?

А ничего не подозревавший Терразини упивался своим успехом, он ведь был введен в административный совет банка Антинари с долей в одиннадцать процентов. Сидевший рядом с ним в машине Тано, как всегда, мрачно молчал, слушая его. Последними словами Терразини стали такие: «Благородное у тебя сердце, Тано». Автомобиль остановился, сердечный Тано вышел, а находившийся за рулем секретарь Терразини, ныне перекупленный новым господином, вlepил пулю в висок бывшему хозяину. Так Тано вошел в административный совет одного из крупнейших банков.

Этот человек действительно похож на истинного героя нашего времени. С детства узнав нищету, он решил разбогатеть. Но сколько бы он ни богател, всегда находился кто-то еще богаче, поэтому он шел и шел вперед, все подчинив единственной цели. Ему было не до женщин, друзей и развлечений. Он не мог позволить себе распылять силы и время, только нажива, нажива и нажива!

Естественно, что Тано и Катани сразу поняли и возненавидели друг друга. Они были антиподами, двумя мирами или, может быть, миром и антимиром, жизнью и схемой, человеком и числом «с десятком нулей», как выразился сам Тано, правда, о Николо; себя он мнил числом с еще большими нулями. Убеждая Джулию сбросить ярмо богатства после смерти Николо, Катани сказал:

– С кем ты остаешься? С ним? – указал он на Тано, стоявшего тут же рядом и буравившего его ядовитым, ненавидящим взглядом. – Посмотри на него, это же не человек, а чудовище!

Благодаря «фюреру из погреба» Тано обладал гигантским теневым капиталом, но реализовать его не мог. У него было только

одиннадцать процентов банка Антинари, а еще существовала Джулия, наследница Николо. Тано необходимо действовать, и он идет в наступление. В полном соответствии с законами бизнеса гибнет в катастрофе Джулия: миллионы доброго дедушки сыграли свою роль. Остается еще малолетняя Грета, и в своей неумейной любви к семье Антинари Тано ходатайствует об опекунстве над нею.

Он содержит девочку во дворце, заваливает ее игрушками. Вот он несет искусственного «малыша» в натуральную величину. Входит в огромный зал, где среди нагромождения всяческих плюшевых медведей, волков, пластмассовых солдатиков и деревянных лошадок на полу недвижно, как и все вокруг сидит маленькая, затерянная в этих гулких объемах, девочка и застывшим взглядом смотрит в стеклянные глаза тряпчатого медведя. Тано подносит ей «малыша». Тот хлопает ресницами, у него бьется механическое сердце – игрушка очень дорогая. Девочка боязливо прикасается к жизнерадостно-розовой резине, и «малыш» вдруг начинает плакать. Грета в ужасе отшатывается, ее глаза округляются, как будто она увидела поднявшегося из гроба покойника. Ее пугает эта дорогостоящая имитация жизни. Ей хочется жить, а не имитировать жизнь. Играя друг с другом, дети реализуют главную человеческую способность – стремление к общению и развивают все другие свои способности. Каждую минуту они творят, импровизируют. А здесь, под мраморными сводами дворцовых палат властвует надменное богатство, которое вытеснило жизнь. Это напоминает царство Снежной королевы с той лишь разницей, что Снежная королева была все-таки женщиной, и это бросало хоть какие-то блески света на ледяные стены, а богатство – существо бесполое, оно вообще не знает страстей и властвует с беспощадностью мстительного евнуха.

Как у всякого ребенка, у Греты чувства опережают рассудок, она не понимает, в чем враждебность этого храма потусторонним богам, но ощущает ее всем своим существом. Поэтому она уходит в себя, замыкается, стремясь уберечь душу от ядовитых флюид, источаемых мрамором, золотом, всяческими имитаторами жизни и прямым ртом Тано, который «никогда не улыбается». Ее поведение, ее настороженно-испуганные глаза, ее молчание и неподвижность: все это – приговор миру взрослых. Она хотела жить, а ей вместо этого предлагали лишь потреблять богатство.

Катани вместе со своими друзьями вырывает чахнувшую Грету из под савана богатства, и ее помещают в детский приют. Тано, тайком наблюдая за девочкой, играющей с другими детьми, самыми обычными, неродовитыми и небогатыми, вдруг делает потря-

сающее открытие. «Улыбается... – шепчет он с таким изумлением, словно увидел приземлившийся НЛО и ковыляющих к нему гуманоидов. – Почему? У нее здесь ничего нет!»

Однако вожаки сорок процентов банковских акций Греты вверены распоряжению Тано, и он, давая в себе неожиданный проблеск эмоций, объявляет войну самой могучей в Италии банковской империи.

Первым делом он предлагает вступить с ним в сговор президенту этой компании Рази. Тот, естественно, с презрением отвергает грязное предложение. Тано не унывает и идет к знакомому сенатору. Сенатор Салимбени пытается изобразить великого человека, изрекает сентенции, пускает в ход ехидные ухмылки и многозначительные взгляды. Однако Тано «срезает» его очень быстро.

– Я предлагаю вам контроль над самой крупной компанией издателей, – объявляет он. – Две газеты, одно издательство, крупнейшая телекомпания, словом, я даю вам шанс получить больше голосов избирателей, большую политическую власть.

Увы, там, где властвуют количественные ценности, мнения и взгляды людей, в конечном итоге, тоже формируются количеством, хотя порою сами люди не понимают, что продают свою душу.

Сенатор соглашается вступить в дело. Он направляет Тано к Эспинозе, который обладает секретным ключом к совести Рази.

Далее мы встречаем еще одну разновидность упыря-фюрера, изображающего из себя властелина мира. «Бункер» Эспинозы – это не набитый охранниками подвал и не буржуазный особняк, заваленный хламом дорогих побрякушек, и не аристократически-великолепный дворец, как у Рази, а нечто вроде музея. Этот человек обитает в храме искусства, однако с примесью канцелярщины, роскошью которого являются шедевры живописи, книги, коллекции всяческих редкостей, статуэтки с символическим смыслом. Но вся эта культурная оболочка скрывает иное искусство – искусство интригана. Главным содержанием интерьера этих залов является необъятная картотека, на самом деле Эспиноза собирает коллекцию человеческих тайн. Один из своих драгоценных экспонатов он и поднес Тано. Это была старая кассета с записью телефонного разговора, свидетельствующего о фактическом, хотя и пассивном соучастии Рази в убийстве своего начальника. «Речь идет о простой сделке с совестью», – пояснил Эспиноза с обаятельной улыбкой. О, Эспиноза эстет, интеллигент, он чурается таких слов, как преступление, шантаж, и всегда выражается с убийственной корректностью. «Сдав» Рази Тано, Эспиноза на прощание преподает черст-

вому банкиру урок высокого искусства. Он извлекает из укрытия драгоценную скрипку по прозвищу «Ришелье», и безымянный наемник, специально приглашенный к этой скрипке, касается ее смычком. «Великая скрипка должна звучать только раз в году и не более одной минуты. Тогда в ней пробуждается душа», – изрекает Эспиноза и изображает на своем мясистом лице возвышенные чувства, приличествующие ценителю музыки.

В ушах Тано пронзительное пенье «Ришелье» трансформируется в похоронный марш Рази с отзвуками свадебного марша: столь причудлива деловая сметка этого человека. Возвращаясь от Эспинозы, Тано предъявляет компрометирующую кассету Рази. Уровень этого бизнесмена таков, что наш покойный знакомец Николо Антинари в свое время почел бы за высшую честь завязать ему шнурки и слизать пыль с его башмаков. Однако чудовищной силы всех богатств Рази не хватает, чтобы защититься от этой кассеты. Он сдается Тано и сообщает ему о слабых местах своей финансовой империи. Желая придать естественный, в глазах света, характер их сотрудничеству, Тано требует дочь Рази. «Фиктивный брак в интересах дела», – коротко поясняет тот, кто привык «в интересах дела» жить фиктивной жизнью. Рази пытается высказаться о нравственном облике своего делового партнера. Но монеты нравственных изречений не имеют хождения в деловом мире, и он продает дочь.

Сцена свадьбы перемежается кадрами расстрела полицейского конвоя. Надо всеми этими событиями реквиемом звучит музыка Эннио Морриконе, которая играет роль главной партии, тогда как выстрелы, венчанье, свадебные фейерверки выступают лишь фоном. Эти, казалось бы, противоречивые сцены объединены не только музыкой, их уравнивают слезы, слезы Катани, потерявшего в перестрелке своих друзей, и слезы богачки Эстер, проданной, как рабыня, человеку, которого она ненавидит.

Чем больше уступал Рази, тем сильнее входил в зависимость к противнику. Тано требует назначить его вице-президентом финансовой империи. Рази возмущается.

– Вы аморальный человек! – восклицает этот деловой кентавр.

– Аморальным может быть только одно – неудача, объясняет Тано.

Далее он убедительно вскрывает двуличие Рази, который утопает в роскоши, когда рядом люди, работающие больше него, голодают и умирают от средневековых болезней, потому что не имеют денег на лекарства. Избирательная нравственность – не более чем лицемерие – доказывает Тано, – а по-настоящему моральная лич-

ность не может преуспеть в аморальном мире. Оппоненту нечего возразить.

Рази едет на поклон к Эспинозе и предлагает ему пятнадцать процентов акций банка за помощь против Тано. Эспиноза объясняет гостю, что некогда его относительная честность была выгодна высшему миру, но теперь он уже никому не нужен. «Рази, уйдите с дороги», – высокомерно бросает Эспиноза свой приговор.

Рази возвращается в блистательный дворец в огромном личном парке на берегу сказочно-прекрасного озера с горным пейзажем на противоположной стороне. Это мир стоячего богатства, заполнившего все поры, здесь нет людей, животных, нет голосов, движения, даже листья на деревьях не смеют трепетать и хранят аристократическую чопорность. Только волны озера нарушают оцепенение омертвевшей природы и шуршат наподобие банкнот, мерно накатываясь на берег, может быть, символизируя приток все новых богатств.

Он призывает дочь и трогательно объявляет ей:

– Завтра, спустя много лет, я снова становлюсь свободным человеком. Конец интригам, обманам. Не нужно будут бояться удара из-за угла.

– Ты решил уйти в отставку? – наивно спрашивает Эстер.

– Решил. Мир, в котором до сих пор я жил, чудовищен. Много лет назад я тоже поддался его законам. Это было ошибкой, за которую я расплачиваюсь всю жизнь. Если бы люди могли заглянуть за кулисы финансовой олигархии!

– Тано победил тебя? – восклицает дочь.

– Да, но он играет краплеными картами.

Расставшись с дочерью, Рази подошел к озеру и застрелился.

Тем временем сенатор Салимбени в жажде великих дел явился к Эспинозе. Бог делового мира парился в бане, оформленной под некий райский грот с каменными ангелочками на берегах подземного озера. Он не нарушил распорядка ради столь мизерного явления, как какой-то там сенатор, и беседовал с гостем без отрыва от банных процедур. А Салимбени был при полном параде и, тяжело потев и задыхаясь от плотного пара, воскуряемого из фигурных кадилниц, нервно теребил узел галстука, подбостростно заглядывая в глаза колоссу закулисного мира. Так официальная политика унижается и заигрывает с теневой властью, «избранник народа» пресмыкается перед избранником бизнеса.

– Рази приезжал к вам с предложением? – осторожно выпрашивает сенатор.

– Естественно. А я, естественно, отказался. Какой резон беречь дряхлого солдата, когда можно заполучить молодого Наполеона?

– Я специально приехал к вам, чтобы поговорить о нашем Наполеоне. Силен Тано, но он меня тревожит: слишком большой циник.

– Думаю, вам не следует беспокоиться. Когда наш Бонапарт выиграет итальянскую кампанию, мы не станем назначать его верховным консулом, мы его уберем.

– Он слишком резво шагает в гору.

– В современной войне наскоком не победить, как это делает Тано. Так можно ошеломить противника, дезориентировать, но, чтобы победить окончательно, нужно держать под контролем небеса и моря. Нужен человек в небесах как вы и в пучине морской – как я.

– А теперь назовите мне истинную причину вашего визита, – с другой интонацией, произнес Эспиноза.

– Я хотел поговорить о вашем европейском проекте. При проведении операции такого масштаба вам потребуются консультации, возможно и...

– Сколько? – высокомерно перебил Эспиноза.

– Как? Не понимаю, – признался чувствующий себя скованно в таком обществе да еще и в одежде Салимбени.

– Сколько вы просите? Какова цена, ваша личная? Какую сумму перевести на ваш счет в Швейцарии?

– Ой, извините, – засмутился сенатор, – у меня нет счета в Швейцарии.

– Пять миллиардов достаточно?

– Да, – глядя с собачьей преданностью на Эспинозу, невнятно твякнул «человек в небесах», – думаю, да.

Цифры всегда венчают разговор деловых людей.

А Тано тоже собирается к Эспинозе. На вопрос жены он говорит: «Еду в одно очень мерзкое место». Такой экспрессивный термин в устах столь сдержанного человека – редкость. Единственное чувство, которое остается у представителей делового мира и замещающее им все остальные, это лютая ненависть друг к другу.

Эстетствующий делец вновь встречает Тано присказкой.

– Оказывается, без очков, когда все размыто, мир кажется лучше, – заявляет он.

– Я предпочитаю видеть все отчетливо, – холодно отвечает Тано.

– И что вы видели в эти дни?

Тут Тано сообщил, что раскусил авантюру Эспинозы, который

собирался захоронить радиоактивные отходы производства в каменистых холмах маленького островка возле Сицилии. С Эспинозы сразу соскочил налет культурности, и он стал ругаться, как торговец или вовсе бандит, ибо прибег к откровенным угрозам. Однако Тано был не прост. Подойдя вплотную к врагу, он, протянул к нему руки, словно собирался его задушить, и объяснил:

– Неужели вы полагаете, что я стал бы играть с вами, не имея на руках козырей? Я играю только на выигрыш!

– Откуда вам известно о радиоактивных отходах? – растерянно спросил утративший спесь Эспиноза.

– У меня есть связи в среде самых отъявленных преступников, тех, у кого руки всегда чистые, кто живет в таких виллах, как ваша. И вы полагаете, что я не буду знать о самой выгодной сделке в Европе? В Берлине стоит поезд с продуктами отходов секретных производств, и вам поручили спрятать их.

– Поэтому я обратился к вам, – нервно ходя взад-вперед, пояснил Эспиноза, – я искал специалиста по отбросам.

– И вы не ошиблись.

Далее все кончилось по-деловому. Конфликт был улажен, когда Эспиноза уступил Тано десять процентов прибыли от будущей сделки. Расставаясь, Тано протянул руку и сказал.

– Честь имею.

Эспиноза на эту руку даже не взглянул.

– Вовремя вы уходите, – заметил он, – боюсь, этот дом не выдержит нашего с вами цинизма. Так и кажется, что стены вот-вот рухнут.

Далее в дело вновь вступает комиссар Катани, все время шедший по следам преступлений Тано и его окружения. Он установил, что игорный бизнес находится под особым покровительством государства в лице сенатора Салимбени и деловых кругов – благодаря Тано. За это дельцы не только имели процент от прибыли казино («взятка – плохое слово, давайте назовем эти деньги «фондом изучения рынка», – говорит один из персонажей), но и услуги иного рода. Например, через казино посредством подстроенного выигрыша передавались большие деньги нужным людям, и эти деньги становились «чистыми» с точки зрения государства. Чиновники, осуществлявшие контроль деятельности казино, были подкуплены, причем, некоторые вынуждены были брать взятки из-за страха, под угрозой расправы.

Один из таких невольных взяточников, Бини, будучи под следствием и ненавидя своих притеснителей, во всем сознался Катани.

– Все организовал Салимбени на государственном уровне. Казино выплачивало ему процент, – сообщает Бини.

– Сенатору? – удивился комиссар.

– Ну, вы же знаете, как это делается. Тот, кто делает погоду в политике, всегда прикрыт. Деньги шли через Конопио.

– Большие деньги?

– Два миллиарда лир, которые сенатор вложил в свою избирательную кампанию.

Однако Бини боялся за свою семью и не мог выступить с разоблачением официально. По его совету, комиссар обратился в парламентскую комиссию по организованной преступности и обвинил Салимбени в коррупции.

– Я обращаюсь к совести граждан нашей страны, которых вы представляете, – говорил Катани, – существуют истины, от которых все отмахиваются, которые внушают страх, в том числе и государственным институтам, призванным бороться с этими проявлениями. Но я верю в вас.

Однако «истина, честность – это категории только для школьных учебников», – по выражению Эспинозы. В том мире, в котором правят Эспинозы и Салимбени, им места нет.

В тюрьме, где во время следствия находился Бини, двое уголовников хватают его, заламывают руки, при попустительстве охранников, волокут в какой-то каземат и, приставив к горлу нож, старший из них говорит:

– Пиши то, что я скажу, а то жену твою и дочь на фарш пустят. Если не напишешь, расколем их, как грецкий орех. Пиши: «Комиссар Катани вынудил меня дать ложные показания. Он силой отобрал у меня ключ от банковского сейфа, где находятся мои сбережения. Мне стыдно за мою слабость, Прошу простить меня».

И Бини пишет.

– Письмо асессора Бини ставит под сомнение суть ваших обвинений, – сообщают комиссару в высокой комиссии. – Что вы можете сказать на сей счет?

Катани, хорошо изучивший общество, в котором ему пришлось жить, все знал наперед, поэтому грустно произнес:

– Я хочу сказать, что чувствую себя виноватым. Да, виноватым в том, что убедил асессора Бини, будто в нашей стране правда всегда одерживает верх благодаря людям, которые не желают стоять на коленях. Очевидно, я заблуждался.

Любопытно, что даже у умных людей средствами пропаганды культивируется мнение, будто безобразия творятся только в их стра-

не («только в нашей стране», – слышишь возмущенье на каждом шагу во всех странах), а там, в Бурунди или в Антарктиде все замечательно.

Высокая комиссия сделала вид, что не поняла сарказма Катани, закрыла дело о большом человеке – сенаторе Салимбени и направила в соответствующие органы представление о служебном несоответствии совсем маленького человека – комиссара Катани. Комиссара отстранили от должности, а вскоре он и вовсе оказался в розыске в качестве уловника.

За ходом заседания комиссии по телевизору наблюдали упитанные, самодовольные граждане, представлявшие цвет сицилийского общества: кто-то, прочищая автомат перед новым делом, кто-то, грубо выпроваживая исполнившую свое назначение проститутку.

– Вышибли? – радуется вожак, и его пороссячья физиономия (не в обиду будь почтенным свиньям сказано) расплывается в масляной ухмылке. – Нужно отметить такое событие как следует!

Но торжествуют не только отъявленные воры и убийцы. Все общество с готовностью и чуть ли не со злорадством принялось травить и преследовать Катани. Дело не в формальном поводе для обвинения этого человека, а в той трудно скрываемой радости общества, с которой оно ухватилося за возможность развенчать и унижить своего героя. Слишком явно он указывал на порочность мироустройства, тревожил сильных мира сего и нарушал обывательский сон массы, смилившейся с участью домашнего скота в хлеву всяких тано и эспиноз. Так состарившаяся кокетка ненавидит зеркало, хотя формально и не может упрекнуть его. Катани приподнял завесу лицемерия, и тогда выяснилось, что для этого общества проступок не в самом преступлении, а в огласке, оно преследует не того, кто творит беззакония, а того, кто вскрывает преступность существующего мира. Это свидетельствует, что порок негласно уже стал моралью общества, но оно пока еще не способно признаться себе в этом.

Однако Катани не сдался. Подобно Иисусу он говорил тому или иному человеку: «Иди за мною», и тот преображался и шел. Собственным примером, своей воинствующей человечностью, протестующей против фальшивого мира, Катани пробуждал в людях их истинную природу, усыпленную душу, сознание, и те становились его соратниками.

По всем многочисленным сериям «Спрута» созвездием рассыпаны такие люди. Как кровяные тельца – лейкоциты, они ведут бескорыстную борьбу с захватившей общественный организм ин-

фекцией, но, увы, все гибнут. Их подвиги, большей частью, остаются незримыми для общества, но именно благодаря им оно еще существует.

Собрав группу таких добровольных сподвижников, Катани, находясь в подполье, продолжает вести расследование. Ему удастся взять главаря одного сицилийского клана. Это был тот самый «упырь», к которому приходил на поклон Тано. Половину жизни он просидел в бункере, скрываясь от людей, хотя, по его словам, мог бы полмира купить. Однако у тех, кто подавляет в себе все проявления человеческого, естественные чувства прорываются на волю самым неожиданным образом: иногда в виде психической болезни, какой-либо мании, иногда – извергаются, как лава из вулкана, «взрывая» человека, приводя его к катастрофе. Теневой король, этот подземный бог, много лет тайно платил дань своей человеческой природе привязанностью к девочке – сироте, которая считала его своим отцом. На самом деле она была жертвой этого преступника, случайно уцелевшей при бандитском нападении. Чувствуя раскаянье за убийство ее матери и покушение на ребенка, бизнесмен от крови и смерти стал заботиться о девочке через подставных лиц. И чем больше он заботился, тем дороже она ему становилась, тем сильнее он к ней привязывался. Ее-то и разыскал Катани и таким образом вышел на главаря.

Здесь сыграло роль еще одно обстоятельство. Сицилиец имел некоторые представления о порядочности, пусть и бандитские. Он воспротивился захоронению радиоактивных отходов вблизи Сицилии и был приговорен теневым бизнесом к расстрелу. Подобно Карло Антинари и Рази этот король был мгновенно свергнут, едва только он не подчинился законам наживы. Бизнес скрупулезно выбраковывает даже малейшие проявления честности и принципиальности. Поэтому теперь этот опальный главарь с готовностью отдался в руки Катани, чтобы с помощью правосудия отомстить своим обидчикам. Он раскрывает судьям глаза на Салимбени и Тано, называет и Эспинозу.

А тем временем не подозревающий о разоблачении Тано ведет финансовую битву против банковской империи, которой некогда руководил Рази, и использует при этом добытые у него сведения. Он все рассчитал, как истинный полководец, все разложил по минутам и долларам. Сидя в пустом операционном зале перед огромным табло, отображающим весь денежный мир, он наблюдал, как его солдаты и офицеры на передовой, на бирже, сначала распродают акции, заманивая противника в ловушку, сбивают на них цену и

таким образом разоряют конкурентов, а потом идут в наступление и все скупают. Наконец табло высветило на заваленном «трусами» разорившихся финансовых структур поле боя вождьеленный процент доли банка Антинари, который делал его, Тано, хозяином всей финансовой империи. Полная победа. Взглядом Наполеона Тано обводит стены пустого зала и встает. Но даже в момент такого торжества линия его рта остается прямой, он не улыбается. Однако на выходе он признается агрессивной своре журналистов, что счастлив. Телевидение взхлеб воспекает добродетели нового финансового властелина, обыватели млеют от восторга и зависти, Салимбени снисходительно посмеивается, а Эспиноза по телефону заверяет сенатора, что его политическая карьера имеет блестящие перспективы.

Этот затянувшийся пересказ художественного произведения не случаен (впрочем, это не линейный пересказ, а попытка синтеза). Мы наконец-то узрели человека, считающего себя счастливым. Выходит, можно построить счастье на преступлениях, убийствах, войнах, ненависти, предательстве и извращении собственных чувств и способностей? Не будем торопиться с выводом, очень скоро это фиктивное наполеоновое счастье обернулось своим антиподом.

Тано тоже абсолютно верил в ценности существующего мира и подчинил им все свои силы, мысли и чувства, всего себя. Однако, в отличие от сицилийского главаря, он не позаботился о том, чтобы создать отдушину проявлениям человеческой природы. Банкир полагал, будто полностью задавил в себе жизнь, вытеснил душу расчетом. Достоинства он усматривал только в силе, а силой были деньги, слабость же представлялась ему единственным пороком. И вот, задавшись целью быть сильным, он казался неуязвимым для всех, кроме одного человека. Его угнетенные чувства восстали и обратились на Эстер. Он взял жену из расчета и со смертью Рази полагал ее миссией законченной, потому и не уберется; она выпала из его схемы и превратилась просто в человека и женщину.

Эстер выглядит самым жалким персонажем во всей этой карусели несчастий. Отцовское богатство сделало все для того, чтобы она выросла ни к чему не способной, чтобы она ничего не понимала в жизни. Это было декоративное существо, которое не живет, а играет. И когда зашатался золотой трон Рази, действительность вдруг разверзлась перед ней как пропасть, в которую она рухнула со всего маху. Источником бед она считала Тано и решила посвятить свою загубленную жизнь мести. Этого человека она видела насквозь, во-первых, потому что он ее любил, а во-вторых, по контрасту с Катани.

Возвратившись домой после своего «Аустерлица», победоносный банкир на радостях снял кандалы с души и без защитного панциря устремился к жене, которая как раз и была его самым беспощадным врагом. Она высказала ему поздравление в такой издевательской форме, что он затрясся от злости.

— Я не люблю насмешек, — заявил он.

— А я только этим и занимаюсь! — с уничтожающей язвительностью сообщила Эстер. — Ты научил меня, как можно убить человека, чтобы он не пикнул. Сила тут не нужна, достаточно угрозы, шантажа, ведь так ты убил моего отца? Та же участь ожидала и меня, но ты влюбился в меня, в меня, которая ненавидела тебя как никто другой.

— Неправда!

— Правда! Я изменяла тебе, я следила за тобою и выдавала твои секреты Катани. Сегодня ты победитель, а завтра снова станешь тем, кто ты есть в действительности — мерзким подлецом и не более!

В ответ раздался звериный вопль. Тано узнал сразу и о своем формальном поражении, и о гораздо более значительной катастрофе — крушении всех своих ценностей. Он убедился в превосходстве истинного чувства над властью, даваемой деньгами и сопровождаемой тотальной ненавистью и завистью. Все человеческое он вытравил из себя за годы движения к «цели», и его выпотрошенная личность держалась только на костылях мнения о своей силе, о превосходстве над другими. Эстер выбила у него эти костыли, и он свалился на землю, и, барахтаясь в грязи, вопил как зверь. Он задушил Эстер, и в этом также проявилась его звериная суть.

Ненамного приличнее выглядел и арестованный Салимбени. Эти ничтожества, значимость которым придавал только социальный статус, украденный ими у общества, сразу лишились человеческого облика, едва утратили этот статус.

А вот Эспинозу происшедшие события затронули слабо. Правда, ему пришлось съехать со своей виллы и отправиться на другую, более безопасную. Комиссару все-таки довелось встретиться с Эспинозой. В своей наивной вере в человечество он даже не подозревал, что на свете бывают такие Эспинозы. Кстати, наивность Катани состояла лишь в том, что он отождествлял человечество со своей цивилизацией, с тем миром, с которым сам же и боролся.

Окинув бойцовскую фигуру комиссара насмешливым взглядом, Эспиноза промолвил:

— Мне рассказывали, что вы напоминаете доброго молодца: ведете бесконечное сражение с драконом. Допустим, что я воплоще-

ние зла, а вы – добра, и вы надеетесь одолеть меня вот этим? – насмешливо подбросил он в руке пистолет, отобранный охранником у Катани. – Посмотрите, какое великолепие вокруг. И вы полагаете, что здесь живет преступник? Я простой коллекционер. У меня коллекция человеческих душ, я коллекционирую их скрытые болезни, пороки, тайны.

– С целью шантажа?

– В наших кругах и слова такого не знают. Существуют только контракты, товары для обмена или же секретная информация. Для демократии подобная коллекция вроде смазки для механизма. Запах отвратительный, пачкается, но обойтись без нее нельзя.

– Но на этот раз вы проиграли, Эспиноза.

– Вы ошибаетесь. Я вовсе не проиграл, потому что те, кто командует в этом мире, заодно со мною. За моей операцией стоит весь мир. Я осуществляю сборку. Крупный капитал, преступный мир, государственная власть: все вместе это и есть власть.

– Ваше время вышло, комиссар, – продолжил он после многозначительной паузы. – Ваше время кончилось в буквальном смысле. – Для убедительности Эспиноза уронил на бок песочные часы.

– Вы меня убьете?

– Не теперь и не здесь, и не я.

– Кто же?

– Сила обстоятельств. Вы умный человек, вы сами все понимаете. Вы слишком много знаете, дальше шлагбаум.

Он выходит на улицу, комиссар следует за ним.

– Честь имею, – с насмешливым полупоклоном говорит Эспиноза, садясь в личный вертолет.

Лопасты убыстряют движение, вертолет взлетает, а воздушный вихрь едва не сбивает Катани с ног. Он пытается закрыться рукою, но безуспешно.

Такою символической сценой заканчивается эта история. В качестве характеристики уровня художественного реализма фильма достаточно привести один, казалось бы, незначительный момент. Во время очередного убийства на Сицилии сразу после выстрелов в ближайшем селении раздается собачий вой. Обычные собаки должны были бы залаять при резких звуках, но на Сицилии даже животные знают, что там правит бал смерть. У сицилийских собак сложилась рефлекторная цепочка: выстрелы – похороны – всеобщая скорбь, поэтому при первом же хлопке вся округа отзывается надрывным воем. Во время всего фильма (за исключением «Спрута 1») звучит музыка Эннио Морриконе как реквием по всем этим людям:

богачам и нищим, убийцам и их жертвам, самодовольным и отчаявшимся. А сам фильм воспринимается как реквием по нашей цивилизации, которая, впрочем, уже перестала быть нашей, она ушла из-под контроля людей, и сама взяла их под контроль, превратила в марионеток, каковые, дергаясь в неприглядной роли, даже не видят прятнувшихся к ним веревочек.

Ну, а что же произошло с людьми дальше? В последние десятилетия преобладает тенденция подравнивания людей под средний уровень, подгонка под стандарт. Искусство все более походит на рекламные ролики, из него изгоняют высокие чувства, сильные переживания, оно апеллирует к простейшим животным страхам и потребностям. Вместо очищения людей через катарсис и возвышения через познание, оно стремится возбудить любопытство, шокировать.

Не будем затрагивать сложные формы выражения общественного сознания. Рассмотрим рок-музыку. Это направление молодежного искусства при возникновении имело протестный характер. Предельно обостренная эмоциональность рок-музыки выступала антиподом холодной расчетливости бездуховного мира, имела претензию на отрицание этого бездушия, на его преодоление. В дальнейшем бизнес подчинил рок-музыку своим законам и вынул из нее сердце, вытравил суть, оставив лишь шумную форму. Эта трансформация нашла выражение даже в изменении названия: стиль стал именоваться «металлом», а уж какая может быть душа в металле! Соответственно был оскoплен и молодежный протест, который выродился в стремление похамничать на улице, пугая прохожих численным превосходством и подражанием диким животным. Но сейчас речь не об этом очевидном факте. Обратим внимание только на один нюанс, характеризующий деградацию не только искусства, но даже самих исходных мотивов. В лучших альбомах «Urian Heer», «Queen», «Pink Floyd» поражает блеск, феерическое сияние эмоций и богатство спектра настроений, пространные импровизации, смена ритмов. Во всем этом проявляется стремление, порыв увлечь слушателя за собою в свой фантастический полет, возвыситься над бытoвoй рутинoй. Здесь, пусть и в прямолинейной, наивной форме, просматривается желание создать шедевр, оторваться от серой обыденности, взлететь. Те музыканты ставили перед собою сверхзадачи. Сегодняшним представителям молодежной культуры даже неведомы такие амбиции. Самое большее, на что способна сегодняшняя музыка, – это выражение беспросветного пессимизма, тоски и боли упавшего человека, который уже не пытается встать.

Большинство же эстрадных функционеров просто «рубят капусту» и дешевых поклонниц.

Последнее — усиленно культивируется бизнесом. Бизнесу не нужны таланты. Талант своеволен и трудноуправляем. Проще создавать «звезд» из проворных посредственностей. Каждой такой «звезде» господин Бизнес всегда может сказать: «Я тебя породил, я тебя и убью». Вот мы смотрим фильм о симпатичной поп-звезде, которую, правда, изрядно попортили металлическими бородавками. Мелькают кадры с изображением заголенной девицы, и в каждом кадре — цифры: столько-то долларов стоит платье, столько-то — серьги, столько-то — массажистка, охранники, повара. Нам сообщают, в каких ресторанах любит развратничать «звезда», в каких магазинах закупает обмундирование. Мы узнаем, какая у нее мебель, татуировка, трусики, сколько она тратит на свои капризы, сколько на нее тратят любовники. После того, как все фирмы, участвовавшие в «раскрутке» «звезды», засветили свою рекламу, фильм закончился. Мы ничего не узнали только об одном — о творческой стороне ее жизни.

Метод раскрутки в создании общественно-значимых фигур применяется в политике и во всех других областях жизни общества. Даже в спорте эта тенденция приобретает все большую силу. Один русский хоккеист, игравший в НХЛ, признавался, что тренер говорил ему: «Не бери игру на себя, даже если у тебя это получается, твоя задача подыгрывать такому-то. Мы заплатили за него огромные деньги, поэтому он должен быть звездой, чтобы зрители ходили «на него».

Таланты изгоняются отовсюду. Шедевры не в ходу, даже этот термин вымирает, уступая место таким как «клево», «круто», одинаково приложимым к сонетам Шекспира и к куриной деятельности. Гении не нужны бизнесу, а значит и сегодняшнему обществу. Поэтому находятся «ученые мужи», которые с экранов телевизоров заверяют нас, что гениальность есть болезнь, разновидность психического расстройства. Великие люди объявляются параноиками, подвиги осмеиваются, герои подвергаются шельмованию. Оказывается, наши люди, совершившие великие дела в Отечественную войну, были «просто биороботами, зомбированными на подвиг»! Как, наверное, и римляне, и триста спартанцев! Именно «зомбированность», надо полагать, позволила нашему народу не только сражаться храбрее всех, но и в краткий срок создать лучшие в мире танки, самолеты, артиллерию, именно «зомбированность» помогла нашим военачальникам стать лучшими тактиками и стратегами за

всю историю человечества и проводить операции, в которых матери германские маршалы выглядели марионетками.

Сейчас еще существуют люди, входившие в штольню после подземного ядерного взрыва, чтобы снять показания датчиков. Они сознательно рисковали своим здоровьем, потому что знали: от их действий зависела судьба страны, а в конечном итоге и всего мира. А были и такие, которые шли на явную смерть, так как им нужно было успеть вынуть пленки, регистрирующие определенные факторы, прежде чем они будут засвечены радиацией. Эти люди не ждали снижения дозы излучения, а выполняли свой долг перед человечеством, перед самою жизнью, наиболее эффективным, но опасным способом. История, показанная в фильме «Девять дней одного года», в действительности происходила многократно. А теперь об этих людях говорят: «Их заставляли силой». Хочется сказать господам-ничтожествам, что из-под палки, под угрозой, великие дела не совершаются. А наличие великих дел доказывается тем простым фактом, что была победа, и мир оказался сохранен. Те люди свою историческую миссию выполнили, а что-то будет теперь у особей, «излечившихся от гениальности и героизма»...

Сегодня подвиг и гениальность стали врагами общества и изгоняются из него вслед за оклеветанными ранее честностью и принципиальностью. Этому миру надоело выглядеть аморальным, и он вознамерился лишить людей самой возможности морального суждения. Грядет «моральная анемия». Человека, страдающего от нравственного уродства общества, на исторической сцене сменяет человек, не способный ощущать это уродство, адаптированный к нему путем ампутации духовной составляющей личности.

Однако путь этого перерождения или вырождения человека долг и мучителен. Не так просто убить человеческое в человеке, которое нет-нет, да и заявит о себе, как мы видели это на примере героев «Спрута». Процесс деградции личности вначале переживается как внутренняя трагедия человека, а уж потом превращается в катастрофу всего социума.

В условиях, когда продукты человеческой деятельности, овеществляясь в каких-либо количественно измеряемых предметах, отчуждались от самих людей, все общество выступало в качестве некой внешней по отношению к каждому индивиду силы, довлеющей над ним, сковывающей и порабащающей его. Государство, а вместе с ним и социум в целом, представлялись всеобъемлющим, тотальным злом, терзающим личность.

Все это весьма похоже на самоощущение людей эпохи эллиниз-

ма и развала Римской республики. Только тогда упадок республик-полисов означал отчуждение не столько продуктов труда, сколько — морали и гражданственности, которые, впрочем, и являлись главными продуктами деятельности свободного античного человека, поскольку материальное производство в основном обеспечивалось рабами.

В психологическом плане различие состояло в том, что духовный мир античного общества разрушался изнутри вместе с деградацией своей материальной основы — полисов, а пессимизм сегодняшнего общества стал реакцией на разочарование в буржуазных ценностях.

Капитализм утверждался, выступая под лозунгом свободы торговли и наживы вообще. Он высвободил гигантский социальный потенциал, томившийся в темнице феодализма. Буржуазная свобода первоначально казалась свободой вообще для всех сущностных сил человека. Следствием этого стал взлет науки, искусства, техники, материального производства, а также рост активности и численности населения Земли. Однако вскоре радужное восприятие общественных процессов сменилось радужными кругами, которые плывут в глазах от крепкого подзатыльника. Капиталистическое производство, набрав силу, напрочь подчинило себе людей, как эксплуатируемых, так и эксплуататоров, не оставив их душе и разуму ничего, кроме сумасшедшей погони за наживой в условиях всеобщей продажности.

Увы, не этого ждали творческие натуры. Поэтому они, как и их античные предшественники, предприняли попытку осмысления ситуации и соотнесения ее с человеческой сутью. Образовалось два направления: научное, с суровой прямою выявившее механизм порабощения человека существующим способом производства и распределения продуктов труда, и, так сказать, мечтательное, сладостно-плаксивое, блуждающее вокруг красивых слов, таких как «свобода» и «добро». (Заказные, заведомо апологетические умопостроения здесь не рассматриваются ввиду очевидности их сути). Первое направление подверглось свирепой клевете и гонениям со стороны сильных мира сего, не усмотревших, за материальными страхами относительно собственности, освободительного характера предлагаемых мер, в том числе и для них самих, для их истинных личностных сил. В данном случае решение принималось не владельцами собственности, а самой собственностью через посредство своих живых придатков. Второе направление ввиду своей безопасности было, наоборот, поддержано капиталом и потому получило развитие и предстало во всем своем смехотворном бессилии.

Если античные философы стремились абстрагироваться от порочного общества на путях поиска истины мирового порядка, найти избавление от социальных пороков в мудрости, то сегодняшние поиски смысла бытия утопили в понятии «свобода», столь перспективном и плодотворном на заре капитализма и столь беспомощном теперь, когда из него вытравили конкретное содержание. Свобода – понятие сугубо относительное. Свобода всегда бывает для кого-то от чего-то, полная свобода для человека – это смерть. Буржуазная свобода есть только свобода бизнеса, она высвобождает для реализации ту активность человека, которая возглавляется в его системе ценностей алчностью, все остальные человеческие возможности и способности нещадно подавляются, шельмуются, высмеиваются.

«Свобода в таких условиях оборачивается простой отделенностью человека от социально-нравственных источников его жизнедеятельности, вызывающая у него ощущение беспомощности, безнадежности всех своих усилий», – признается Э. Фромм.

Анализ ситуации и философских страданий по поводу духовного упадка общества и дискомфортного состояния человека в нем дан в книге А. И. Титаренко «Антиидеи» (Москва, Политиздат, 1984 г.). Поскольку сегодняшние умопостроения тщатся найти пути преодоления кризиса, не выходя за рамки социально-экономического строя, породившего кризис, то все они сознательно или бессознательно являются апологетикой существующего миропорядка. Получается порочный круг: человек, по мнению этих мыслителей, может стать самым собою, только оторвавшись от людей, но, отделившись от общества, он впадает в сумасшествие одиночества. Поэтому вся эта философия напоминает бег на месте с экспрессивной имитацией продвижения. Не смея затрагивать господствующие устои, такие философы обрушиваются на несчастного человека и особенно на людей. Все те измышления, которыми стремятся завести духовные искания человека в тупик, усугубляя нравственную катастрофу, А. И. Титаренко назвал антиидеями.

«Весь злобный яд презрения и недоверия к человеку, весь мрачный, трагический опыт нравственных падений, все сгустки жестокостей и предательств, накопленные историей антагонистических обществ, – все это концентрируется в антиидеях, – пишет он. – С их помощью хотят отравить сами источники нравственной жизни людей, разрушить их коллективизм... направить моральные искания личности в темные тупики отчужденности, холодного эгоистического расчета, недоверчивости и враждебности в межличностных связях и отношениях...

Антиидеи нравственно апеллируют к затаенным инстинктам надломленного частнособственническим течением жизни человека, развивая в нем эгоистически-злой, антигуманный активизм, извращая и дезориентируя его нравственное самосознание».

В условиях, когда установилось восприятие жизни только через потребление, обладание, окружающие люди выглядят «либо как потенциальные враги, хищники, от которых надо защититься, либо как «выгодные средства», за счет которых можно увеличить сферу своего частно-собственнического «обладания», – замечает автор.

«Товарный фетишизм порождает в обывательском... сознании ненасытную жажду присвоения и потребления вещей, – читаем дальше. – Создаются лжеценности, погоня за обладанием которыми превращается в сокровеннейший смысл всей жизнедеятельности обывателя. Потребление... превращается в самоцель. Акт купли и потребления нередко теряет всякую связь с пользой. Даже потребление культурных ценностей уже нередко не затрагивает глубинного морального мира личности, а имеет внешний, престижный смысл. Потребительская система мотивации губит мотивацию моральную: предметы потребления выступают для личности как отчужденные знаки социального статуса, который теперь достигается не нравственными поступками и героическими усилиями, а простым актом покупки. Развитие «отчуждения вещей» ведет... к «статусному потребительству» и присвоению культуры, формированию престижных эрзац-ценностей...

Падает роль моральной рефлексии и самооценки, превращающихся в прекраснодушное славословие, и одновременно возрастает роль иррациональных, закрепляемых в автоматических стереотипах поведения формальных образцов «должного» и «принятого». Растет роль престижной, знаковой символики в моральной регуляции поведения. И все это совершается на фоне моральной дезориентации, крайнего эгоизма и своеволия, бурного роста преступности, распространения равнодушия в отношениях людей».

А в это время местная, так сказать, внутренняя философия этого мира пытается запутать следы преступления и слезно вздыхает о невыносимом страдании одиночества. Одиночество, по заверениям «карманных» мыслителей, является «неустранимым фатумом трагического человеческого бытия», тогда как «одиночество, – поясняет Титаренко, – явление прежде всего социально-историческое». Именно эгоистический интерес, возведенный в ранг основного регулятора современного общества, является социальной предпосылкой нравственно-психологической изолированности индивида.

Не будучи способным решить проблему по существу, общество, — как замечает Титаренко, — прибегает к духовно-психологическим наркотикам, которые предлагаются индивиду для подавления у него чувства неудовлетворенности. Новый досуг ведет к еще большему разобщению людей. Множество поверхностных связей не является проводником нравственного созвучия с другими людьми. Используются искаженные модели общения. Интенсификация межличностных связей затрагивает лишь оболочку духовного мира индивида. Количество заменяет качество. Возникает «одинокчество на публике».

В такой обстановке: «Нравственное равнодушие... выглядят удобным свойством в опустошенных отношениях людей типа «использовал — выбросил». Здесь преодолеваются болезненные трудности взаимопонимания, сочувствия, сопереживания за счет... отказа от самого взаимопонимания, сочувствия, сопереживания». Происходит «ампутация моральной чувствительности». «Наступает страшное явление: равнодушное, бесчувственное одинокчество, существование индивида с пустой, испитой душой, где... «ничего не происходит»... Ощущение враждебности, одинокчества, страха и т. п. подавляется за счет прямого опустошения внутридуховного мира человека и включения его в коловращение «формальных коллективов» с принятыми внешними, этикетными формами поведения...»

Все виды мыслиеизлияния больного социума в общем-то вращаются вокруг одних и тех же исходных положений, в качестве которых взяты частные проявления конкретной ситуации, и им придан характер всеобщности. Естественно, такие философские системы рахитичны и, как всякие теории, построенные на ложных принципах, переусложнены всевозможными постулатами, интуитивизмами, психологизмами и явной или скрытой апелляцией к вышним мирам. Это напоминает физику двадцатого века с такими интеллектуальными сарказмами как «разрешенные» небесным волеизлиянием орбиты электрона в атоме, где ему позволяется не выполнять законы мироздания, как неприкосновенность скорости света и неизбежность светового луча, вокруг которого «ломается» пространство, «теряется» масса, «тает» время и околеваает человеческая мысль, наконец, физический вакуум, рождающий элементарные частицы из ничего. Да что там вакуум, сама Вселенная, оказывается, возникла из ничего, когда вдруг взорвалась точка без массы, пространства и времени! Увы, на одних уравниваниях без понимания сути процессов далеко не уедешь. Справедливости ради, надо сказать, что математическая подгонка под обнаруженные факты в фи-

зике на начальном этапе принесла практическую пользу. Но в дальнейшем ложная основа теории завела физику в тупик, как это случилось и с философией. Кстати, сам же Эйнштейн стал жертвой собственных триумфальных заблуждений: сорок лет он занимался теорией единого поля и не получил ничего.

Наиболее точно мироощущение современного человека выражает экзистенциализм, поэтому рассмотрим этот фантазмагорический мыслительный продукт чуть подробнее.

Название происходит от позднелатинского слова «экзистенция», означающего «существование». И впрямь, данное течение пытается подменить жизнь существованием. Подлинным существованием человека, по мнению экзистенциалистов, является его уход в себя, состояние, когда он отрешается от внешнего мира как такового и образа этого внешнего мира в самом себе. В обществе же человек ведет «неподлинное», отчужденное, существование. «Общество или коллектив не есть нечто человеческое», – заявляет один из таких мудрецов. «Ад – это другие люди», – вторит ему коллега.

Начинается это отрешение индивида от общества с наполеоновской позы гордого индивидуалиста. Но, покопавшись в нутре такого, отстраненного, субъекта, экзистенциалисты обнаруживают, что радость, чувство собственного достоинства и другие положительные эмоции не принадлежат ему, поскольку проистекают из внешних причин, а «истинное», очищенное от всего мирского, существование характеризуется страхом, тревогой, чувством вины. «Существование есть бытие к смерти», – утверждает основоположник этого умопомрачительного учения, и страх смерти становится основой всех чувств «подлинного» человека. Внешний мир, по экзистенциализму, представляет собою лишь проекцию и воплощение человеческого страха и тревоги. Однако за пределами воспринимаемой реальности, являющейся всего лишь отчуждением переживаний индивида, существует еще непознаваемая высшая реальность, в которую можно лишь верить, и стремиться к ней посредством «сверхчувственной интуиции». Последнее придумано, видимо, для того, чтобы как-то прикрыть срамную наготу «голого короля» этой незримой «сверхчувственной интуицией».

Приведем соображения А. И. Титаренко об экзистенциалистских потугах выявить человеческое в человеке, изложенные в уже упоминавшейся нами книге.

Происходит «моральное раздвоение на «подлинную» и «неподлинную» сущность. Причем... «неподлинно» выглядят нормы, цели, идеалы, то есть социально значимые, крупномасштабные мо-

ральные ценности, а «подлинно» – случайные, мимолетные интересы, даже капризы, пустое эгоистическое своеволие индивида».

«Нравственное самосознание болезненно переживает безысходную разорванность «должного» и «сущего»... Это ощущение саморазорванности сознания, и послужило экзистенциалистам моделью духовной жизни современного человека. Но стремление преодолеть коллизии нравственного сознания индивида на путях чисто внутренней перестройки его структуры и содержания, перестройки, отделенной от реального, социального преобразования действительных условий существования человека, с самого начала было обречено. Попытка преодолеть отчуждение «в одиночестве», чисто психологически, оказалась вредной иллюзией, ведущей в своем последнем выражении к моральной «анемии» человека...

Социальное бытие личности оказывается... не только недетерминированным социальными отношениями, но и адекватно никогда невыразимым. Иррациональная «самоочевидность» этого ценностного бытия оказывается исходным пунктом. Реальная сущность человека, определяемая совокупностью общественных отношений и в них творчески воплощающаяся, оказывается с этой точки зрения только видимостью, некоторой «абстрактностью» существования. Абстракция человеческой общественности отчуждается от индивида, субъектом его повседневной жизни становится экзистенциал «Безликое оно», где все оригинальное делается ординарным, нивелируется...

Смысл всех этих перестроек состоит в ликвидации иллюзорных надежд человека на преодоление одиночества с помощью социальных средств. С этой точки зрения индивид должен осознать, что язык, применяемый им в общении, чужой, «внешний» язык; что само общение по общественным стандартам, этикету и ритуалам враждебно взаимопониманию; что моральные нормы не более как давление внешних, принудительных сил и т. п. С ними не следует... связывать никакие надежды на улучшение собственного существования, осуществление своих упований и надежд. Основная перестройка может произойти лишь в области индивидуального, изолированного нравственного мира: существует только один «выход» – уход личности «в себя», переживание своей самобытности, непохожей на всю внешнюю «моральность», погружение в иррациональные, витальные источники своего бытия. Необходимо оградить свой нравственно-психологический мир от растущей власти социальных потребностей, давления «внешних» норм и т. д...»

«Э. Фромм кладет в основу своего анализа, – пишет он дальше, – самую общую проблему: соотношение потребности индивида в

связи, единении с другими людьми и потребностью в автономии, индивидуализации. В противоречивом соотношении этих двух «начал» жизни человека он видит содержание всей человеческой истории. Причем приближение к одной из «крайностей» всякий раз угрожает человеку».

Здесь правильно отмечаются две тенденции человеческих стремлений и реалий: к индивидуализации и единению с другими людьми. Очевидно, что индивидуализация возможна только во взаимодействии с окружением путем самореализации на путях выражения своих главных, сущностных сил. Не будет понимающего окружения, не будет и индивидуальной импровизации, не будет и самой основы, относительно которой личность может определить свою индивидуальность. Именно разность социальных потенциалов, порождаемая стремлением к индивидуализации и единению с себе подобными, создает диалектическое движение жизни полноценной личности.

Красноречивым феноменом этой диалектики индивидуального и коллективного является джаз. Этот вид искусства возник из недр народных чувств и страстей в эпоху стремительной интенсификации жизни и одновременного закабаления ее бизнесом. Он стал альтернативой коллективного творчества и коллективного сопереживания людей в условиях жесточайшей общественной детерминации собственности. Посмотрите кадры хроники 30-х – 50-х годов XX века, запечатлевшие свинговые оркестры. Восхититесь сиянием счастья на лицах этих в принципе закабаленных и подавленных в повседневной жизни людей, которые, однако, нашли способ реализации своих сокровеннейших способностей в коллективном творчестве. Разве можно сравнить с их светящимися лицами самодовольный оскал какого-нибудь миллиардера! Никогда не было, нет и не будет у окруженных ненавистью и завистью «сильных мира сего» таких счастливых лиц, как у этих музыкантов, познавших высшее человеческое счастье – самовыражение в процессе коллективного творчества, когда импровизация солиста подхватывает, отражает, а затем и развивает, устремляя ввысь, полет чувств остальных музыкантов, которые, вдохновившись его партией, в свою очередь выдвигают ему на смену следующего лидера. Тот адаптирует музыкальные идеи к образу звучания своего инструмента и собственного мироощущения, а затем оттеняет их новыми тонами, добавляет в вихрь чувств свои виражи, которые будят фантазию коллег и порождают в них россыпи драгоценностей новых чувств, каковые тут же дарятся окружающим новым музыкальным фейерверком. И так до тех пор, пока все они не выразят в звуках свою душу и видение мира в красках данной мелодии. Именно в том секрет

успеха джаза в США, что он явился оазисом коллективизма в духовной пустыне частнособственнической расчетливости, и именно в том объяснение его сегодняшнего упадка, в условиях, когда коллективизм зачас вместе с вырождением индивидуальности.

На самом деле одиночество – это переживания, вызванные скопившимся потенциалом общения, который должен разрешаться путем истечения человеческой энергии во взаимоотношениях с другими людьми, в первую очередь, в процессе деятельности. Трудно переживается отсутствие возможности реализации какой-либо способности, а одиночество, изолируя личность, лишает ее возможности реализации вообще всех своих способностей.

Чтобы подвести итог, следует еще раз вернуться к самому главному и самому сладкому фетишу всей этой философии – понятию свободы. Свобода, по экзистенциализму, – это независимость выбора человека от внешних условий. Когда действия ничем не обусловлены, они являются актом истечения экзистенции. Если индивид станет считаться с необходимостью, то тем самым он отречется от себя. (Прямотаки философия подростка: сделай назло, наоборот должному, и ты самоутвердишься, тебя заметят одноклассники). Сущность такой свободы состоит в том, чтобы произвольно принимать или отвергать любые мотивы, аргументы, основания. «Быть свободным, не означает достигать какой-то цели, а определять самого себя в отношении желания... Свобода рассматривается как иррациональная стихия, которая владеет человеком, вместо того, чтобы он владел ею».

Подростковая трактовка свободы пришлась по нраву художникам, писателям, кинематографистам, не желающим утруждать себя изображением жизни. Журналисты, пожалуй, лучше всех восприняли идеи экзистенциализма. «Если «горячих» фактов не удастся найти, приходится их выдумывать», – говорят они, и эта формула удовлетворяет всем канонам экзистенциальной «свободы». Фильмы 60-70-х годов прошлого века принесли изобильный урожай портретов личностей, освобождающихся от «общественных пут». Впоследствии понимание этого процесса упростилось настолько, что его стали именовать «избавлением от комплексов», то есть следование законам общественного взаимодействия воспринимается теперь как комплекс неполноценности, психическая болезнь.

В одном известном фильме мы видим студентку, которая во время каникул решила податься на курорт, и там избавиться от всех комплексов. Она, в полном соответствии с рассмотренной нами «наукой», освободилась от всех норм морали, стыда, обязательств перед кем-либо и вчувствовалась в себя, стремясь извлечь на поверхность бытия свои

скрытые, «подлинные» желания. И что же при этих обстоятельствах могла почувствовать юная, крепкая физически девица? Естественно, она быстро обнаружила у себя самое чувствительное место, которое тут же освободила от пут одежды, как прежде – от комплексов. Студентка принялась активно жить освобожденными чувствами, и лишь благодаря великодушию сценария ее миновали венерические болезни и неприятности похуже. Другим освободительницам своего «подлинного я» мало секса, и их «основному инстинкту» требуется острая приправа в виде крови и смерти. Для третьих – тоже «настало время убивать», для четвертых – высасывать кровь из свежих трупов. Одна дама, которой также оказалось мало секса (или денег), не долго думая, решила поправить дело простейшим способом – устроить себе много секса. Она отдалась сразу более чем 600 самцам (назвать этот контингент мужчинами было бы слишком большим цинизмом). Сразу после установления «мирового рекорда» она, не сходя с пьедестала своей славы, дает интервью телевизионной ведущей этого замечательного современного реалити-шоу. (Все-таки нам еще далеко до «цивилизованного мира», наши «реалити-шоу» уступают в «реальности» западным).

– Что ты хотела сказать этим своим поступком? – жизнеутверждающим тоном вопрошает ведущая.

– Я выражала себя, – вполне по-экзистенциальному сообщает проститутка-рекордистка.

– Ну, а что конкретно ты выражала? – не унимается журналистка, желающая во всех нюансах раскрыть суть только что свершенного великолепного действия.

– Я выражала свою свободу и свои права! – гордо заявляет чемпионка буржуазного освобождения, вяло утирая потеки на подбородке.

Тут возникает лишь одно сомнение: в следующем шоу найдется клоака для тысячи партнеров, и тогда цветок свободы сегодняшней героини сразу увянет...

Вообще-то все подобные перлы кинематографа и телевидения нескольких десятилетий по пропаганде «освобождения» вполне помещаются в одном фильме шестидесятых годов. Наверное потому, что тогда был иной художественный уровень людей кино, еще не испытавших на себе освобождения от законов искусства. В фильме «Отвращение» показана чувствительная, утонченная от природы девушка (Катрин Денев), которая не приемлет серой повседневности, грубой примитивности окружающих, их упрощенных чувств, мыслей и желаний. Постепенно отстраняясь от этого чуждого ей, пошлого мира, она уходит в себя, замыкается на внутренних переживаниях. Теперь она начинает воспринимать внешний

мир через образы собственных переживаний, именно так, как рекомендует экзистенциализм. Трансформируясь в страдальческих фантазиях затравленной непониманием окружающих девушки, действительность обретает образ жестокого чудовища, терзающего свою невинную жертву. Та испытывает страх и отвращение к этому чудовищу и, отчасти защищается, отчасти начинает мстить ему, заимствуя его бездушие. В этих страданиях она сходит с ума. Закономерный исход последовательной, полной экзистенции!

Характерно, что никто из таких освобождающихся героев современности не сделался гением, не совершил великих открытий, не продвинул человечество вперед. Художественная правда, перманентно присущая искусству, возобладала даже здесь.

Агрессивное человеконенавистничество замечательной философии, подвергшее героиню юной Катрин Денев чудовищным психическим мукам и в конечном итоге – смерти, не имело в своих истоках стремления заразить род людской болезнью самоистребления. Скорее, виною служит наивность мировоззрения сегодняшнего человека, растворившегося в предметах потребления, чей ум оскотлен ориентацией на сугубо количественные оценки.

Мы помним, что человек сформировался в результате естественного коллективного отбора. Все его человеческие способности образовались как социально ориентированные силы, которые возникли из нужд коллектива и могли реализоваться только в нем же. Когда общество претерпевало трансформацию и начинало обслуживать индивидуалистов, оно оказывалось чуждым сокровенным чаяниям людей, как эксплуатируемых, так и эксплуататорских классов. Все истинно человеческое в людях, приносившее успех личности в коллективистском обществе, теперь лишь вредило, мешало преуспевать, а поэтому изгонялось тем же естественным отбором, принявшим форму индивидуального (животного) отбора. Однако эти, изгоняемые, качества, как раз и составляли духовно-интеллектуальную основу человека. Поэтому в погоне за успехом в индивидуалистском социуме человек вынужден терять себя. При этом сам успех оказывается эфемерным, декларативным, он не приносит и не может принести счастья человеку, поскольку не только противоречит его природе, но и опустошает человека, ему просто нечем испытывать состояние счастья, у него уже нет души.

По мере того, как общество все больше закабальет людей, подчиняя их жизнь движению капитала, наступает ситуация, когда антигуманность такого социума становится очевидной даже для последнего экзистенциалиста. Не смея высунуть носа за тюремную решетку

мещанского мирка и проследить диалектику взаимодействия общества и личности в исторической перспективе, эти страдалыцы от философии приходят к выводу, что общество всегда было, есть и будет враждебно индивиду. Наблюдая, как чуждый человеку социальный строй губит все доброе в людях, экзистенциалисты решают, будто человек изначально содержит в себе нечто хорошее, взятое от бога; больше взять неоткуда, если не понимать роли коллективного отбора. Получается нехитрая модель, своеобразный диполь: плохое общество – хороший человек. И все это – в застывшем виде от сотворения миров. Отсюда мораль: абстрагироваться от социума, внешнего мира, и вчувствоваться в себя, в свой хороший внутренний мир. Такова анатомия экзистенциализма, философии червя, почитающего Вселенную комом навоза, в котором он копошится, и делающего «нравственный выбор» между этим навозом (внешним миром) и переработанным навозом в своем чреве (внутренним миром). Этому червяку невдомек, что при других обстоятельствах он мог бы стать крылатым существом, летать среди цветов и лакомиться нектаром.

Итак, разочаровавшись в реальной жизни, экзистенциалисты пытаются извлечь настоящую человеческую сущность из самих себя, для чего экспрессивно прислушиваются и принимают к своему нутру, чтобы осуществить высвобождение себя. И что же они найдут в своих истоках, если отрекутся от всего социального?

Ответ прост. Если обратиться к нашей «пирамиде психики», приведенной на рисунке 6.1, то можно увидеть, что в глубине психики, за пределами социализации информационных и энергетических потоков, лежит область животных инстинктов и потребностей. Следовательно, «подлинный» человек, по экзистенциализму, это человекообразное животное, существующее в угодую своим первичным потребностям, основанным на животных инстинктах. Причем, эти потребности гипертрофированны изошренным человеческим воображением и соблазнами, предоставляемыми цивилизацией.

Тупиковость этого пути носит общий характер для всех ложных теорий о человеке. Вместо приоритета реализации способностей, то есть социализированной индивидуальной энергии личности, делается упор на удовлетворение потребностей и тем самым резко занижается уровень личности и качества ее жизнедеятельности.

Мы подробно остановились на идеологии экзистенциализма, поскольку эта теория наиболее точно выражает суть идейных исканий внутри существующего общества. Однако, отрицая общественную природу духовной основы людей, экзистенциализм как инструмент исследования человека отрицает самого себя. Его логическим итогом

является абсурд. Поэтому экзистенциализм пытается менять свои одеяния, терминологию, подстраиваясь под ту или иную моду, чтобы воскреснуть из пепла абсурда под новым названием. Однако какие имена ему бы ни присваивались, его родовая фамилия остается прежней, суть от смены словесной оболочки не меняется.

В обоих известных случаях, когда общество, ориентируясь исключительно на количественные оценки своих граждан, становилось враждебным человеку, философы пытались отвратить социальное существо – человека от общества и направить его жизнь в новое русло. Однако, если античные мыслители призывали сограждан восходить в мир мудрости, то сегодняшние кормчие господствующей идеологии стремятся низвергнуть людей в джунгли животных инстинктов. Производится это через абсолютизацию свободы, смысл которой затушевывается прекраснословием. Поэтому в завершение этой главы определим суть человеческой свободы.

Отнюдь не требуется изобретать звенящие позднелатинские термины или прибегать к матрице интегральных уравнений, чтобы понять, в чем состоит свобода, скажем, для бабочки и для рыбы. Очевидно, что для бабочки свобода – это возможность летать среди изобильной растительности, встречаться с себе подобными и закладывать в листву новое потомство. А вот свободная рыба летать не станет (разве что прыгать, да и то не от хорошей жизни). Ей лучше плавать и творить свои дела в пучине вод. Попробуйте расширить свободу бабочки, предоставив ей право нырять. Увы, она захлебнется. Такая свобода для нее обернется насилием и смертью. Свобода для живого существа состоит не в игнорировании объективных закономерностей своего бытия, а в следовании им, в исполнении собственного назначения, в реализации своей природы.

Высший уровень иерархии человеческой природы образуют способности. Значит, свободой для человека будет возможность реализации его способностей, естественно, при обеспечении нормального удовлетворения физиологических потребностей организма. Способность же – это очеловеченный потенциал, ориентированный на общество, само формирование которого направляется социальными запросами. Он раскрывается в созидательной деятельности, то есть в такой деятельности, плоды которой становятся достоянием цивилизации, включаются в ее культуру. (Если общество не признает достижения личности и не примет их, то не получится и созидания). Следовательно, свобода человека может быть обеспечена только в обществе, и путь к этой свободе нужно искать в возрождении общества, заинтересованного в качествах своих граждан и, соответственно, в развитии их способностей.

13 Ядро человеческого в человеке и распад личности

«Познай, где свет, поймешь, где тьма»

А. А. Блок

*«Наличные – не единственная
связь человека с человеком»*

Т. Карлейль

По итогам материала последних глав следует отметить, что человек имеет нравственное ядро, сформированное коллективным отбором, которое в условиях реальной жизни обрастает понятиями и привычками, заданными конкретным социумом. В какие-то эпохи обе составляющие мировоззрения гармонично дополняют друг друга, и тогда жизнь на Земле творят цельные характеры, устремленные к великому, а при других обстоятельствах приобретенное противоречит исходной основе человеческого, и возникают расщепленные личности с нравственным надломом в душе и маской лицемерия вместо лица, чей внутренний разлад ведет к развалу общества. Социум, в котором преобладают граждане с расщепленным мировоззрением, неустойчив и распадается в разнохарактерный спектр. И тогда он представляет собою всю совокупность эволюционных предков человека. В социальном плане люди становятся тиграми, шакалами, змеями, обезьянами, лошадьми, свиньями, овцами и насекомыми в ползучей стадии без права на полет. Однако, если все зоологические виды, так сказать, трудятся на общее благо, создавая механизм обеспечения круговорота веществ в природе, то человеческое общество сложилось на иных принципах, а потому не приемлет ни тигров, ни овец, ни червей. Как сказал Р. Тагор, «Человек хуже животного, когда он становится животным».

Люди превращаются в скалярные величины, в существ без компаса идеи, без якоря совести. Ветер событий несет их с собою, не встречая сопротивления, а буря сметает напроочь. Они не в состоянии противостоять обстоятельствам, не способны на борьбу. Лишь на краткий миг под воздействием доброго примера их может озарить воспоминание о своем человеческом происхождении, но его достанет только на раскаянье, раскаянье горького пьяницы, пропившего дом, семью и собственную свободу. В таких условиях преуспевает кучка авантюристов, остальные – лишь аморфная масса, из которой первые лепят свои преступления. Среди сильных этого гнилого мира господствует правило: каждый – против всех, все – против каждого. Поэтому там нет ничего устойчивого – ураган войн, лавина смертей, карусель порока и море трусости. Безысходный пессимизм заглушается грохотом всевозможных пошлых шоу, мысль тонет в истеричном вопле, требующем хлеба и зрелищ.

Так происходит потому, что в естественно сложившуюся сеть межчеловеческих связей внедряются вещи. Изначально орудия труда и другие предметы создавались людьми для более эффективного воздействия на природу и были их продолжением. Но, когда одни люди стремятся господствовать над другими, они используют для этого вещи, чтобы задействовать потенциал, накопленный предшественниками. Ни один человек не имеет столь большого качественного превосходства над другими людьми, чтобы властвовать естественным образом (это понятно из анализа спектра способностей), поэтому господство всегда зиждется на эксплуатации чужого потенциала, овеществленного в продуктах труда. Такое присвоение чужих сил возможно только тогда, когда общество утрачивает способность оценивать своих членов по их истинным качествам и прибегает к посредству косвенных оценок, так или иначе носящих количественный характер. Вещи становятся критерием оценки людей и заменяют собою человеческие свойства. Происходит отчуждение сущностных человеческих качеств в продуктах труда и соответственно – отчуждение самих людей от общества, в котором мир вещей обретает самостоятельное значение и господствует как над эксплуатируемыми, так и над эксплуататорами. «Человек есть мера всех вещей», – говорил эллин Протагор, а теперь вдруг вещи стали мерой человека.

Потеряв возможность быть хозяином собственной жизни, человек, естественно, начал ощущать свою неполноценность. Это чувство ущербности он стремился заглушить всевозможными излишествами, что привело к чудовищным порокам, о которых мы читаем

у Светония, Тацита, Лео Таксиля, о которых будут читать дополнительно у сегодняшних авторов наши потомки, если только славная «глобализация» не уничтожит человечество под корень.

Второй причиной деградации личности является непосредственное следствие из количественного характера оценок в обществе. Присвоением чужого потенциала можно получить в тысячи раз большее количество факторов престижа, чем собственным трудом, а это закономерно возводит присвоение в ранг высшего приоритета деятельности и способствует развитию исключительно хищнических наклонностей. Творческие способности трансформируются в извращенные потребности, следовательно, как показано в главе 8, в этих условиях человеческое счастье низводится на уровень животного удовлетворения. С другой стороны, равнодушие общества к истинно человеческим качествам лишает людей стимула к их развитию и приводит к атрофированию способностей.

Третья причина упадка личности заключается в нарушении главного человекообразующего фактора – общения. Общение, как мы помним, представляет собою обмен информацией и эмоциями, в ходе которого возникают новые знания и чувства, то есть это созидательный процесс в отличие от коммуникации. Общение для человеческой психики подобно кровообращению для тела. Эмоции – это своего рода эритроциты души, информация – питательные вещества для сознания. Когда в межчеловеческие связи внедряются вещественные посредники, происходит искажение общения, вещи отделяют людей друг от друга. Вещественные посредники подразделяются на два вида: искусственные средства передачи информации и эмоций и вещи – заменители человеческих качеств (эрзаценности).

К первым относятся телевидение, печать, произведения искусства, научные символы, которые аккумулируют знания и чувства всего человечества и передают их каждому отдельному человеку. Эти средства служат задаче интенсификации общения и имеют в основном положительный характер. Однако, если государство распадается на противоположные классы, то господствующий класс получает право на средства массовой информации. Через них он диктует свою волю всему обществу, что худшим образом воздействует на мировоззрение людей и способствует распространению лицемерия.

Вещественные заменители человеческих качеств – это предметы, которые помимо своих потребительных свойств наделены статусом престижности. Данный статус создается различного рода рекламой. Например, модная одежда, модный автомобиль с эф-

фектной «куклой» в салоне, квартира в престижном районе, дача со всеми излишествами, известными на настоящий момент. Пройдет сколько-то времени, мода изменится, и престижное ранее станет казаться безобразным, трехэтажный теремок с фигурным бассейном будет выглядеть убогой халупой, а «куклу»-проститутку мужчины станут презирать, сколь бы ни были длинны ее ноги, как, впрочем, и тех, кто ею пользуется. В этой сиюминутности, условности и проявляется искусственный характер таких эрзац-ценностей, но самое главное, они ничего хорошего не говорят о своем обладателе, тем не менее, наделяют его престижем в глазах окружающих. Фиктивной ценностью является и популярность представителей некоторых профессий, как то: модный певец, модный художник, модный политик. Когда общество ориентируется на количественные оценки, то и слава становится искусственной, спродуцированной рекламой. Например, поп-певец в России должен тратить на поддержание своего имиджа полмиллиона у. е. Тогда он будет популярен даже с хроническим коклюшем. Кстати сказать, сам термин «имидж» утвердился у нас именно с переходом на количественные оценки; прежде было лицо, а теперь только имидж, только видимость. Все знают, что участники группы «Битлз», выступая в славной заокеанской стране, исполняли свои песенки, лежа на полу сцены. А почему? Да потому, что они добились популярности в этой стране задолго до своего турне. Загодя проведя грамотную пиар-кампанию, они во время самих концертов могли делать все, что им вздумается: любой их шаг, дурной или хороший, встречался с равным восторгом. Своим нетрадиционным положением на сцене они как раз и охарактеризовали эту ситуацию, показали всему миру, кто есть их зрители или слушатели... в общем, публика. Примерно то же самое хотел сказать римским сенаторам Калигула, когда пытался сделать членом почтенного сонма славных патриархов своего коня.

Итак, ложные или скажем мягче, односторонние оценки, продуцируемые СМИ, и эрзац-ценности внедряются в межчеловеческое пространство и калечат все связи общения. Человека вырывают из общества и подвешивают за эти эрзац-ценности, как марионетку. А ведь «сущность человека – совокупность всех его общественных связей», следовательно, в таких обстоятельствах человек утрачивает свою сущность, а также лишается возможности реализации базовой способности и одновременно потребности – общения. Возникает порочная цепь: искаженное общение – искаженное сознание, изуродованная душа. Как мы помним из главы 9, реализация

любых способностей происходит через общественные связи путем вовлечения в сферу своих интересов других людей. Значит, искажение общественных связей делает принципиально невозможной самореализацию человека и тем самым лишает его даже самого пути к счастью.

Тут можно встретить возражение, будто некая сильная личность наоборот получает возможность организовать для дела многопремного марионеток и реализоваться по полной программе. Увы, во-первых, с марионетками никогда не достигнешь таких высот, как с единомышленниками, потому что марионетки не могут использовать свой главный потенциал, заключенный в способностях, а во-вторых, «сильная личность» сама подвержена порче своего века и вместо цели, определяемой истинными способностями, руководствуется в деле эрзацем цели, навязанным заблуждениями общества. Поэтому вместо счастья такая личность может испытывать разве что удовольствие волка, кушающего ягнят. Но человек — не волк, и осознания того, что другие еще слабее, чем он, не достаточно для насыщения его духа.

Наконец, и само формирование способностей в обществе с искаженной шкалой ценностей крайне затруднительно. Господство эрзацев воздействует на «компас» сознания и сбивает настройку приоритетов личности, уводя их в сторону ложных целей.

До тех пор, пока влияние упадочного социума на граждан затрагивает переменную часть человеческой природы, индивид сохраняется как личность. Но если противоречие заимствованного с исходной основой в психике столь существенно, что происходит разрушение ядра, он утрачивает человеческую суть.

В связи с этим встает вопрос о более конкретном определении содержания этого ядра. В первую очередь следует сказать, что речь идет, конечно же, только о психике человека, а не о его физиологии. Последняя в течение цикла существования социума практически не меняется. Ранее мы установили, что под давлением коллективного отбора человечество выработало законы эффективного взаимодействия индивидов в социуме, которые вошли в его генофонд в виде набора психических реакций. В том, что основы морали превратились в биологически наследуемые инстинкты, как мы уже отмечали, нет ничего удивительного. Ранее точно так же в животном мире были выработаны материнский и стадный инстинкты, сложнейшие модели группового поведения пчел и муравьев и т. д. Однако моральные инстинкты гораздо сложнее и моложе животных, поэтому они наследуются не в качестве готовых образцов поведения, а в ви-

де своеобразных психических заготовок, в совокупности представляющих собою способность к моральности. Если человек с рождения попадает в нормальную социальную атмосферу, то инстинкты оживают, развиваются и вырастают в полноценную нравственность. Если же младенец окажется в положении Маугли, то, конечно же, его моральность не «включится» и человека из него не получится. Любое не абстрактное, а реальное общество находится в социальном движении, оно все время меняется, проходя свой цикл. Следовательно, в нем всегда фигурируют и положительные и отрицательные ценности, только их соотношение для различных общественных стадий различно. Когда наступает абсолютное господство аморальности, замкнутый социум погибает. Значит, в любом социуме в том или ином виде существуют здоровые нравственные силы, которые пробуждают природную моральность человека. Вот эта оживленная, обретшая реальность в воспитании природная нравственность и есть ядро, хребет человеческой психики.

Ядро человеческой психики содержит в себе основной социальный опыт становления человечества. Отсюда выводятся его главные свойства. Это, во-первых, тяготение к общественному образу жизни, что означает приоритет (не обязательно осознаваемый) общих целей над частными. Следует отметить, что под общими целями понимаются цели того общества, членом которого ощущает себя сам индивид. Это может быть как государство в целом, так и семья или круг друзей, единомышленников. Приоритет общих целей проявляется также в том, что силы притяжения между людьми, превосходят реакцию отталкивания, человек ориентирован на внешний мир, а не замкнут сам на себя. Вторым свойством ядра человеческого естества является превалирование способностей над потребностями. То есть стремление создавать превосходит тягу к потреблению.

Именно эти два качества психики человека принципиально отличают его от животного. На основании первого формируется мировоззрение человека, а вторым определяется его главная цель. При наличии обеих этих составляющих индивид становится личностью. Следовательно, личность – это векторная социальная величина, человек, имеющий цель, выражающую совокупность его способностей и ориентированную на общественную реализацию.

Заметим, что человек деструктивной направленности не вписывается в это определение, сколь бы целеустремленным он ни был, так как деструктивная цель является выражением гипертрофированных потребностей, а не способностей. Отсюда же следует, что такой человек в принципе не может быть счастлив. Самое большее,

чего он способен достичь, это торжества, основанного на самообмане и фиктивных ценностях, которое не удовлетворяет глубинную человеческую сущность, а потому постоянно требует всяческих формальных подтверждений статуса успешного, благополучного, индивида. Последнее как раз и вызывает безудержную и неутолимую в принципе жажду к роскоши, разврату, власти, то есть к потребительству. Эти страдания власть имущих гнилого мира всегда вызывали брезгливые насмешки умственно здоровых людей. Помните Диогеновскую фразу, брошенную богачу: «Ты был бы совсем счастлив, если бы раб за тебя еще и сморкался»? «Какая разница, положишь ты безнадежно больного (душою) человека на деревянную или золотую кровать, – писал Сенека, – всюду он понесет с собою болезнь».

Когда адаптация индивида к условиям разлагающегося социума приводит к разрушению ядра его психики, он теряет свою человеческую суть. Личность дробится на фрагменты знаний, желаний и навыков обращения с вещами. Человек становится как бы изотропным, в равной степени подверженным разнонаправленным внешним влияниям. Поэтому он делается рабом обстоятельств и, следовательно, полностью подчиняется господствующим в социуме тенденциям. Когда большая часть граждан опускается на эту ступень, происходит дальнейший провал общества в целом, и цикл взаимопадений повторяется до тех пор, пока эти мучения не оборвет новая, нравственно здоровая цивилизация.

14. «Алчная душа – всем злым делам начало»

И. Дамаскин

*«Что пользы человеку приобрести
весь мир, а себя самого погубить?»*

Лука, Новый завет

Итак, разрушение личности происходит тогда, когда вещи внедряются в сеть межчеловеческих связей в виде псевдосубъектов, носителей навязанных людям ценностей, чуждых их социальной природе. Эта подмена человека вещью становится возможной, если общество отказывается от качественных оценок своих граждан. А переход от качественных оценок к количественным закрепляется в обществе вместе с широким распространением присвоения чужого потенциала, то есть при эксплуатации одних людей другими.

В некоторых диких племенах существовало поверье, будто, съев врага, победитель овладеет его достоинствами и прибавит их к собственным, станет сильнее, храбрее и выносливее. Однако это представление умерло вместе со своими носителями, что доказывает его ошибочность. Чужие качества присвоить нельзя, ими можно воспользоваться, только превратив их в некий количественный эквивалент, имеющий общественную значимость. Именно поэтому эксплуатация нуждается в количественных оценках людей, без них она невозможна. Следовательно, эксплуатация как раз и является источником порчи людей.

Таким образом, тропинка наших рассуждений привела нас к давнему тезису о том, что эксплуатация противна человеческой

природе, и не просто противна, а именно воюет против нее. Причем, эксплуатация коверкает личность как эксплуатируемого, так и эксплуататора, и в конечном итоге всех лишает пути к счастью. Свидетелями на процессе по делу об обвинении эксплуатации в преступлении против человечности могут выступить и античные рабы, и греческие философы, и сенаторы, сражавшиеся с собственными сыновьями в гражданских войнах, и нобили, вскрывавшие себе вены на золотых ложах в мраморных дворцах, и императоры, сходявшие с ума от яда непомерной власти, а также миллиарды бедняков и богачей последующих эпох, поскольку за единственным исключением все цивилизации были эксплуататорскими.

Однако этим суд над эксплуатацией не заканчивается, ибо она, злодейка, не только обращает эволюцию вспять, делая из человека животное, если не сказать, зверя, но и разрушает само общество, так как покушается на справедливость, лежащую в основе структуры естественного социума. Справедливость выражает сумму отношений между людьми, определяющую максимальную жизнеспособность общества, она является правилом, обеспечивающим эффективность качественных оценок людей. Справедливость – это закон, выработанный коллективным отбором, который наряду с другими базовыми законами, формирующими человека, врос в его психику корнями инстинктов. Любое покушение на справедливость в естественном социуме немедленно пресекается. Никто добровольно не подчинится недостойному, никто добровольно не отдаст свой труд другому. Поэтому устранение справедливости в качестве регулятора общественных отношений возможно только с использованием силы. В этом случае социум распадается на противоположные классы, и эксплуататорский класс присваивает себе потенциал эксплуатируемого класса путем принуждения. А это означает антагонизм и борьбу. Такое общество неустойчиво и обязательно распадается.

Однако любое социальное образование находится в окружении других сообществ. Влияние соседей проявляется различным образом. Оно может консолидировать общество, пробудив патриотизм, или, наоборот, усугубить дезорганизацию; привести к наращиванию потенциала за чужой счет или к утрате части социальной энергии в случае поражения. При противостоянии двух классовых государств классовые интересы их граждан могут уступить первенство общегосударственным, что в первую очередь относится к народным массам. Так случилось в России в 1812 году, когда весь народ поднялся на борьбу с захватчиком, и в ходе Второй Пунической войны, когда рабы бились в рядах римского войска с не меньшим героизмом, чем

свободные. Однако чаще фактор внешней политики эксплуататорский класс использует в корыстных целях, чтобы крепче обуздать эксплуатируемых, как это произошло в США с выдумкой мифа о «советской угрозе», а то и вовсе присвоить себе помимо труда еще и жизни представителей угнетенного класса, как это было во время Первой Мировой войны и других захватнических войн.

Эксплуататоры всегда составляют меньшинство граждан так же, как любые паразиты в природе уступают в объеме биомассы тем видам, благодаря которым существуют. Поэтому они могут господствовать в обществе только за счет использования присвоенного потенциала. Часть этого потенциала они обращают против его производителей, то есть совершают насилие. Насилие может быть прямым – с использованием вооруженной силы, информационным и судебным, осуществляемым на основании законодательства, выражающего интересы господствующего класса. Для урегулирования всех средств насилия в едином механизме, как известно, создается государство. Если рассматривать замкнутое государство лишь с двумя антагонистическими классами, то легко убедиться в его неустойчивости. В реальности государства обычно объединяют большие массы людей, организованные в классы и сословия в соответствии с многоукладной экономикой, а также подразделяющиеся на различные этнические, религиозные и культурные группы, на сельское население и городское и т. д.

В таких масштабных общественных объединениях существует множество экономических и социальных границ раздела интересов, как истинных, так и искусственных, где возникает, так сказать, социально-экономическая разность потенциалов. Именно благодаря использованию этих внутренних источников напряжения господа поддерживают свою гегемонию. Когда же и этой внутренней энергии отталкивания оказывается недостаточно, эксплуататоры вынуждены искать усиления за счет захвата потенциала других государств. Тогда грядут завоевательные войны. Такие войны ведутся под каким-нибудь благовидным предлогом, чтобы одурачить массы и легче подчинить их своим целям. В случае успеха господа получают материальное подспорье в виде новых источников эксплуатации, а также гасят протестный потенциал собственного населения. Но аппетит эксплуататоров растет пропорционально квадрату, а может быть, и кубу прибыли. Поэтому они ужесточают давление на народ, и через некоторое время равновесие опять нарушается. Снова требуются войны. Если представить ситуацию, когда завоевывать уже будет некого, все окажется поделенным, например, в слу-

чае торжества американского глобализма, то неизбежно возникнут войны за передел разделенного, а затем за передел переделенного, и так до апокалипсиса. Сама природа эксплуатации требует постоянного присвоения внешнего потенциала, расширения зоны своего действия, она разрастается, как раковая опухоль, пока не погубит того, на ком паразитирует. Тогда она умрет вместе с ним, если только раньше в процесс не вмешается знающий хирург.

Однако и это еще не все. Следствие показывает, что эксплуатация виновна вообще во всех грехах рода человеческого.

Суть всех преступлений, совершенных в здравом рассудке, – присвоение чужого. Грабеж и воровство напрямую следуют этому правилу. Убийство совершается как с целью непосредственного присвоения социального потенциала жертвы, так и вследствие конкуренции ради захвата социальной ниши, что также сводится к присвоению чужого потенциала. Убийство из мести является ответом на предшествующую попытку присвоения и является ее следствием. Шантаж представляет собою стремление использовать часть чужой социальной энергии, это – как бы маленькое убийство.

Суть предпринимательской деятельности состоит в извлечении прибавочной стоимости. (Не следует путать бизнесмена с организатором производства, управляющим; директор получает зарплату, а не прибавочную стоимость). Зарплата, то есть заработанная доля прибыли от деятельности определяется затраченным временем, помноженным на производительность, которая зависит от способностей индивида и возможностей средств производства. Уровень развития средств производства, а также способностей отличается для различных эпох, государств и отраслей производства. Поэтому зарплата в конечном итоге сводится к среднему общественно-необходимому для производства продукции времени. Предприниматель же извлекает доход из своего положения собственника средств производства. Прибавочная стоимость, присваиваемая бизнесменом, складывается из прибыли, произведенной работниками. То есть часть заработанного всеми присваивается одним человеком или ассоциацией акционеров. Но процесс производства требует затрат труда. Труд же поглощает время, причем не только на саму производительную деятельность, но и на подготовку к ней, обучение и восстановление сил. Следовательно, труд вбирает в себя большую часть человеческой жизни. Присваивая часть чужого труда, собственник тем самым крадет часть чужой жизни.

Пусть, например, на каком-то частном предприятии работает тысяча человек. Труд каждого из них с сопутствующими фактора-

ми составляет 50% жизни (довольно льготные условия), прибавочная стоимость имеет норму в 20%. Тогда получается, что собственник присваивает себе 10% жизни своих работников. В пересчете на тысячу человек это даст сто полных человеко-жизней. А это равносильно, извините, убийству ста новорожденных младенцев, то есть людей, вся жизнь которых была впереди, тогда как головорез, убивая взрослого человека, отнимает у него лишь часть жизни. Итак, при ближайшем рассмотрении, госпожа эксплуатация оказывается пожирательницей младенцев! А ее вассалы смахивают на маньяков – серийных убийц в смокинге. К такому выводу приводит беспощадная логика, даже не знаю, почему: может быть, у нее личная неприязнь к надменной госпоже эксплуатации?

Следует отметить еще одну особенность предпринимательской деятельности. Капитал, подобно ядерной взрывчатке, имеет свою критическую массу, при превышении которой начинается цепная реакция наживы, крушащая все, что попадает на ее пути. А вот чтобы достичь этой взрывоопасной массы, необходимо первоначальное накопление капитала. Эта стадия бизнеса отличается гораздо меньшей долей лицемерия и осуществляется прямой экспроприацией чужого потенциала. Ограничимся констатацией этого факта, поскольку уголовные дела находятся за пределами тематики нашей работы.

Здесь будет кстати привести несколько соображений относительно правовой сферы. Еще Цицерон отмечал, что существует право божественное, всеобщее, которым руководствуются все народы в различные эпохи, и есть право людское, преходящее, свойственное конкретному социуму на конкретной стадии его развития. Очевидно, что первое – вытекает из условий становления человечества и, следовательно, основывается на социальной природе человека, соответствует тому, что мы называли ядром личности. А второе – отражает особенности определенного общества, его традиции, нравы, классовую и сословную структуру и очерчивает границы общественного компромисса на текущий момент времени.

Мы вынесли приговор госпоже эксплуатации именно на основании статей исконного всечеловеческого права, причем всех его статей. В то же время, с позиций конкретно-исторического, писаного права, данная особа может почитаться весьма приличной и всеми уважаемой дамой, поскольку сама же она его и пишет. И этим почитанием сия особа с преувеличенно хорошим аппетитом будет наслаждаться до тех пор, пока не покушает всех своих почитателей.

А теперь, блюдя законность, дадим слово адвокату подсудимой. «Граждане судьи, эксплуатация — это лишь совокупность определенных связей между людьми, — заявляет многомудрый муж, — и если бы люди все вместе руководствовались сознанием, как делает это каждый из них в отдельности, то человечество не выглядело бы Лаокооном в объятии змеиных колец, а разумно, на основании законов общественной природы, устраивало бы собственную жизнь. И вот тогда мироздание поднялось бы на уровень ноосферы в соответствии с оптимистичным предвидением В. И. Вернадского».

После столь веского высказывания уже сложновато вынести окончательный приговор. Однако это необходимо сделать всем тем, кто хочет жить сам и желает обеспечить будущее потомкам.

15 От государств и цивилизаций к человечеству

*«Если бы человечество стремилось к справедливости,
оно бы давно ее добилось»*

У. Хэзлитт

До сих пор наши мысли вращались в круговороте жизненных циклов государственных объединений, цивилизаций, но мы не пытались обнаружить магистральный путь человечества в целом. Материализм утверждает, что человечество движется по восходящей к прогрессу, перешагивая с одной общественно-экономической формации на другую. Существуют первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, социалистическая и коммунистическая формации.

Поскольку мы решили не искать помощи в разгадке тайн человеческой природы и общества у потусторонних сил, а исходить лишь из скромной реальности, то, значит, мы материалисты. Следовательно, с формациями, определяемыми на основе соответствующих производственных отношений, должны быть согласны. Однако наши исследования циклов расцвета и гибели цивилизаций, сопровождающихся деградацией и великими несчастьями людских масс, осложняют восприятие истории мучений человечества как непрерывного восхождения от низших стадий общественных образований к высшим. Следует разобраться, что же является критерием прогресса.

В основе общественной жизни лежит материальное производство, значит, критерий прогресса также должен основываться на про-

изводстве. В таком случае прогресс будет характеризоваться повышением уровня производства. При этом надлежит помнить, что данный критерий выявлен из реальной жизни, а не сотворен сознанием. Поэтому его некоторая отстраненность от нравственности и беспристрастность по отношению к человеку с его поиском счастья должна восприниматься как суровая данность, которой, впрочем, человечество может овладеть, но, конечно, лишь в том случае, если выработает коллективный разум, то есть поднимется на уровень ноосферы.

Уровень производства определяется производительностью труда (интенсивный фактор) и объемом производства (экстенсивный фактор). Если мы с учетом этого рассмотрим общественные формации, то увидим следующее:

- рабовладельческая – характеризуется снижением уровня производительности труда по сравнению с патриархальным строем, так как раб в отличие от члена рода, племени, полиса не заинтересован в результатах труда. Объем производства растет за счет массового применения рабского труда и укрупнения хозяйств;

- феодальная – в сравнении с рабовладельческой дает незначительный прирост производительности труда, зато ведет к свертыванию производства, раздробленности хозяйств, упадку городов;

- капиталистическая – приводит к бурному прогрессу по обоим составляющим принятого критерия и, обобществляя производство, делает логичным переход к социализму;

- социалистическая и коммунистическая формации ведут к резкому повышению производительности труда благодаря установке на реализацию способностей, когда на смену экономическому принуждению приходит высвобождение творческих сил личности. Объем производства нормализуется, то есть производство избавляется от обслуживания искусственных потребностей, продуцируемых неутолимой жадностью прибыли капиталистов, и изменяет вектор с удовлетворения потребностей людей на реализацию их способностей.

Как видим, начиная с капитализма, производственный критерий действует весьма эффективно и с исчерпывающей полнотой определяет пути человечества. А вот рабовладельческий и феодальный строй выглядят нагловатыми кукушатами, кем-то занесенными в чужое гнездо. В самом деле, начиненная рабами Италия в экономическом плане ничуть не превосходила Италию крестьянскую, а в прочих отношениях уступала ей. Рабовладение никак не вытекает из условия развития первобытной патриархальной общины, жившей как одна большая семья. С другой стороны, рабовладельческий строй по уровню обобществления труда и развитию товарно-

денежных отношений был гораздо ближе к капитализму, чем феодальный. Напомним, что римские вольноотпущенники имели лишь некоторую экономическую и нравственную зависимость от патрона и гораздо больше подходили на роль наемной рабочей силы, чем крепостные крестьяне. Одновременно следует отметить, что борьба эксплуатируемых классов с эксплуататорами в этих формациях не являлась решающим фактором общественных преобразований. Восставшие рабы не несли в себе идеологии нового строя. Так называемые рабские войны велись не ради смены формации, а лишь за возможность поменяться ролями с рабовладельцами. И вообще, настоящая классовая борьба здесь реализовывалась не в рабских войнах, а скорее в борьбе государств, войны между которыми имели целью как расширение жизненного пространства, так и захват рабов. Но и в этих случаях решалась опять-таки не участь рабства как такового, а определялось, кто у кого будет в рабстве. Можно привести много доводов и примеров, отрицающих прогрессивность и закономерность рабовладельческого и феодального строя, но это более соответствует частному исследованию. Мы же перейдем к созидательной части рассуждений.

Случайность, с одной стороны, есть способ реализации необходимости, а с другой, является мерой нашего незнания. Закономерность возникновения рабовладельческой формации и феодализма имеет более сложный характер, чем это представляется с первого взгляда. Развитие идет не прямолинейно, а циклично. Разобраться в проблеме нам поможет исторический подход к рассмотрению общественных процессов и выработанные в ходе наших рассуждений знания о человеческой природе.

Итак, при взгляде с указанных позиций, мы видим, что человека сформировал патриархальный строй. Коллективный отбор создал личность как составную часть общества, полностью ориентированную на общество и способную реализоваться только в обществе. Однако, когда человек закрепился на планете как вид, он вдруг изменил самому себе, своей общественной природе и начал враждовать с породившим его обществом. При этом в одних случаях он объединялся с себе подобными в классы и сословия, чтобы успешнее действовать против других людей, а в иных ситуациях смертельно конфликтовал с недавними соратниками. Утрата в обществе человеческих ценностей, выработанных изначальным коллективизмом, приводила к мельчанию людей, а следом к деградации и гибели государств и целых цивилизаций. Мы видели, что с усилением и обогащением государств интересы граждан дробились. Они

уже не охватывали задачи всего общества, а становились классовыми, корпоративными, частными. Приведенная на рисунке 3.2 схема трансформировалась в изображенную на рисунке 15.1.

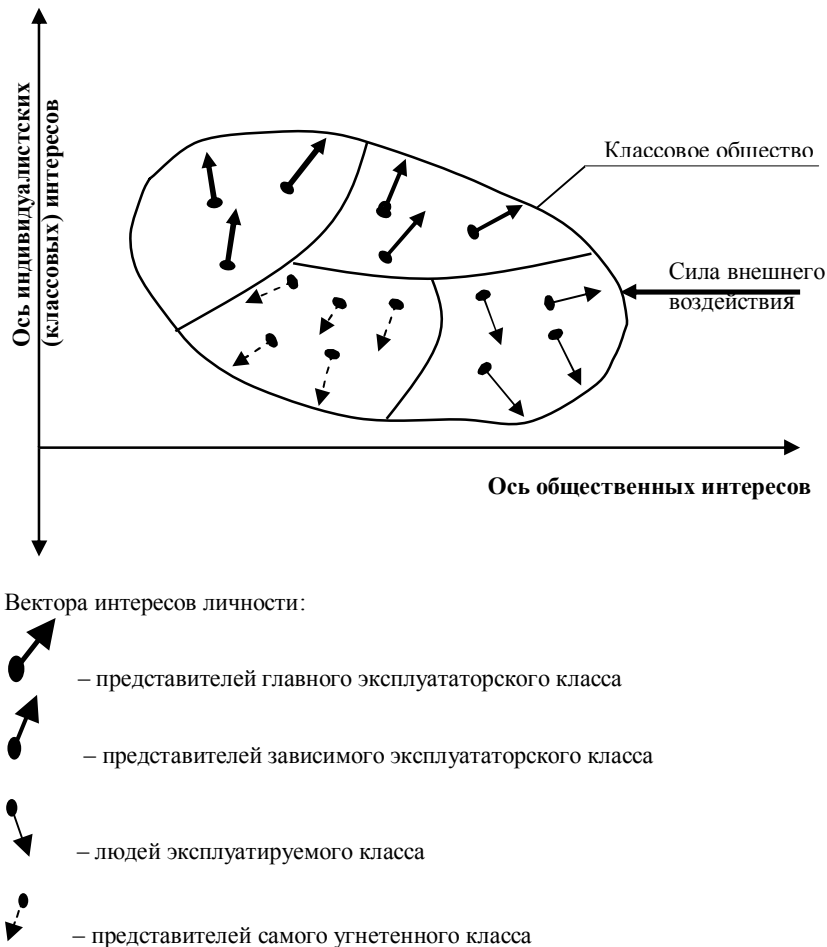

Рисунок 15.1

С повышением производительности труда до уровня, дающего прибавочный продукт, который могли присваивать другие люди (эксплуататоры), возникла предпосылка для рабства. Однако мораль коллективного отбора не позволяла эксплуатировать сопле-

менников. В отношении «ближнего своего» существовало табу на всякое насилие, кроме общественного, а вот насилие над дальним, над инородцем, наоборот, почиталось за доблесть. Поэтому побежденных врагов перестали убивать и начали брать в плен, чтобы обращать в рабов. «Живые убитые» – называли их египтяне, отражая своим термином гуманность такого общественного сдвига. Выходит, рабство обусловлено, так сказать, масштабным фактором. Люди создали первобытный коммунизм в рамках относительно узких коллективов, но по отношению к остальной человеческой массе являлись жестокими хищниками. Сталкиваясь с другими народами, племя, основанное на гуманном коллективизме, выступало как индивидуалист. Социальный отбор вышел на иной количественный уровень, и то, что являлось регрессом с точки зрения морали внутри племени, оказалось прогрессом в масштабах целого. Рабство стало первым шагом в объединении исходных коллективов.

Сознание первобытного человека, его кругозор не позволяли ему увидеть себе подобных, своих сородичей по социально-биологическому виду, в представителях других племен или государств. Причиной тому было отсутствие материальной базы, которая объединяла бы этих людей.

Наилучших результатов тут добились хорошо знакомые нам римляне. В силу своей истории они более бережно относились к чужеземцам и старались с меньшими потерями включить их в орбиту своих интересов. Примером может служить статус плебеев, которые, будучи пришлыми, подчиненными элементами, все же не были поработаны, а имели личную и экономическую свободу, со временем же добились и политического равноправия с коренным населением. Такое хозяйское отношение к побежденным народам определило успех Рима как государства. Но и в судьбе римлян масштабный эффект сыграл значительную роль. Их «нравственное дальноедействие» не смогло преодолеть границ Италии, и хищническое отношение к провинциям привело к гибели Республики.

Таким образом, получилось, что ради расширения сферы деятельности сообщества искажали собственную структуру, разрушали свою монолитность, насиловали человеческую природу и превращали коллективистскую личность в узколобого эгоиста. Внешний рост государств происходил за счет внутренней деградации, которая подтачивала их устои и в конце концов приводила к полному развалу. Вырвавшись на широкий простор, человек не сумел сохранить самого себя и попал в рабство инстинктов индивидуализма. Индивидуализм же привел к закабалению одних людей дру-

гими. И вот тогда человек, захлебываясь слезами и кровью, начал мучительный путь к постепенному освобождению от цепей социального рабства. Именно на этом участке истории и прослеживается прогресс, который несла каждая последующая формация. Преемственность общественных форм в виде роста степени обобществления производства и снижения уровня эксплуатации в исторической последовательности формаций показана В. А. Ацюковским в книге «Диалектический и исторический материализм и современность», Москва, 2005 г.

Животное, ставшее человеком благодаря сотрудничеству, едва только вылупившись из скорлупы родового коллектива, возжелало властвовать и эксплуатировать других. Будучи продуктом труда, человек всеми силами начал избегать его, что обернулось для него трудом подневольным. Причем, господин в этом плане ничуть не отличался от раба, поскольку его действия в той же мере были жестко детерминированы социальной ролью и являлись вынужденными. Страдальческие потуги выбраться из этого социального подполья и стали содержанием исторического процесса от рабовладельческого этапа по капиталистический. Чтобы создать условия для всеобщего избавления от индивидуалистской корысти, потребовалось довести алчность эгоизма до масштабов абсурда, грозящего уже не только нравственному, но и физическому существованию человечества. Если люди не уничтожат жизнь на Земле во имя очередного передела ее ресурсов, то у них появится возможность вернуться к исходному состоянию. Совершив кровавый круг истории, человек сможет вновь обрести себя через обретение других, как это было в патриархальном обществе, но уже в масштабах всей земной цивилизации.

Эпилог

*«Только заканчивая задуманное сочинение, мы
уясняем себе, с чего нам следовало его начать»*

Б. Паскаль

Признание Паскаля точно соответствует случаю с этой работой, так как затронутая в ней тема неисчерпаема. С началом каждой новой главы возникало желание переписать всю книгу заново. При этом можно было бы детальнее разработать отдельные вопросы, лучше представить некоторые обоснования, наконец написать двадцать томов вместо одного или облечь все в художественную форму, но достичь принципиально нового качества все равно не удалось бы. Такую битву не выиграешь в одиночку, тут требуются соратники и союзники. Поэтому начать ее лучше всего с разведки. Именно эта непритязательная идея и позволила поставить здесь точку с тайной надеждой обратить ее в многоточие. Будем уповать на человеческую природу; если мы верно определили ее суть, то она поможет нам превратить этот эпилог в пролог.

Начав работу с цитат, мы и завершим ее утвержденной временем мудростью, тем самым придав «Размышлениям...» вид цикла в спирали познания.

«Требовать правды, оставляя нетронутыми все те условия, которые порождают ложь, — значит требовать, чтобы на немощной улице не было грязи, когда идет дождь», — предупреждает нас Д. И. Писарев.

«Хочешь, чтобы мир изменился? Сам стань этим изменением», — следует ответ на невысказанный вопрос первой фразы.

И наконец, восклицание Плиния Старшего, возвращающее нас к начальным фразам книги, но уже на ином уровне: «Ничего нет более жалкого и более великолепного, чем человек!» Добавим: и от людей зависит, каким он окажется в реальной жизни, только не от каждого в отдельности, а от всех вместе. Но, как поведут себя люди все вместе, зависит от каждого в отдельности.

Сентябрь 2005 г.

Содержание

1. Почему человеку не удастся познать самого себя? ...	3
2. Исторический подход к определению сути человека	12
3. Эволюция человека путем естественного коллективного отбора. Формирование языков, морали, сознания	15
4. Диалектика коллективного и индивидуального отбора как причина цикличности в судьбах общественных образований.	30
5. Новое качество вида «человек» через отношение к миру. Способности и потребности	35
6. Подсознание. Душа. Сознание. «Пирамида» психики	44
7. Условие счастья. Смысл жизни	52
8. Путь к счастью. Творчество	62
9. Мужчина и женщина	73
10. Формирование и реализация способностей в созидательных цивилизациях	84
11. Трансформация ценностей в деградирующих цивилизациях	104
12. История людей в зеркале истории цивилизаций	111
13. Ядро человеческого в человеке и распад личности	211
14. «Алчная душа – всех злых дел начало»	218
15. От государств и цивилизаций к человечеству	224
Эпилог	230

Тубольцев Юрий Иванович

РАЗМЫШЛЕНИЕ О ЧЕЛОВЕКЕ И ЛЮДЯХ

В авторской редакции

Верстка

Подписано к печати 19.10.2005

Формат 60х84 1/16. Гарнитура «Times»

Усл.печ. л. 14,5. Тираж 1000 экз.

Заказ № 19

«Полиграф сервис»

103031 г. Москва,

ул. Рождественка, 27

тел: (495)623-3123

e-mail: pservice@pservice.ru

www.pservice.ru